Антимир

Двойной стандарт - 2

Сергей Викторович Сергеев

SHOUT
SHARE
IT

- Часть первая
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
- Часть вторая
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20

Часть первая

Духа истины, которого мир не может принять,

Потому что не видит Его и не знает Его;

Евангелие от Иоанна, 14:17.

Глава 1

Вернувшегося домой из командировки Андрея Хрусталёва слегка обескуражил натюрмортный набор предметов на кухонном столе: бутылка водки "Фронтовая" и огромный кусок пирога в полиэтиленовом пакете.

"Странно, такую водку покупают только на похороны", — мрачно подумал он, и ничего не стал трогать.

"Наверное, опять кто-то в подъезде умер, принесли помянуть, не подъезд, а прямо хоспис какой-то", — продолжал размышлять он, разбирая вещи из дорожной сумки. Хотя, поднимаясь в квартиру, он не заметил ничего такого привычного, что свидетельствовало бы о правильности его умозаключений.

За последние два месяца в их подъезде наблюдалось несколько похоронных церемоний и все на нижних этажах. Так что он, проходя по лестнице вверх или вниз, каждый раз на её межэтажных площадках встречался с гробовыми крышками, аккуратно прислоненными к стене, так сказать, чтобы не создавались неудобства мимо фланирующим. Что поделать, малоразмерные строения хрущёвского типа заставляли постоянно выискивать ещё не задействованные в обиходе метры жилья.

Самое пикантное в данной ситуации то, что покойники не являлись жильцами не только данного подъезда, но и дома вообще. Это были родственники жильцов, близкие и даже дальние. Их привозили сюда умирать. Притворно скрытая забота, или по-книжному диссимуляция, в таких случаях была очевидной и, кроме чувства искреннего соболезнования, вызывала иные чувства, лишённые гуманного подтекста.

Опустошив сумку, распределив предметы в привычные места, в основном всё ушло в корзину с грязным бельём, он решился принять душ. Горячей воды не было, пришлось наполнять кастрюльки и греть воду на газовой плите.

"Когда только успели отключить, ни объявления, ни других предпосылок к тому не намечалось", — ругал он коммунальщиков.

Обычная гигиеническая процедура растянулась на целый час. Он встретил жену в прихожей с мокрой головой и полотенцем в руках.

Чмокнув его во влажную тёплую щёку, Лена тут же и прояснила ситуацию:

— Как только уехал, в этот же день и отключили, пришла с работы, а воды уже нет.

— Что говорят? — спросил Андрей, слегка сторонясь и

пропуская жену вглубь квартиры по узкому коридору мимо ванной, на внутреннюю сторону полуоткрытой двери которой он безуспешно пытался повесить полотенце.

— Да ничего, плановое отключение, как только лето, у них планы на отключение, — раздосадовано поясняла она.

Помолчав немного, скинув босоножки и продвинувшись в комнату, она уже оттуда продолжала оглашать последние новости:

— Соседке нашей Вере Васильевне сорок дней.

— Так вот к чему водка, а я-то подумал, опять кто-то представился, вошёл на кухню, а там джентльменский набор, — ответил Андрей с интонацией удовлетворённости в голосе, разместив наконец-то на пластмассовом крючке отяжелевшее полотенце.

Он вошёл в комнату и застал супругу за переодеванием. В этот момент она стояла к нему спиной, лишь тугие застёжки бежевого бюстгальтера посредине прикрывали её наготу. Елена аккуратно сворачивала только что снятую блузку и, почувствовав его взгляд, торопливо положила блузку на спинку дивана и также торопливо набросила на плечи домашний халат, прямо поверх тёмной юбки, запахнула его и, направляясь в сторону кухни, на ходу бросила фразу:

— Ты, наверное, проголодался, я сейчас тебя сырниками попотчую.

"Я проголодался и по другому поводу, ну да ладно начнём с сырников", — но вслух он ничего не произнёс.

Сидя уже за кухонным столом и стараясь с десертной ложки выложить на горячую подрумянившую лепёшку сырника крутую деревенскую сметану, Андрей мысленно вернулся к новости о Вере Васильевне. Сметана никак не хотела отлипнуть от ложки, наконец-то ему это надоело, и он вилкой снял сметану и размазал её по сырнику, при этом высказался:

— Уже сорок? Быстро летит время. Кто же позаботился сейчас, если даже хоронить было некому?

— Зоя Петровна, подружка её, заходила. Говорит, сын выписался из больницы и попросил её, раздать по всем кто знал его мать, — отвечала Лена, меж тем заботливо подкладывая на тарелку супругу парочку ещё скворчащих лепёшек.

— Что у него память восстановилась? — удивлённо воскликнул тот, приостановив даже движение вилки на полпути ко рту с кусочком сырника, но потом, увидев, что подтаявшая сметана, начинает сбегать и капать на тарелку, всё ж продолжил трапезу.

— Говорят, что да, — просто и без затей ответила ему

супруга, уже проворно выкладывая на шипящую сковороду новые белые лепёшки.

— Интересно у них с матерью такая разница большая, — прожевав первый кусочек и подцепив второй, развивал тему дальше Андрей.

— Вера Васильевна замужем не была, всё выбирала, выбирала, да и не выбрала. И уже к сорока годам прижила себе ребёночка, на старость, — рассказывала она историю соседки, одновременно занимаясь выкладкой полуфабрикатов, а заполнив сковороду, повернулась к нему и, скрестив руки на фартуке, тут же переспросила, — ну, как сырники?

— Нормально, — мимоходом бросил он, продолжая есть, и, не отвлекаясь от темы, прокомментировал ситуацию, — а получилось, что на старости ребёнок и загнал её в гроб.

— Хватит молоть чепуху. Ты же ничего не знаешь, — с укоризной в голосе произнесла Елена и отвернулась от него, чтобы присмотреть за процессом жарки, и, если это необходимо, перевернуть сырники на другую сторону.

"Если бы не знал", — отметил про себя Андрей, но вслух ничего не сказал, сделав вид, что занят едой.

Этот вечер был просто пропитан новостями. Вот бывает же так болото, болото, а потом вдруг раз и чистое озеро с голубой водой, так и сейчас обыденность расступилась и дала место новизне. Его, просматривающего события минувших дней по интернету, заинтересовал сюжет в местных телевизионных новостях о нерадивых коммунальщиках, так сказать на злобу дня.

Сюжет незатейлив и прост. Чинили в частном секторе водовод, вырыли глубокую траншею между домами, трубу заменили, воду дали, а засыпать забыли. Жители куда только ни жаловались, а воз и ныне там. Вот приехало телевидение и показывает очередное городское безобразие, корреспондент берёт интервью у пожилой женщины, пенсионерки в грязном домашнем халате и тапочках с шерстяными белыми носками ручной вязки на ногах, которая на вопрос о падении в траншею отвечает:

— Не то, что не упала, а чуть не упала, а если не зароют, вообще будем падать.

"Вот откуда вышел Черников, тьфу ты, Черномырдин, полнейшая речевая несвязуха, а всё понятно", — иронично размышлял он о диалоге женщины и корреспондента, и в этот самый момент его неожиданно отвлёк знакомый скан.

"Что Черникова то вспомнили?"

"Не понял…" — сам себя мысленно озадачил он и стал непонимающе сверлить взглядом экран телевизора, словно

стараясь заглянуть внутрь кинескопа.

"Как дела?" — продолжили его спрашивать у него же в голове.

"Нормально", — сам себе отвечал он мысленно, и тут его осенило, что это Мария считывает мысли.

Он перестал таращиться на телевизор, повернулся к монитору компьютера и отлепил от экрана браслет, но одевать на запястье не стал, просто держал в руках и оживлённо включился в телепатический обмен.

— "Вы где?"

— "Уже здесь в городе".

— "Что так?"

— "Да вот так, Виктор навещает родных".

— "Один?"

— "Так надо".

— "Мы завтра увидимся?"

— "Наверное, да".

— "Почему неопределённость?"

— "Есть незавершёнка".

— "Запрет на обмен снят?"

— "Пока, да".

— "Почему пока?".

— "При встрече".

— "Тогда до завтра?".

— "До завтра".

Он почувствовал, что волна отхлынула, и вторжения больше нет.

"Интересно, что у неё опять произошло. Это какой-то бермудский треугольник: он, она и браслет. Прошлый раз в этом треугольнике канула память её любимого, что теперь?" — анализировал Хрусталёв итоги телепатического обмена с гадалкой.

Радовало, конечно, снятие негласного табу на такое взаимодействие, теперь можно иногда поддерживать полученные навыки, последние два месяца ему казалось, что он уже разучился это делать.

После того, как ему представилось, что он более или менее освоил внеземную технику — усилитель энергии мысли, он немного охладел к данному предмету, условно квалифицированному как браслет, и перестал им тотально пользоваться.

Во-первых, не с кем было делиться впечатлениями, Мария была два месяца в отъезде за границей. Во-вторых, он стал иногда ощущать неприятную тревогу, когда размышлял о своих знаниях и умениях, и парадоксальных выводах. Но только иногда. В

основном, взятый им курс на освоение паранормальных возможностей, которые предоставлял браслет, продолжался, просто в настоящий момент, по его же мнению, наступил каникулярный период.

В этот затянувшийся период относительного спокойствия Андрей больше не повторял эксперименты с перемещениями на материнский корабль, и его сознание восстановилось в прежних границах. И ему уже сдавалось, что никаких перемещений никуда не было, просто он поиграл в какую-то компьютерную игру, где виртуально посещал иное измерение.

"Правильные" мысли, возникающие в его голове неведомо откуда, теперь не выглядели такими уж странными, как в самом начале. Жить по правде и с правдой в действительности было легче, чем представлялось ранее. Единственное неудобство от такого образа жизни — это восприятие правды окружающими его людьми. Приходилось выполнять несложное правило, если не хочешь врать — молчи.

Он только сейчас, в прошествии некоторого времени, словно заново пропускал сквозь себя всё то, чему учился и осваивал вместе с Марией, но теперь перекраивал и подгонял по своему пониманию, не так как это было сформулировано наставницей.

Всё-таки учёные, к ним он относил не только всех учёных вообще, но и Марию с Рогалёвым в частности, хотя первая лишь по диплому физик, а по жизни гадалка, а второй, бывший её преподаватель, так им и остался в местном университете, не продвинувшись далее кандидата наук, все были немного странными людьми.

Они пишут книги и сочиняют статьи для общего пользования, словно тексты для учёного совета, чуждые и непонятные обычному обывателю. Чтобы составить научно-популярную статью или какое-нибудь техническое описание необходимы не только обширные знания в данной области, но и талант рассказчика, который позволил бы более доступно объяснить читающим не только суть излагаемого вопроса, но и позицию самих учёных.

Вот, например, Хрусталёв уже иначе трактовал такие явления, как ясновидение и прозрачность предметов.

Есть ли в этих двух понятиях сходство и различие? На первый взгляд — это одно и то же. Возможно, так оно и есть для человека, обладающего такими способностями. Но для простых окружающих прозрачность приемлемое зримое явление — стекло, лёд, а ясновидение — только слова ясновидящего, да нудные, читаемые только в узком кругу, трактаты по эзотерии.

Он и по-иному сформулировал для себя представления о

двойном стандарте, с небольшим, но отличием от точки зрения Марии.

Двойной стандарт — это, по его убеждению, и есть раздвоение веры и, как следствие, личности человека. Сначала между Абсолютом и собой, внутри себя, затем раздвоение происходит везде, на всех уровнях и этапах жизни. А почему нельзя? Первое и главное размежевание уже произошло, а дальше всё как по наклонной плоскости или как у классика: "Коготок увяз, всей птичке пропасть".

В чём он соглашался с гадалкой, так это в том, что двойной стандарт возможен везде, в любом аспекте международных отношений, внутренней жизни страны, в семье и в сознании отдельного человека. Но, всё настолько перемежевалось, что очень сложно выделять и разделять понятия из общего целого, называемого жизнью: "национальный интерес", государственность, семья и личность. Примеры? Тонированные автомобильные стёкла.

Только выводы у него получались странные, удивляли его самого, поэтому и держал он их при себе, не обыгрывал и не развивал далее, боясь выпустить на волю, в и так засорённый эфир, чтобы кто-то ни просканировал их нечаянно и ни воспользовался ими во вред себе.

Первый — жить по правде, жить по библейским законам, как учила его Мария, для некоторых людей вредно и опасно. (В принципе нормально и где-то правильно.)

Второй — если простой человек будет знать и, главное, верить, что его ждёт настоящая, иная жизнь после физической смерти, то он просто не захочет иногда жить. (Спорный вывод и неразвитый.)

Третий — для этого и нужен сатана, вредить, чтобы раньше времени не поверили. (Странный и непонятный, причём здесь сатана?) Ведь ему и так принадлежит всё, "все царства мира". Понятно, что он хочет завладеть душой, но душу ссылает на землю кто? Вот здесь наступает некая сингулярность.

Вот эти три вывода и беспокоили его иногда, особенно последний, но только иногда. Как не старался он блокировать мыслительный процесс об этом, какие только ухищрения не применял, но сильная энергетика таких мыслей прорывалась в самых разных ситуациях, порой неожиданных и, на первый взгляд, ассоциативно не связанных с выводами.

Кроме взаимодействия Хрусталёва с гадалкой в паранормальной области у них были и деловые отношения. Они работали с одним из банков по обеспечению его экономической

безопасности. Сотрудничество с банком, начатое как проверка истинных намерений клиентов при получении кредитов, потихоньку сходило на нет. Ипотечный кризис в США заставил не только российских специалистов, но и общественность обратить внимание и на нашу банковскую систему, высветив множество проблемных мест, в частности невозвратные кредиты в потребительской сфере. Банк принял решения о приостановлении выдачи новых кредитов и занялся проблемой долговых обязательств. Хрусталёву пришлось слегка подкорректировать род деятельности, теперь он числился не как консультант службы безопасности, а как специалист по оценке возможности получения просроченных долгов.

Надо отдать должное ему и с новым объёмом работы он справлялся успешно, поэтому руководство банка расширило территориально сферу его ответственности. Последнее время он очень часто выезжал в соседние области в качестве психолога-консультанта по работе с неплательщиками там.

На следующий день ближе к полудню они впервые за два месяца встретились все втроём Андрей, Мария и Инна в своём квартире-офисе. Мария не только похорошела и расцвела, но просто излучала счастье и доброту. "Вот, значит, что и как с людьми делает любовь", — усмехнулся про себя Хрусталёв. Хотя в её глазах мелькнула непонятная Андрею грустинка. "Этих женщин не разберёшь, нет любимого — плохо, есть — не всё хорошо", — объяснил он сам себе тень грусти в её взгляде.

Обсуждать с ней её же взаимоотношения с Черниковым, а тем более сам процесс лечения и постановки памяти, постеснялся, поэтому все вопросы свелись к разговору о том, как там за границей. Инна интуитивно проявила политкорректность и поддержала начатую им тему, но уже в своём ракурсе, как там тусуется молодёжь.

— Да, уж тусуются, — пристально взглянув на Инну, ответила Маша, — расшатывают нравственные устои, мораль их покруче нашей будет, но довольно об этом, поговорим о делах.

И они стали обсуждать дела фирмы, расположились по привычке на кухне за столом. Инна поставила чайник, выложила на стол небольшой торт, видно, что готовилась к встрече. Но углубленного разбора не получилось. Ни Инна, ни Андрей не знали, что конкретно обсуждать и что в настоящий момент в первую очередь интересует начальство, да и сама Мария Анатольевна куда-то спешила, изредка поглядывая на часы, была слегка рассеяна и слушала невнимательно. В конце концов, она прямо заявила, что торопится на автобус, и ей ещё необходимо

решить кое-какие дела.

— Странно, вы мне ничего не сказали вчера по телефону, что собираетесь куда-то ехать, — удивилась секретарь.

— Да, я и сама не была уверена, что поеду. Идя сюда, позвонила маме, потом на автобусную станцию, думала, что отправлюсь в деревню завтра, — пояснила Мария.

— Что же вас заставило поменять планы, ехать в ночь за триста километров, — проявил заинтересованность и Хрусталёв.

— Не за триста, а за двести тридцать, — уточнила Мария, — а ночью потому, что автобус ходит только рано утром или вечером, да и не хочется идти по селу под пристальными взглядами.

— Что так?

— Да вот так. Давно не была на Родине, да и пересудов про нас с Виктором всяких полно.

— Не ожидал от вас, что вы боитесь людской молвы.

— Да я-то не боюсь, родителей жалко, им ещё там жить и ответ держать. А так приеду ночью, переговорим, посидим, узнаю последние новости, потихоньку втянусь в тамошнюю обстановку, пропитаюсь сельским воздухом, а уж потом начну наносить визиты и дефилировать по улицам.

— Так вам тогда гостинцы необходимо закупить, — вступила с рационализаторским предложением секретарь.

— Это точно, вот это меня и беспокоит, спросила у мамы, она ответила ничего не нужно, сама приезжай, но разве с пустыми руками поедешь, — оживилась Мария, и было заметно, что Инна попала в точку, выразив вербально то, что тревожило и заставляло нервничать гадалку.

— Может мне вас до места на автомобиле доставить, — предложил свои услуги Хрусталёв.

— Спасибо, но это лишнее, — и она встала из-за стола, давая понять, что настало время действовать.

— Тогда за покупками, — не отступал Андрей.

— Вот от этого, пожалуй, не откажусь, — согласилась Мария и облегчённо улыбнулась.

— А давайте и я вам с покупками помогу, — завелась Инна.

— Нет, уж ты оставайся на хозяйстве и планируй визиты на следующую неделю, начиная со вторника, — возразила Мария Анатольевна, спрятав неожиданно улыбку.

— Ну, тогда по коням, — энергично скомандовал Андрей.

Он впервые за всё время их знакомства оказался в одном автомобиле с Марией. "Действительно странно, — размышлял он, — я никогда не встречался с ней вне территории офиса, даже когда уезжала за границу, было ощущение, что она в соседней

комнате работает и очень занята".

Мария, то ли интуитивно, то ли просканировала его мысли, а возможно и то и другое да плюс ещё последние заграничные месяцы, облегчила ему задачу и не села на переднее пассажирское сиденье. Она устроилась на заднем справа, как в такси. Он посмотрел в зеркало и увидел каштановые волосы, собранные в пучок сзади, и профиль женского лица с губной помадой у рта. "Вот те раз, она же не пользовалась никогда косметикой, — удивился он, и естественно съязвил далее, — сказывается тлетворное влияние Запада".

Маршрут, предложенный Хрусталёвым, вещевой рынок — супермаркет — автовокзал, был скорректирован по первой позиции в пользу магазинов на проспекте. "Тогда действительно стоило волноваться, времени потеряем достаточно много", — отметил он про себя, вспомнив шопинг Елены в выходные дни по этим же магазинам.

Поначалу ехали не общаясь, Мария размышляла о своём, Андрей был занят дорогой, но затем, поймав ритм автомобильного потока, он освободился и стал непроизвольно сканировать и считывать её мысли. Она не ставила блокировку и не таилась.

Рационалистический подбор подарков или гостинцев, как выразилась Инна, начался не в соответствии с маршрутом. Она размышляла сначала о том, что выставит на стол по приезду, ну естественно спиртное, и только такое, которого нет в деревне. "Коньяк — это раз. Вино красное полусладкое, сладкое и десертное не любят, сухое не понимают и не признают, сравнивают с отбродившим квасом, который очень сильно отдаёт кислятиной, так с этим всё понятно. Вопрос только в количестве, да нет, не вопрос, всё равно перейдут на своё, тогда ещё бутылочку бальзама, чтобы смягчить самогон и удалить запах. Из продуктов: баночка икры, икорного масла, рыба и рыбные консервы, кофе, конфеты, а из фруктов бананы. Этого ничего там нет, как говорит мама: "Нечего в лес дрова возить, у нас всё есть и всё натуральное". Да чуть не забыла про торт и возможно палочку салями. Вот салями, икру, конфеты и коньяк в двойном экземпляре, в гости к подруге загляну, да и что-нибудь сладенькое её детишкам".

Она остановила ход рассуждения и посмотрела в зеркало. Не встретившись там взглядом с Хрусталёвым, она отправила ему скан: "Ну что, одобряете?".

"Вполне логично и прагматично", — согласился он.

И она, получив одобрение, стала размышлять о вещевых подарках. С женскими разобралась очень быстро, а вот что купить

отцу задумалась. "Что же сейчас актуально, что ему нравится и что нужно? А что нравится Виктору, что он любит? А любит он… себя". Тут ход её мыслей сломался, то ли она просто перестала размышлять, что такое очень сложно представить, но скорей всего поставила блокировку, не хотела делиться.

Он посмотрел в зеркало и встретился с ней взглядом. В нём была тревога и разочарование. Он понял главную вещь, личные дела Марии Анатольевны не сложились, её первая любовь Виктор Черников после лечения в Швейцарии, хотя и восстановил свою память, но в сердце по отношению к ней был холоден.

Маша, более продвинутая в понимании интуиции, намекала ещё при отъезде за границу Хрусталёву на такой вариант развития. Андрей успокаивал и обнадёживал её, но тем и отличается мужчина от женщины, что в делах сердечных они просто профаны.

До самой посадки в автобус они телепатически больше не взаимодействовали, так перебрасывались изредка по мере необходимости отдельными фразами вслух, и на этом всё.

Июльское солнце уже пряталось за городские многоэтажки, близился закат, когда междугородний автобус отъехал от посадочного поста. Мария помахала Хрусталёву рукой из окна, а он, садясь в салон автомобиля, посмотрел на часы, сборы и проводы растянулись на целых четыре часа.

"Спасибо за помощь", — уловил он её скан.

"Счастливого пути", — ответил он, прочтя огромный плакат на выезде из автовокзала.

Глава 2

Алексей мягко проснулся, будто и не спал вовсе, а так лишь прилёг подремать, закрыв глаза. Он, не меняя положения головы, бесцельно шарил по комнате глазами, смотрел то в потолок, то в зеркальные половинки сдвижных дверей шкафа-купе. На самом деле, он старался заглянуть внутрь себя, но не знал, как это сделать и возможно ли такое вообще. И всё же, из утреннего мироощущения он выделил одну новизну, можно сказать — странность, у него стали появляться и иные желания, кроме той, которая присутствовала при болезни.

"Значит, выздоровел", — подумал он и продолжал наблюдать отражение в зеркале, не сознавая и не анализируя видимое. Его мысли витали где-то, и казалось, цепляли там новые, не свойственные его натуре и сознанию, рассуждения.

"Почему они не понимают меня? И почему их взгляды и образ жизни так противны мне? Я хочу быть лидером, а они говорят: "Тщеславие, гордыня". В их понятии получается, что лидерство, стремление к лидерству, развивают три вредных качества в человеке, с которыми бороться ещё сложней, чем с лидерством. Это — тщеславие, властолюбие, корыстолюбие. Да, детские болезни взрослых. Я хочу построить свой мир, а они говорят, живи в том, который уже создан, и им нравится. Почему я не имею право на жизнь, которая нравится мне? Почему я должен прожить её по законам, мной не приемлемым?"

"Вон Помпей живёт по своим волчьим законам, а для всех создаёт вид, что он ягнёнок. Наведывался в больницу и наговорил кучу глупостей и гадостей, прошло столько времени, а разговор всё не выходит из головы". И он, не заметив, как перешёл с абстрактного мышления на конкретные образы, снова стал вспоминать диалог с бывшим мэром и своим шефом, партнёром по бизнесу Помпеевым Владимиром Петровичем.

— Это уже не двойной стандарт, а тройной, думают одно, декларируют другое, а делают третье, — рассуждал Помпей, развалившись в гостевом кресле у окна больничной палаты класса "люкс".

Владимир Петрович пришёл проведать, как он выражался публично, своего больного друга лишь по звонку от доктора через две недели после трагического случая с взрывом машины. Это он позаботился, чтобы Алексея положили в лучшую палату отделения, так как считал, что этот человек ему ещё пригодится, да и помочь кроме него в тот момент было некому. Старые связи,

пока дело не касалось шкурных вопросов, не давали сбоев, и знакомый главврач откликнулся на его просьбу позвонить, как только Ухваткин начнёт проявлять первые признаки адекватности реальной обстановке.

— Америка нацелилась на нашу Сибирь, Олбрайт проболталась раньше времени. И небоскрёбы они взорвали сами, их спецслужбы, чтобы на белом коне въехать в Афганистан, — продолжал Помпеев и посмотрел в лицо Алексею, стараясь уловить по мимике настроение и определить момент, когда от пустой болтовни можно перейти к делу.

Лицо Алексея ничего не выражало, как всякое лицо больного человека, перенёсшего кризис, было слегка одутловатым и воскового цвета. Да и сам Алексей не показывал заинтересованности в разговоре о политике и лишь для того, чтобы не молчать, переспросил Помпея:

— Зачем им это нужно?

— А вот ты подумай сам, — оживился Помпей первому сигналу к началу диалога и даже привстал, оторвав туловище от мягкой спинки кресла, — талибы и Бен Ладен созданы американцами для борьбы с советской оккупацией, но тут Горбачёв выводит войска, и режим Наджибуллы продержался недолго, а пришедший на смену режим с сильной фигурой Ахмад Шаха Масуда в правительстве всё-таки тяготеет к России, что опять не устраивает американцев. Они убирают Ахмад Шаха, позволяют талибам захватить власть, показывают всему миру какие те нехорошие, что они не друзья Америке, а террористы и после взрыва вводят свои войска и НАТО в Афганистан.

— Ну и что, какая здесь связь с твоим тройным стандартом? — вяло и с интонацией безразличия озвучил напрашивающийся само собой вопрос Алексей.

— Погоди, не торопи, — мягко противостоял Помпеев, — после ввода и оккупации, они разрешили афганцам, простым дехканам, выращивать не хлеб, а мак, и помогают организовывать поток наркотиков в Россию и Европу. Со временем Россия деградирует, жители станут попросту наркоманами, вот тогда разделяй и властвуй. Европа уже давно карманная, европейская часть России на игле, отделяй Сибирь и все дела. Дальний Восток — китайцам, Курилы и Сахалин — японцам, талибам — Среднюю Азию, у них много союзников найдётся.

— Это твой личный вывод или прочёл в интернете? — мягко усмехнулся Алексей.

— Это моё заключение основано на досье, — в этот момент Помпей сделал преднамеренно паузу и снова посмотрел в лицо Ухваткину, — я давно на них компромат собираю и,

проанализировав всё, просчитал их ходы.

— Не понял, — удивлённо переспросил Алексей, хотя лицо оставалось непроницаемым, — какое досье и на кого?

— На Америку, — непринуждённо ответил Помпей и энергично откинулся на спинку кресла, да так, что оно даже слегка отбросило его обратно.

— Ты, что ненормальный? — в этот раз мимика Алексея ожила, он поднял вверх брови и повернул голову в сторону Помпея, пытаясь найти подтверждения своей догадке, что его просто разыгрывают.

— Нет, тебе досье собирать можно, ты, значит, нормальный, а мне нельзя, — его глаза впились в удивлённые глаза Алексея, и в его взгляде не было ни намёка, ни подсказки на то, что он шутит.

— Какое досье я собираю? — приглушённым голосом, как гусак засипел Алексей и, отпрянув назад, вдавил глубже своё тело в тощую больничную подушку, на которую он, полусидя на кровати, и опирался.

— Хватит меня лошить, за моё досье мне ничего не будет, а за твоё, — тебя уже чуть не грохнули, — раскрыл наконец-то свои карты Помпеев.

Ухваткин промолчал и лишь отвернул голову в сторону стены, у которой стояла его кровать.

"Выходит Помпей знал о диске, возможно даже ознакомился с его содержанием. Но как? Этого просто не может быть?" — продолжал терзать свой мозг Ухваткин давней проблемой, глядя уже в потолок своей спальни. И он снова помимо своей воли стал прокручивать больничный разговор с Помпеем, словно кто-то извне постоянно возвращал ход его мыслей в нужное и известное только ему, невидимке, русло.

— Ну, извини, я не хотел сыпать соль на раны, — нагло прервал затянувшуюся паузу Помпеев, — жизнь — это весы, в одном месте прибавляется, в другом убывает.

Он встал с кресла и подошёл к прикроватному столику, на котором, казалось, в беспорядке расположились различные и, на первый взгляд, никчемные предметы. На самом деле всё это было нужно больному, чтобы, не зовя никого на помощь, воспользоваться ими в случае надобности. Электрочайник, бокал с чайной ложкой внутри, сотовый телефон, зарядное устройство к нему, тарелка с яблоком и апельсином на ней, блокнот с ручкой, пластиковая бутылка с минеральной водой и одноразовым белым стаканчиком наверху.

Помпеев снял стаканчик с горлышка бутылки, отвинтил

пробку и налил минералки почти до краёв стакана и уже, собираясь поднести его ко рту, неожиданно вытянул руку и предложил Алексею:

— Водички не желаешь?

Не дождавшись вербального ответа, а увидав лишь отрицательное кивание головой, продолжил:

— Ну, а я, с вашего позволения, выпью.

Он осушил стаканчик до дна, выдохнул удовлетворённо, вернул тару на место и снова, усевшись в кресле, заговорил:

— Да, жизнь состоит из противовесов. Вот взять хотя бы хрущёвки, ведь строились, чтобы решить жилищную проблему, решили, хорошо. Но появилась новая проблема, как обслуживать эти самые дома? Тогда под дорогами заложили гигантские трубопроводы для водоводов и теплоцентралей, которые ежегодно ломаются от огромного давления и ломают асфальт на дорогах. Понастроили клетушек, и живём "скованные одной цепью" и ограниченные в мышлении.

Помпеев перестал говорить, словно собираясь с мыслями или наоборот, проверял реакцию слушателя. Ухваткин, хотя и молчал, но голову уже повернул в его сторону, по-видимому, наученный предыдущим диалогом, ожидал от смены темы разговора нового подвоха.

— Нет, никогда не будет у нас хороших дорог. Прав классик один и прав классик другой: "… разруха она не в клозетах, а в головах", — продолжал он привычно разглагольствовать, словно на заседании в мэрии, — понастроили тесных лабиринтов для жилья — опустилась чаша весов вниз, уравновесили, бросив на другую гигантские трубы.

Реакции от Алексея не последовало, но Помпея это не смутило.

— А надо всего-навсего дома попросторней, автономии в них побольше и, казалось бы, заживём. Дороги устоятся, и всё будет хорошо, но нет, а как же ЖКХ и Автодор, что же тогда их кормить будет, кто о них позаботится? — философствовал Помпеев в одиночку на производственные темы.

— Что же ты на деле не продвигал свои взгляды, когда был мэром или решал другие проблемы? Хапнуть побольше? — наконец Алексей не выдержал болтовни Помпея и резко вступил в полемику.

— Вот не хами только. Ты же знаешь не понаслышке, что против ветра ссать — это всё равно, — и он неожиданно замолк с открытым ртом, подбирая нужные слова, а со стороны казалось, что ему просто не хватило в груди воздуха, и тут преодолев спазм, выдал такой перл, — что ежей голой задницей щупать.

— Ты сам-то понял, что сказал? — съязвил Ухваткин в ответ.

— Я-то понял, ты вот пойми, — продолжал Помпеев в запале.

— Ты скоро как Черномырдин будешь изъясняться, — уже более миролюбиво озвучил свою позицию Алексей.

— Ты же знаешь, у нас найдут экспертов, которые всё разложат по полочкам, докажут тебе, что земля имеет форму чемодана, а когда ты с ними согласишься — докажут обратное, — также снизив тональность диалога и добавив в него немного ясности, пробормотал Помпеев.

— У экспертов, как у американцев на все вопросы есть правильный ответ, но вот только по большому счёту, он оказывается, в конце концов, далёким от истины и ложным, — согласился с ним Ухваткин.

И они как всегда принялись ругать двуличный и лживый Запад, так как он далеко и им за это ничего не будет, да и другой привычки выпускать пар просто не было.

"Откуда он всё-таки узнал про диск?" — задал сам себе повторный вопрос Ухваткин и, откинув одеяло, сел на кровати опустив ноги на палас. После взрывной контузии, кроме травм конечностей, сотрясения мозга и краткосрочной потери памяти, он постоянно испытывал холод и даже в июле спал под байковым одеялом и в пижаме. Врачи успокаивали, говорили со временем пройдёт, нужно только подождать, вообще он легко отделался, могло быть и хуже.

Алексей встал, засунул ноги в тёплые мягкие тапочки-шлёпанцы, поправил пижамную куртку, перекрученную за ночь во сне, и, опустив обе руки в глубокие её карманы, пошмыгал в туалет. Проходя мимо зеркальных дверей шкафа-купе, он не удержался и глянул на себя в зеркало.

"Как фриц в сорок первом под Москвой, — оценил он свой вид в зеркале, как ни поправлял пижаму, воротник остался задранным вверх, и добавил с сарказмом, — хорошо ещё синяки сошли, а то было бы как под Сталинградом".

Насмешка над собой помогла ему преодолеть наступающее уныние, которое ещё не наступило, но вот-вот уже было на подходе из-за утренних размышлений и воспоминаний, которые завели его в тупик.

Закончив утренние процедуры только умыванием, поленился бриться, он поначалу вошёл на кухню с мыслью о завтраке. Но такая мысль так и осталась мыслью, не получившей своего дальнейшего развития, даже более, возникла контрмысль, зачем ему завтрак, если не хочется кушать, он просто сыт.

Покинув кухню, Алексей вошёл во вторую комнату и включил

телевизор, поискав пульт и взяв его в руки, устроился на диване напротив. Экран засветился утренней программой первого канала. Обладатель пульта начал перебирать каналы, но везде было в принципе одно и то же, да он и сам не знал что ищет, потому вернулся снова на первый.

А в мыслях вернулся к постоянному ребусу, который мучил его ещё в больничной палате и не покидал уже после выписки, но теперь если главные вопросы так и оставались неразгаданными из-за множества неизвестных: "Кто подстроил взрыв его автомобиля?" и "Кому это нужно?"; то сопутствующий, вытекающий из первых двух: "Что делать?", не обладал уже такой конкретикой и постоянно удовлетворялся всё новыми и новыми ответами, в зависимости от настроения, времени суток и других житейских коллизий, сопровождающих человека всегда и везде.

После выхода из больницы этот второстепенный вопрос, не отягощённый глобальностью, свёлся к первому решению: "Устроить всё по-людски, по-христиански в отношении усопшей матери, Веры Васильевны". Потому простой и понятный вектор действий исполнялся как по линейке, прямо и на нужную длину. Ухваткин заказал в церкви, которую посещала мать, сорокоуст; нашёл её подружку, Зою Петровну, дал денег, чтобы она по своему усмотрению организовала в подъезде помин; съездил на могилку и договорился с кладбищенским начальством о надгробье и оградке; встретился с дочкой и бывшей женой, поблагодарил её за хлопоты связанные, с похоронами.

Далее вопрос "Что делать?" трансформировался в свой синоним "Как жить?", и снова прямой отрезок не превратился в прямую линию, уходящую в бесконечность, а отсекался в нужном секторе. Ухваткин занялся своими текущими финансовыми делами: оформил документы на возмещение страховки по несчастному случаю; наследственными делами по квартире матери; прокрутил каналы давления на страховую компанию по автокаске, возможно удастся уладить дело без суда по возмещению ущерба за автомобиль, не подлежащий восстановлению; посетил свою фирму.

И вот сейчас, сидящего на диване, мучил уже младший собрат вопроса "Что делать?", "Чем занять себя в сию минуту?", если не хотелось завтракать, не хотелось смотреть телевизор, вообще ничего не хотелось.

"Чем же я занимался последнее время перед взрывом, что у меня, кажется, и свободного времени-то не было?" — спросил он самого себя и стал вспоминать.

Калейдоскоп событий замелькал в его памяти: желания и проекты в бизнесе; тревога, суета вокруг диска; семейные

неурядицы и счастливые мгновенья; лица, приятные и не очень, знакомые и чужие, но всё как-то нечётко и расплывчато, по-видимому, сказывалось последствие травмы.

Казалось, что ничего его не отвлекает, и мелькающие кадры в телевизоре с комментариями не интересуют, но в этот самый момент ведущая утренней программы сообщила с экрана о гороскопе на сегодняшний день, и, словно шаровая молния, просочившаяся сквозь невидимые щели безразличия, в его мозгу вспыхнула яркая мысль "гадалка Мария".

Ему показалось, что он вспомнил сразу всё: как он метался от милиции к бандитам; от Помпея к какому-то медиуму-экстрасенсу; и, в конце концов, пришёл к ней, к гадалке Марии, которая в два счёта решила его проблему.

"Она должна помочь снова, она скажет, кто заминировал мой автомобиль".

И он, ранее не верующий ни в бога, ни в чёрта, ни в построение коммунизма, высмеивающий людские предрассудки, такие как гадания и предсказания, и признающий лишь как народную традицию, магию числа тринадцать и женщину с пустым ведром, впал в инфантилизм.

Алексей лихорадочно начал искать ту газету с рекламой услуг по гаданию, из которой он когда-то извлёк тот телефон, абонент которого теперь ему казался той спасательной соломинкой в его перепутье, его панацеей не только от болезней, но и от всех бед. Газеты не было, то есть не в смысле не было нужной газеты, а не было вообще газет.

"Татьяна Ивановна, убираясь, выбросила весь этот хлам", — горестно воскликнул он, понимая, что женщина, которая убирает в его квартире, не причём.

"Так, звонил я тогда не с мобильного, с домашнего".

И он начал просматривать в опции домашней трубки последние набранные телефонные номера, благо, что он отсутствовал последние два месяца в квартире. Многие номера Алексей знал, другие были сотовой связи, а не городской, и вот выбор пал на один номер, и он тут же нажал на кнопку дозвона.

Длинные гудки казалось, будут продолжаться вечно, но вот на другом конце провода щёлкнуло, и приятный, знакомый голос, представился секретарём гадалки. Ухваткина, оказывается, помнили, но сегодня пока записи на приём нет, нужно перезвонить во второй половине дня, и, возможно, тогда ситуация прояснится.

Объяснения секретаря были более убедительны, записи нет не потому, что много клиентов, просто в настоящий момент гадалки нет в городе. Он не расстроился, всё-таки контакт

состоялся, а встреча, будет и встреча, и, радостно потирая руки, двинулся на кухню, нет кушать не хотелось по-прежнему, просто приём лекарства, назначенного врачами, никто не отменял, а Алексей никогда не сомневался в надёжности и нужности традиционной медицины.

Позавтракав без аппетита и выпив лекарства, Алексей снова предался размышлениям, но на этот раз они не были абстрактными, хотя и носили несколько мистический характер. Теперь его беспокоило то, что он предъявит гадалке, как она найдёт тех, кто подложил взрывчатку под автомобиль, а что если убить хотели не его, а смотрящего. Ведь Варев был связан с криминальным миром, за ним, возможно, следили, чтобы отвести подозрения и запутать дело попытались устранить в чужом автомобиле. Тогда получается, что телефон прослушивался. Он с ним договаривался о встрече по мобильному.

"Может позвонить Вареву, — думал он, и сам же себя подвергал сомнениям, — что ему скажу? О чём стану говорить? Будем вести беседу о здоровье и погоде? Нет, не нужно этого делать".

В период выздоровления Ухваткин привык беседовать мысленно сам с собой. Нет, это не был диалог с внутренним голосом или со вторым противоречивым "я", это всё же монолог. Лёжа на больничной койке в палате люкс и, не имея возможности общения с другими больными, Алексей абстрагировался. Он сам себе ставил вопросы и сам же отвечал на них, причём сам процесс монолога был разбит на отдельные составляющие и также проанализирован им самим.

Сначала возникала идея, мысль, затем она получала вербальную форму, но не озвучивалась, хотя он чувствовал, когда это происходило, язык подёргивался, совершая почти незаметные колебания синхронные со словами и выражениями, как если бы он произносил их вслух. Поначалу ему было забавно размышлять на отдельные абстрактные темы в новом стиле, но потом потихоньку привык и перенёс такую форму мышления и на практические события и дела. Ему нравилось строить внутренний монолог для самого себя. Вот и сейчас он с удовольствием предавался такому занятию.

"А что обычно предъявляют гадалкам? Фотографии? — Чьи фотографии? Письма и личные вещи? — Чьи личные вещи?"

"Что же вообще могут представлять собой ясновидящие, нет, не те шарлатаны, которые "косят" под них, а другие?"

"А какие другие?"

"Ну, другие, которые существовали и раньше, о которых из уст в уста передаёт народная молва".

"Что-нибудь о таких вещах говорят словари — кладези мудрости?"

"Посмотреть в словаре или в интернете?"

"Нет, всё же в словаре, в интернете можно нарваться на тех самых шарлатанов, а критериев для сравнения нет".

Алексей подошёл к книжному шкафу и, открыв стеклянную дверку, извлёк несколько словарей, занимающих самую верхнюю полку.

И Ухваткин, ранее высмеивающий свою родную мать за теорию стержня внутри человека, вдруг почувствовал, что у него такого стержня-то нет, вот потому, сейчас он будет искать не только толкование о ясновидящих, но и этот самый стержень.

Однако поиски в большом энциклопедическом словаре советских времён ни к чему не привели.

"Так и должно быть, ведь тогда не было ни секса, ни религий, ни иных вещей, противоречащих правящей идеологии".

В современных словарях, благо и такие оказались под рукой, вот что он вычитал:

"Ясновидение — ясное зрение. Прорицатель буквально видит будущее.

Метагномия: толкование будущих событий, увиденных в гипнотическом трансе. Предвидение: внутреннее паранормальное знание будущего. Психометрия: экстрасенсорная способность сообщать сведения о человеке через контакт с принадлежащим ему предметом".

"Ну, что успокоился? Стало легче и понятней от таких знаний?"

Он захлопнул словарь, и стал ставить книги обратно на полки книжного шкафа.

Неожиданно взгляд его встретился с цифровым фотоаппаратом, лежащим на тумбочке рядом с сотовым телефоном.

"Чёрт, я же обещал секретарше вернуть его, как только…, - и вот тут его словно ударило током, нарушив ход логической цепочки о долге вернуть личную вещь бывшей секретарше, он в своих мыслях переключился на то, для каких целей он брал эту вещь, — сделаю фотографии джипа для страховой компании".

"Джип!" — вот что всё связывало в один узел, вернее не сам автомобиль, а его фотографическое изображение после взрыва. Этот изящный бежевый "лексус", превратившийся в уродливого монстра с развороченной крышей и выбитыми стёклами. Он покажет ей фотографии джипа. Нужно только напечатать их.

"Вот тебе и психометрия! Правда тачка принадлежит или принадлежала, как теперь правильно выражаться, мне, но в ней

был и Варев, и касались те, кто заминировал".

И он стал одеваться, чтобы отправиться в фотостудию, но посмотрев затем в зеркало, решил и побриться. Извечная проблема выздоравливающего человека что делать, на ближайшие два часа была решена Алексеем успешно, и в перспективе уже наметились ещё два дела во второй половине дня: вернуть фотоаппарат и созвониться с секретарём гадалки.

Глава 3

Шум и завывание двигателя, постукивание колёс на выбоинах и мелькание вечерних пейзажей за окнами автобуса укачали Марию, и она, откинув сиденье в более пологое положение, задремала. Ну, вы знаете, что дорожная дремота не такая, как на мягком диване после трапезы, она сродни той, когда засыпаешь в кресле с пультом от телевизора во время бесконечно долгой рекламы и просыпаешься в тот момент, когда самое интересное уже закончилось. Так случилось и с Машей, которая ждала, ждала заката солнца, чтобы им полюбоваться, да и не дождалась, уснула.

Разбудили её не толчок соседки, а смена шумового оформления в салоне, двигатель не урчал, колёса не стучали, всё это заменили шарканье ног, двигающихся по узкому проходу пассажиров, шелест пакетов и тихий гомон голосов.

Она посмотрела на часы, двенадцать часов ночи. Отодвинув штору, выглянула в окно. Автобус стоял напротив небольшого памятника Ленину, за ним виднелось старое здание железнодорожного вокзала, куда теперь перенесли и автовокзал. Балашов. Стоянка сорок минут. До деревни осталось всего-навсего тридцать километров. Она не стала висеть над проходом, как молодой человек с кресла перед ней, а дождалась, когда все вышли, вышла наружу и она подышать свежим ночным воздухом и размять ноги, прихватив с собой дамскую сумочку с кошельком и документами.

Некоторые пассажиры прибыли в свой конечный пункт. Они обнимались и целовались с встречающими их людьми. Другие отправились побродить по привокзальной площади, третьи стояли в сторонке и просто курили. Кстати, курящих женщин было больше, чем мужчин, отметила про себя Маша.

Но они все в меньшей степени интересовали её, она рассматривала другую небольшую группу с сумками и пакетами, которая жалась к входной двери автобуса. Это будущие пассажиры, и, возможно, кто-то тоже едет в её деревню, но знакомых лиц не было, а к их диалогу с водителями автобуса, по которому можно было определить конечную цель их поездки, она опоздала.

Устав стоять на одном месте, она решила побродить. Перешла дорогу перед автобусом и оказалась на тротуаре у пятиэтажного жилого дома. Пройдя вдоль него в сторону вокзала, Маша остановилась у того места, где раньше располагалось кафе-закусочная.

Это заведение общепита было памятно для неё тем, что они всегда с матерью, когда приезжали в город посещали его в ожидании автобуса. Тогда в большом просторном зале стояло несколько столов на тонких ножках из металлических трубок. Сами столешницы, верхним слоем которых служил белый пластик, на своей поверхности всегда имела два столовых предмета: солонку, с крупной поваренной солью внутри, и горчичницу, в основном без крышки и засохшим содержанием по краям. И плакатом-табличкой посредине: "Пальцами и яйцами в соль не лазить!" Колхозники и селяне, посещавшие районный город, привозили всё с собой и, приходя перекусить в кафе, там ничего не покупали, а довольствовались своим. Это своё в основном и было варёными куриными яйцами, крошки желтков которых и создавали цветной колорит в солонках.

Таблички с курьёзными надписями просуществовали довольно-таки долго, приблизительно в течение трёх месяцев, затем исчезли бесследно, то ли по чьей-то подсказке, то ли кто-то в администрации однажды сам более вдумчиво прочёл их.

Кроме этих табличек кафе вызывало в памяти добрые и приятные воспоминания, что не говори, это было единственное место в районе вокзала, где можно было обогреться и посидеть за столом, ничего не заказывая.

Сейчас на этом месте был обыкновенный магазин, который посетить в данное время суток не было никакой возможности. "Как и нет ни какой возможности вернуться в то время, если только в своей памяти", — размышляла Мария.

"А что если попытаться с помощью браслета прочитать здешнее информационное поле, увижу ли я саму себя или нет? Вряд ли, столько времени прошло, столько народу побывало на этом месте, вот подобрать бы код, который позволил отсчитывать определённое время назад. Это уже машина времени, и я фантазирую, как Андрей Викторович, заразная болезнь, получается, засела в подсознание и не вытравишь ничем".

"Вот так и в деревне, всё меняется и не в лучшую сторону, и вернуться в то время, когда село было на подъёме, нет никакой возможности, следовательно, и посетить то беззаботное личное время также нельзя, жаль всё-таки, что не взяла с собой браслет", — слегка погоревала она.

"Если в настоящем всё неудачно, то человек ищет хорошее в прошлом", — дополнила свои рассуждения сарказмом Мария.

Она посмотрела в сторону автобусной стоянки, там уже началась посадка, взглянув ещё раз на бывшее кафе и вздохнув, отправилась к автобусу.

На ответвлении от трассы, ведущем в деревню, в полночь она выходила из "икаруса" одна. Подсевшие пассажиры на свободные места салона в Балашове поехали дальше, кто в Борисоглебск, кто в Тамбов, а кто и в такую маленькую деревеньку, как эта, затерявшуюся где-нибудь на бескрайних просторах Черноземья.

Не успели раствориться в темноте красные габаритные огни и звуки завывающего двигателя, а Мария, не сделав и пару десятков шагов, чуть не упала, провалившись правой ногой в глубокую выбоину на асфальте.

Единственная асфальтовая дорога, построенная в конце семидесятых годов, судя по всему, без ремонта приходила в упадок. Пролегала она мимо деревенского кладбища через первую улицу и прудовую плотину в центр села.

Село утопало во мраке, как раньше в огнях, когда дорога ещё была новой. Марии пришлось приспосабливаться к ночному видению, чтобы на сером полотне дороги обнаруживать тёмные пятна ухаб и провалов, но иногда она ошибалась, наступая осторожно ногой на тёмные силуэты, а они оказывались не углублениями, а лишь тенями, неизвестно откуда взявшимися. В таком случае также происходил небольшой сбой в движении, нога раньше времени встречалась с твёрдой опорой, но теперь она уже была готова к таким коллизиям, потому лишь вздрагивала и ойкала, ну иногда чертыхалась.

Двигаясь с сумками и пакетами по деревне, Маша не обозревала окрестности, так как была занята дорогой, да и сложно было бы что-нибудь разглядеть в кромешной тьме разве только по наитию, всё-таки это её малая родина.

Кроме звуков шарканья босоножками по разбитому асфальту, кое-где попадались мелкие камешки и гравий, лая одинокой собаки в середине села и шума проходящих машин по трассе за спиной, других звуков не отмечалось.

"Даже собаки не брешут. Повывелись что ли?" — подумала она.

И тут же поймала себя на мысли, что использует деревенскую лексику, лишь только шагнув на сельскую землю.

"Ну и хорошо, быстрей адаптируюсь", — похвалила она себя за местный патриотизм.

Дома не спали. В меньшей комнате из маленького окошка пробивался свет. Подойдя ближе к палисаднику, она сквозь листву росшей у угла дома груши увидела голубой огонёк телевизора и в окнах зала.

"Ждут", — радостно забилось сердечко.

Услышав шаги, залаяла во дворе собака.

"Интересно, как её зовут", — пронеслось у Марии в голове.

В тот же миг стукнула щеколда на уличной двери дома и на крыльцо вылилась полоска света. Она разросталась, дверь открылась совсем и на крыльцо ступила мать Марии Вера Ивановна.

— Что заждались? — весело и задорно воскликнула Маша, ставя сумки и пакеты на ступени крыльца.

Мать ахнула, словно приезд дочери был для неё неожидан, и они стали обниматься и целоваться, невзирая на неудобный перепад высот ступеней и препятствия в виде дорожной поклажи под ногами.

После такой же бурной встречи с отцом, Анатолием Андреевичем, и разбора гостинцев и подарков расположились на кухне все втроём. На плите разогревались чайник, и вареники на сковороде под толстым слоем сметаны. На Машины возражения, что на ночь есть вредно, мать ответила гостеприимным аргументом, негоже гонять пустой чай пусть даже и в час ночи.

Отец, как всегда в своём стиле, предлагает по стопочке, дочь, конечно, отказывается, и в этом её поддерживает мать. За чаем и варениками неспешно поделились информацией друг о друге и всё, пора спать. Утром наговоримся.

Марии казалось, что не уснёт на новом месте, но нет, поворочалась немножко и провалилась в мягкую темень.

Утро обозначилось запахами пирожков, которые пекла мать, и звуками электробритвы, брился отец. Оба хотели угодить дочери, такой редкой гостье в отеческом доме.

Мария не стала долго нежиться, откинула тёплое одеяло и покинула огромный провал в перине, чтобы достать халат из сумки. Звук бритвы умолк и послышались голоса, родители разговаривали, ну, конечно же о ней. Маша поспешила сменить ночную рубашку на халат, интуитивно чувствуя, что отец не выдержит и пойдёт проведать спящую дочь.

Так оно и вышло, он вошёл в комнату с коробкой от электробритвы в руках и увидел гостью уже стоящую перед зеркалом, расчёсывающую длинные волосы.

— О, ты уже встала, — изумился он неподдельно и стал укладывать на шифоньер электробритву.

— Я и говорю матери, Марийка долго спать не будет, — продолжил он, обильно поливая себя одеколоном и фыркая при этом.

Завтракать сели в начале девятого часа, по деревенским меркам — это уже поздно. В этот раз она не стала сопротивляться

и выпила стопку крепкой настойки за встречу. Разговор строился во взаимных вопросах и ответах, но обходил стороной тему её личной жизни, словно боялись спугнуть радостную атмосферу застолья.

Решили устроить небольшой праздник вечером, пригласить соседей и Машину подружку Надьку Саблину с детьми и мужем, со всем семейством не принципиально, придёт одна ну и хорошо.

— Мам, давай я тебе помогу, — предложила Маша.

— Да в чём же ты мне поможешь? И так всё готово, ждали. Отдыхай, сходи в сад, на гумно, с хозяйством ознакомься, — категорично возразила мать.

Мария вышла в сад. Фруктовые деревья, которые она помнила и любила в детстве очень сильно постарели, некоторых не стало вовсе, спилили. На тех, которые ещё остались, виднелись зелёные мелкие яблоки, лишь только белый налив местами пожелтел и укрупнился. Она подняла одно такое яблоко и, вытерев его о полы халата, надкусила.

Вкус оказался кисло-сладким, таким, который она любила и помнила.

— Вот за этим и стоило ехать, — произнесла она вслух, прожёвывая и глотая мякоть яблока.

Неожиданно для себя она остановила процесс жевания и посмотрела на откусанный плод, и с горечью подумала: "Врёшь! Сама себя пытаешься обмануть!"

Она подошла к пню от спиленного дерева и села на него, вытянув по траве ноги и положив руки на них.

Маша поняла, зачем она ехала в родительский дом. Ей ещё вчера вечером за столом хотелось сесть матери на колени, обнять шею руками, прислонить голову к груди и заплакать. И чтобы мама погладила её по головке, покачала как маленькую и, поцеловав в макушку, произнесла как обычно: "Ничего дочка, перемелется мука, будет", — или другое, "До свадьбы заживёт".

— До какой свадьбы, мама? — вслух сказала Мария и, опомнившись от звука своего голоса, встала и посмотрела вокруг, убедившись, что её никто не слышал, запустила в сердцах надкусанное яблоко в сторону обветшалого соседского штакетника. Нет, не имеет она право грузить стареньких родителей своими проблемами, она их слишком любит, чтобы расстраивать, нет, не имеет.

И она не заметила, как начала разговаривать сама с собой, нет, конечно, раньше случалось, что она мысленно ставила сама себе вопросы и отвечала на них, или когда приходили иные мысли, как характеризовал такое Хрусталёв, подключалась к мыслительному каналу и прослушивала его. Сейчас и здесь в саду

она просто говорила вслух.

— Может позвонить ему?
— Зачем?
— Чтобы услышать его голос.
— Зачем?
— Хм…, потому что хочу.
— А хочет ли он?
— Не знаю, не уверена.
— Тогда не звони, пообщайся телепатически.
— Нет браслета, да и не делали мы с ним такого, и голоса не услышу.
— Что означает голос?
— Голос — это он.
— Так что ты хочешь?
— Хочу, чтобы любил меня, как раньше.
— Раньше когда?
— Тогда, до того как.
— А ты уверена, что тогда любил?
— Не знаю.
— Вот видишь, ты снова обманываешь себя.
— Нет, — этого не может быть!
— Ты сама подумала о том.

— С кем ты тут разговариваешь? — услышала она за спиной голос отца.

Маша вздрогнула и повернулась. Она стояла у калитки, что ведёт к выходу из сада, отец приближался к ней по стёжке, протоптанной между садовыми деревьями при ходьбе на огород.

— Да так, сама с собой, да вот с деревьями, подружками детства, — нашлась, что ответить дочь и еле заметно покраснела и отстранилась, пропуская его.

— Ну, пошли, посмотришь огород, бахчи наши, — приглашал отец, снимая уже кольцо из проволоки со штакетин калитки и забора, удерживающее калитку в закрытом положении.

Они шагнули на гумно, так называли в селе участок земли, на котором размешался обычно картофельный и овощной огород, у некоторых бахчи и покос, с культивированным травяным набором для сена из эспарцета, клевера или люцерны.

"Да, зря я не взяла с собой браслет", — думала она, ступая за отцом след в след по огуречным грядкам и слушая его рассказ о том, что у них ещё посажено на этом и другом конце огорода.

"А может…?" — и она становилась как вкопанная от мысли пришедшей ей в голову прямо посреди огуречных плетей с слегка

желтеющими листьями и торчащими тут и там плодами, отстав от отца и потеряв контакт с его тихим и скрипучим голосом.

"Нет, не стоит этого делать", — отмела она возникшую идею и скачками, перепрыгнув через плети, быстрым шагом стала догонять отца.

Вечером, управившись с делами, пожаловали в гости все пригашённые. Школьная подружка Надька пришла с мужем Анатолием и восьмилетним сыном, крестником Маши, Ромкой. У старшего сына Дениса в вечернее время были и свои интересные планы.

Надька здорово поправилась и выглядела, как положено в деревне выглядеть женщине за тридцать лет, дородной бабой.

Соседи, как и родители Марии, сильно состарились, и действительно соответствовали тем, кого часто по делу и без дела упоминали сами в разговоре:

— Нам старикам много ли надо? или нам старикам много ли осталось?

Стол по деревенским меркам был роскошным, кроме обычной деревенской пищи, припасённой и приготовленной специально матерью к приезду дочери, здесь присутствовали и городские продукты, привезённые самой Марией.

Гости сразу же старались попробовать городской еды: бутерброды с красной икрой и рыбой, шпроты, салями. Разлили по рюмкам спиртное, тоже сначала городское: вино матери и соседке тете Вале, коньяк всем остальным. Выпили за встречу, закусили и тут же налили по второй. Действие спиртного нашло отклик у гостей, они слегка раскраснелись, глаза заблестели и начались застольные разговоры, сначала тихие, а потом всё громче.

После третьей стопки закончился коньяк, и Мария хотела пожертвовать второй бутылкой, предназначенной для своего похода по гостям, но мать достала своё, домашнее. Маша предложила разбавить его бальзамом, отказались отец и дядя Володя сосед: "Мы уж привыкли к своему, чистому", — пояснили они.

Четвёртую рюмку пили не все, только желающие, ими оказались все мужчины за столом, причём пожилые не отставали от молодого Анатолия, Надеждиного мужа. Они, потом слегка закусив, дружно вышли покурить во двор, на ходу обсуждая виды на урожай картошки и костеря при этом прожорливых личинок колорадского жука.

Оставшись женским коллективом за столом, Маша почувствовала, сейчас начнётся то, чего она собственно боялась.

И действительно первой, нарушая не то чтобы этикет, а скорей правила тактичности, задала вопрос не в бровь, а в глаз Надежда:

— Ты вот, что подруга, пока мужики вышли, колись, как там у тебя на личном фронте? Слышала, вроде бы вылечили твоего Витька?

— Вылечили, — неохотно и кратко отвечала Маша.

— А что же ты сюда его не привезла? — удивилась тётя Валя.

— Так он к своим поехал повидаться, — пояснила Мария.

— Вон оно как, так вы по родственникам каждый по себе ездите, — продолжала удивляться соседка.

Но самые каверзные вопросы следовали от подружки, недаром они во время болезни Виктора уже ссорились с ней на эту тему, но тогда они были тет-а-тет, а теперь рот ей закрыть при матери и соседке даже под градусом Маша постеснялась. Надька в своей прямоте развернулась на полную мощь и спросила:

— Так вы чё, спите с ним раздельно?

— Успокойся, спим вместе, — тихо ответила Маша и продолжила, — нам, получается, как бы заново нужно привыкать друг к другу.

— Интересные дела, он что, не помнит тебя? — наседала Надька.

— Почему, помнит, но всё не так просто, — отбивалась она.

— Сдаётся мне, что и другую он помнит, поехал сравнивать, так сказать пробелы устранять, — вырвалось у подруги.

За столом повисла гробовая тишина. Маша почувствовала, как заполыхало её лицо, и подкатил ком к горлу. Она не знала, что ответить и как себя вести в такой ситуации, будь она моложе, возможно закрыла бы лицо руками и разрыдалась как все девчонки, но ей уже не семнадцать и нужно думать не только о себе. Она взглянула на мать, лицо её было неподвижно и бело как полотно. В этот момент открылась входная дверь и вошедшие мужики, усаживаясь на свои места за столом, прервав паузу, голосом отца Анатолия Андреевича весело спросили:

— Что девицы пригорюнились, как на похоронах сидите, давайте выпьем и поговорим по трезвому.

На этот раз выпили все, и застолье, не смотря на возникший во время перекура мужчин разрушительный для таких мероприятий разговор, продолжилось неожиданно весело и говорливо. Разошлись ближе к двенадцати, старики, не привыкшие так поздно ложиться два дня подряд, уже клевали носами, а у молодых на руках дети и хозяйство, да и вставать ни свет ни заря.

"Словно на исповеди побывала", — подумала о застольной

встрече Маша, укладываясь в постель на перину.

Но душевного спокойствия ей такая исповедь не прибавила. Теперь она не боялась людской молвы, но червь сомнения и ревности уже подгрызал её уверенность в любимом изнутри: "Он не просто позабыл любовь к ней, он любит другую".

Утром она позвонила Инне и наделила её инструкциями на сегодня, а к одиннадцати часам удалилась в сад под предлогом подышать целебным воздухом.

Хрусталёв был пунктуален.

— "Как отдыхаете?"

— "Нормально".

— "Что я должен сделать с этой коробкой?"

— "Мне нужен только мой браслет".

— "Привести?"

— "Доставить".

— "Далеко, не получится".

— "У вас есть опыт".

— "Триста километров!"

— "Двести тридцать".

— "Я сначала должен посмотреть, где вы".

— "Смотрите".

Наступила пауза, во время которой Мария старалась не упустить того момента, когда за ней начнут подглядывать. Через несколько секунд она почувствовала, что кто-то со стороны соседского забора сверлит её взглядом. Она повернула голову в том направлении и поневоле напрягла зрение, стараясь обнаружить источник, излучающий любопытство. Но, ни у забора, ни далее в саду не было никого: ни людей, ни животных. Глаза подсказывали, что её ощущения обманчивы, но сами ощущения не пропадали, взгляд не был колючим и противным, но он всё же был.

"Вы меня видите?" — не выдержала она.

Молчок. Так прошло несколько секунд, затем воздействие невидимого ока ослабло, и пробился знакомый скан: "Вижу, но мне сложно общаться и держать обзор".

— "Браслет перед вами?"

— "Да".

— "Пробуйте",

— "Определите место".

— "Ладони", — и она вытянула перед собой руки, ладонями вверх.

Опять наступила пауза, невидимое око то ослабляло своё воздействие, то усиливало. Мария ждала и смотрела на

раскрытые ладони. И вдруг она почувствовала, словно поймала ветер руками, будто напор воздуха уперся в её ладони и, отступив, оставил что-то, что имеет вес. Это что-то проявилось и оказалось браслетом.

— "Получилось!"

— "Я рад, но отключаюсь, устал".

Мария нацепила браслет на правое запястье и поняла, что воспользоваться им в полном смысле слова не сможет, ведь у них с Виктором после лечения не было ни одного телепатического контакта. Он панически боялся заниматься такими вещами, возможно, даже выбросил свой браслет, если бы не предупреждение, что есть вероятность после удаления от него браслета появления рецидива, а потеря памяти вновь и погружение в небытие, пугали его ещё больше.

"Тогда нужно просто позвонить", — решила она и пошла в дом за телефоном.

"Что-то не в себе Марийка, мечется", — невольно поймала она скан материнских мыслей в спину, проходя через кухню в комнату.

"Да, браслет начинает создавать неудобства", — отметила она.

Мария нашла телефон вместе с зарядным устройством в дальней комнате на столе под иконами, здесь же лежали её кошелёк и молитвенник матери.

"Мать стала набожной?" — удивилась она, иконы ещё остались от бабушки, а вот молитвенник — новое приобретение.

Зарядка на сотовом ещё позволяла надеяться, что связь будет устойчивой. Она, отыскав в справочнике телефона нужную запись, нажала на кнопку соединения. Вызов шёл долго, и, казалось, что вот уже сейчас автоответчик станции объявит, что абонент не отвечает или временно недоступен, но вдруг что-то щёлкнуло, и Мария услышала мужской голос, поначалу показалось что незнакомый, но потом пробились знакомые нотки:

— Да, я слушаю.

— Привет! Как дела?

— А, это ты Маш?

— А кого ты хотел услышать?

— Да никого. А ты чё звонишь?

— Соскучилась. А ты?

— Что я?

— Ты не скучаешь?

— Некогда. У меня, как у склеротика, каждый день новости.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Да нет, всё нормально.

— У тебя-то как дела?

— Да так, не хорошо, не плохо.

— Что так?

— Не знаю, вот с тобой хотела наладить телепатический обмен, чтобы общаться, не тратя денег.

— Ты смотри, экономисткой заделалась!

— Дело конечно не в деньгах…

— Ты же знаешь, мне пока не хочется этим заниматься. Я здесь пробую жить без него некоторое время.

— Как результат?

— Пока без изменений.

— Ну, тогда давай целую, звони сам, не пропадай.

— Хорошо, если осмелюсь, возможно, попробуем.

— Когда?

— Когда осмелюсь.

— Ну, ладно давай, целую! — и она отключилась, сделав быстрое и нервное движение на закрытие телефона раскладушки.

"Вот так, не скучает и не целует", — с горечью подумала она.

Глава 4

Виктор сомкнул свой слайдер и удивлённо посмотрел на него, словно желая получить ответ от светло-серой пластиковой коробочки, зачем звонила Маша, и почему так неожиданно прервалась связь.

"Соскучилась! Только два дня и прошло, как расстались", — раздражённо размышлял он о телефонном разговоре.

Солнце и тёплый летний ветерок ласкали белую кожу, обнажиться на даче заставил его отец, смуглая спина и руки которого мелькали там где-то между грядками.

Уезжая в свой Возжаевск, Черников надеялся отстраниться от всего, что ассоциировалось с его многолетним кошмаром небытия. Он надеялся, что маленький городок, больше похожий на районный посёлок, с 16-тысячным населением, которое на одну треть родственники, на другую — сослуживцы по работе, а на третью просто знакомые, развеет его и вернёт в полосу хороших детских и юношеских воспоминаний, к которым он не обращался столько времени.

В первый же день приезда он осмотрел весь город. За его почти десятилетнее отсутствие Возжаевск изменился незначительно, появились коммерческие ларьки и маршрутки, как в больших городах, и шикарные коттеджи местных нуворишей. В остальном всё почти было по-старому, народ в основном работал на двух местных заводах, цементном и консервном, а в свободное от работы время пропадал на приусадебных участках и дачах.

У одной половины дачников участки располагались на берегу Волги, у другой в холмистом, но лесистом районе на противоположной стороне за городом. Дача его родителей примыкала почти к лесному массиву, неудобства, связанные с отсутствием открытых водоёмов, с лихвой компенсировались другими преимуществами, как целебный лесной воздух, грибная охота с весны до поздней осени. К тому же воду добывали качками из скважин, пробуренных на каждом участке, и были всегда независимы в таких вопросах, как полив огорода, в отличие от дачников на Волге, получающих воду в определённые дни и часы.

На второй день пребывания на малой Родине, отец естественно потянул его на дачу, осмотреть посадки, позагорать, приобщиться, так сказать к природе. Родители его были людьми предпенсионного возраста, хотя сегодня и была суббота, мама Тамара Николаевна — медсестра районной больницы находилась

на дежурстве, поэтому на даче они оказались с отцом вдвоём.

Его отец, Василий Иванович, был настоящим трудоголиком. Из-за сходства имени и отчества с известным революционным персонажем носил кличку Чапай, ну а сыну передалось по наследству видоизменённая — Чапаевец. Хотя в народе и говорят, что яблоко от яблони недалеко падает, Виктор всю свою сознательную жизнь опровергал данное утверждение и не был таким трудолюбивым как отец, а работу на дачном участке просто терпеть не мог. Он всегда говорил, что на свежем воздухе нужно только отдыхать.

Василий Иванович, помня о нелюбви сына к дачным работам, не позволил ему в этот раз ничем заниматься со словами:

— Отдыхай, загорай, набирайся сил, да и чем ты сможешь помочь, скорее навредишь, за тобой глаз да глаз нужен, уж я как-нибудь сам с огородом разберусь.

Вот и мелькали его спина и руки между грядками с простыми мыслями огородника, что прополоть сейчас, а что оставить на потом, почему лук медленно растёт, и откуда у огуречных листьев появились жёлтые пятна.

Виктор принял душ в деревянной кабинке из пластмассовой бочки наверху и только, собирался пополнить запас воды, уже набрал два ведра из качка, приспособления, позволяющего вручную поднимать воду на поверхность из скважины, как в сером плотном заборе открылась калитка, и к ним пожаловала молодая женщина с мальчиком лет пяти.

Лицо ему показалось знакомым, но вспомнить, наверное, из-за прошлой болезни, где он видел её, сразу не удалось.

— Привет, Виктор! Что не узнал одноклассницу? — приятный ласковый голос заставил его вздрогнуть и вспомнить всё.

"Это она", — пронеслось молнией вместе с мурашками по всему телу и вытащило, казалось из наглухо закрытых подвалов памяти не только школьные воспоминания, но и палитру чувств того периода.

— Почему? Узнал, — сдавлено ответил он, — здравствуй, Наташ!

Да это была она — Наташка Яхимова, одноклассница, его первая, и как ему казалось тогда, настоящая любовь. Они дружили весь последний школьный год, и для друзей и подруг выглядело странным, что между ними не было физической близости. Наталья была непреклонной, целоваться — да, ласкать груди — допускалось, остальное — только после свадьбы.

На расспросы друзей об этом самом Виктор давал двусмысленные ответы или просто отнекивался, но в глубине души, скорей из-за юношеского максимализма, всё больше и

больше накручивал себя и ставил перед собой конкретную цель овладеть Натальей.

Стопроцентного случая для такой близости не предоставлялось, и скорей всего, это было заслугой проницательной и умненькой Наташки. Виктор создал видимость, что смирился с таким положением их отношений, но планы не перестроил, а лишь скорректировал и решил, что выпускной вечер — самая подходящая пора для такого дела.

Он ждал лета, дрожал от возбуждения при мыслях об этом и чувствовал, — на выпускном что-то должно произойти. Но как всегда бывает в таких случаях, длительное возбуждение сожгло его, и Виктор не рассчитал своих сил, перебрал спиртного. Хотя постановочный сценарий сложился как нельзя лучше. Он был изрядно навеселе и попросил Наташку прогулять его. Все пошли встречать рассвет на Волгу, а они на другой конец города в дачный посёлок, послушать пение соловьёв.

Он привёл её на свою дачу, зная, что там никого не будет, неся запасные ключи от домика в кармане. Они целовались под заливной пересвист соловья сидя на лавочке, он ласкал её, и она отвечала ему тем же. По взаимному согласию они переместились в помещение домика, разделись и улеглись в кровать, но в самый ответственный момент Виктора очень сильно замутило, спиртное и адреналин для неопытного парня сыграли роковую шутку.

Его чуть не вырвало прямо на постель, и он, голый, зажимая руками рот, пулей выбросился вон. Вычистив содержимое желудка рядом у входных ступенек, он босиком по бетонной дорожке пробрался к кадке с водой, прополоскал рот и умылся. Вернулся он уже, так сказать, к разбитому корыту, Наташа сидела на краю кровати полностью одетой. Он извинился перед ней и начал одеваться сам, она встала и вышла из комнаты.

Светало. Замолкли птички, бледно-розовая полоска зари окрасила верхушки деревьев в проемах между холмами. Оставив рассвет за спиной, они опустошенные и уставшие входили в город. Провожать домой Наташу Виктор не пошёл, при расставании на перекрёстке лишь чмокнув её в щёчку, пробормотав что-то невнятное.

"Пока", — ответила она и потрепала ласково ему волосы, но это "пока" на самом деле оказалось прощальным.

Вот теперь она, уже взрослая женщина, но ещё более красивая, стояла перед ним на той же самой даче в лёгком ситцевом платьице и приветливо улыбалась. Радостная и искренняя улыбка смущала его, и он, улыбаясь в ответ, чтобы скрыть своё смущение, опустил глаза на мальчика и спросил игриво: "Чьи же мы будем, и как нас зовут?"

Пятилетний мальчуган в голубенькой майке, тёмно-синих шортах и сандалиях на босу ногу смело взглянул из-под длинного козырька бейсболки, одинакового цвета с шортами, и бойко ответил:

— Я — Витя Шабанов.

— Это мой сын, — дополнила ответ Наталья.

— Погоди, получается, что ты замужем за Димкой Шабановым? — удивлённо переспросил Виктор и присел на корточки перед мальчиком, начав его пристально рассматривать.

— Получается, — ответила она.

Димка Шабанов парень из их класса, белокурый, одного роста с Виктором тихий хорошист. Ни у Виктора, ни у Натальи никогда в школьные годы не было никаких симпатий к нему, тем более дружеских отношений с ним.

Мальчишка действительно чем-то был похож на отца, серые в голубизну глаза, светлый чуб выбивался из-под кепи, даже веснушки на загорелом лице не уменьшали сходства с родителем.

— Ну, давай пять тёзка, — произнёс Черников и протянул руку. Мальчик смело вложил свою, коричневую от загара, кисть в ладонь незнакомого дяди.

— Здравствуйте, Василий Иванович, — поприветствовала первой Наталья старшего Черникова, покинувшего свои грядки и пришедшего к калитке пообщаться с нежданными гостями.

— Добрый день, какими судьбами к нам? — ответил тот вопросом на приветствие.

— Да вот Виктора зашла пригласить на встречу с одноклассниками, — объяснила она свой визит и продолжила, — была на даче у Инги Копёнкиной, да вы знаете, здесь недалеко от вас на второй линии, там и планируем провести вечер.

— Ну, что ж, это хорошее дело, — одобрил Василий Иванович, — встреча с выпускниками.

— Это не совсем такая встреча, как в школе, просто сейчас многие в отпуска приехали, вояки наши Коля Малышкин, Стёпка Санякин с семьями, про Витино возвращение все уже прослышали, другого такого подходящего момента может и не быть, — проясняла она ситуацию более конкретно, — вообще это не встреча с выпускниками, а встреча одноклассников.

— Ну, и так хорошо, что вы друг друга не забываете, — продолжал нахваливать их идею старший Черников, — да, вы, проходите, что уж у калитки-то стоять.

— Да нет, времени мало, пойдём дальше других приглашать и готовить встречу, — ответила Наташа.

И, повернувшись к Виктору, уже повторно спросила его:

— Ну что, Вить, придёшь?

— Конечно, что за разговор, только вот, я как понимаю всё это в складчину? — задал он встречный вопрос.

— А, ну да, двести рублей с человека, и каждый, кто желает, приносит с собой спиртное, — озвучила она материальную подоплёку пикника, — завтра в воскресенье в шесть вечера на даче у Копёнкиной, там удобное место, за участком полянка и лес, да и дача сама немаленькая, на двадцать человек самое то.

Она попрощалась и повернулась к ним спиной, ладная стройная фигура немного задержалась в проёме калитки, пропуская сына вперёд на улицу.

Виктор поневоле ласкал её взглядом, и она почувствовала это.

"Ну и пусть, — подумала Наталья, — он всё такой же желанный, жаль, что у нас не сложилось, хотя нет, — он же "шизик".

Виктор впервые пожалел, что читал чужие мысли, кровь ударила ему в лицо, и застучало в висках.

"Шизик?! — пронеслось у него ураганом в голове, — и такое обо мне Наташка?"

Он закрыл калитку и посмотрел на отца, а чтобы предотвратить вопрос о самочувствии спросил сам:

— Пап, где у вас тут можно купить хорошее спиртное?

— Да всё там же, — ответил тот, — в центральном гастрономе, зовётся только по-иному "супермаркет".

На встречу Черников пришёл с бутылками литровой ирландского виски и двухлитровой кока-колы. Присутствовало чуть больше половины класса, все в основном с женами и мужьями, не было лишь его друга Вадима Педанова и ещё двух-трёх человек, которых Черников действительно хотел бы видеть.

Как хозяйка Инга Копёнкина взяла на себя и роль ведущей встречи, заодно и тамады.

Она достала откуда-то настоящий школьный журнал того времени и объявила краткий сценарий.

— Прошу внимания, десятый "А", — произнесла она громко, встав на ступеньки дачи, чтобы все сидящие и стоящие за столами её хорошо видели.

Прежде чем продолжить речь, она помахала над головой классным журналом:

— Перед тем, как начать перекличку, предлагается тост за встречу, затем я зачитываю фамилию каждого, он подходит и встаёт на это самое место, рассказывает коротко о себе, произносит свой тост. Шашлыками и горячим будут заниматься сопутствующие классу люди.

Все загалдели и одобрили сценарий, лишь Виктор слегка занервничал по известным ему причинам, но немного поразмыслив, он пришёл к выводу, что пока до него дойдёт черёд, половина присутствующих будет уже изрядно навеселе и не станут уж такими внимательными и разборчивыми в прослушивании других. Атмосфера была демократичной, шведский стол, все свободно перемещались, и у каждого была возможность пообщаться с тем, с кем ему хочется.

Черников переговорил почти со всеми классными "пацанами", пожалел, что не было друга Вадьки, который застрял где-то в Москве, и когда уже прошли середину списка оказался неожиданно рядом с Наташкой.

Неожиданно — это для неё, хотя украдкой она следила за ним. Тяжёлая и крепкая рука обожгла кожу на талии, оставшуюся открытой между короткой блузкой и поясом джинс.

"Это он! Так обнимал только он!"

Она повернулась всем туловищем влево и подняла глаза, от его руки на талии исходило не только тепло, но и приятные парализующие токи.

— Что так долго искал? — игриво, с блеском в глазах, произнесла она ему в лицо укор.

— Я ждал, когда алкоголь смягчит горечь выпускной ночи, — в таком же тоне ответил Виктор.

— Прекрати, что было — то прошло, — обрубила она, и, передав почти пустой фужер левой рукой в правую, а освободившейся сняла груз с талии, но чтобы сгладить неловкий момент и не оборвать долгожданный разговор, быстро спросила его, — что пьём?

— Вискарь, — не замечая её напускной строгости, продолжал он заигрывать и предложил ей, — не хочешь попробовать самого дорогого ирландского самогона?

Хочу, — с готовностью произнесла она, протянув к нему фужер с остатками светлой жидкости на дне, пояснив при этом, — пила вино, наверное, нельзя мешать?

— Почему, на повышение можно, так мы его ещё и хорошо разбавим.

— Зачем разбавлять? Я никогда не пробовала виски, хочу почувствовать его настоящий вкус.

— Боюсь, в чистом виде оно тебе не понравится, его разбавляют содовой или, как сейчас принято у молодёжи в России, кока-колой.

— Ты, что меня специально дразнишь? Хочу чистого виски, — фразу она произносила голосом капризной школьницы, выплеснув остатки вина на грунт, и протянула ему пустой фужер

со словами, — ну, наливай, раз женщина просит!

Он посмотрел вокруг, они и не заметили, как отгородились от остальных и сдвинулись в сторону. Играла в лёгкую музыка, на четырёх пластиковых столах под зонтиками, стояли разношёрстные и уже открытые бутылки спиртного, на одноразовых пластиковых тарелках разместились в беспорядке различные закуски, начиная от сырных и колбасных нарезок и аппетитных бутербродов и заканчивая роллами и суши. Фрукты, разрезанные и целиковые, разместились на отдельном квадратном столике, прислонённом к дачной стене с другой стороны бетонной дорожки. Тридцатилетние мужчины и женщины, называющие себя одноклассниками, разбились на многочисленные группы и группки, беседовали, смеялись и просто стояли молча с бокалами или рюмками спиртного, внимая говорящим.

Классный журнал в раскрытом виде лежал на ступеньках, так называемого импровизированного подиума. Ведущая, Инга, на время оставила всех в покое и переместилась к дымящему мангалу, где её муж занимался шашлыками. Она снимала пробы совместно с вояками и их жёнами, у женщин в руках были бокалы у мужчин пластиковые стаканчики. Водка и вино стояли на пластиковом стуле рядом.

Черников сразу понял, что до них с Наташкой никому нет дела, никто не обращал на них внимания, даже её муж, Димка, стоял со своими школьными дружками и что-то весело рассказывал им.

"А, что если…, - подумал он.

И повернувшись к Наташке, заинтриговал её:

— Подожди, я сейчас.

Виктор быстренько метнулся к столику, на котором он оставил бутылку виски, взял её, кока-колу и одноразовый стакан. Проходя мимо фруктового столика, прихватил крупное зелёное яблоко. Он поставил перед ней на бетон дорожки кока-колу и стакан, держа в руках бутылку виски, свой бокал и яблоко.

Она протянула к нему руку с фужером. Он плеснул в него немного виски, так чтобы закрыть дно всего лишь на ширину двух пальцев. Обновил и свой бокал, в котором на одну треть ещё была тёмно-коричневая жидкость, схожая с цветом кока-колы, затем наклонился, поставил бутылку на дорожку и наполнил стакан запивкой, разогнулся и поднял его.

— Ну, что на брудершафт? — игриво предложил он.

— Никаких брудершафтов, — уже не так категорично ответила она, — за встречу…

— Тогда пей одним глотком до дна, — предупредил он и

добавил, — я подстрахую.

Он стукнул свой бокал о её фужер и поднял его, приглашая тем самым, выпить содержимое. В другой руке на изготовке держал яблоко, прижатое мизинцем и безымянным пальцами к нижней части ладони, и подстраховку, стакан с запивкой, поверх яблока, удерживаемый остальными тремя пальцами.

Она выпила первой, залпом и до дна, и тут же отстранив фужер, с шумным вздохом стала всасывать в себя воздух, махать свободной кистью руки, словно вентилятор, создавая ветерок в направлении открытого рта.

— Запей, — предложил Виктор и вставил ей в руку стакан с кока-колой.

Она последовала его совету, сделала пару глотков, остановившись и, наконец, приобретя дар речи, сдавленно произнесла:

— Это самое отвратительное, что я успела попробовать за всю свою жизнь!

Он засмеялся и, сделав пару больших глотков из своего бокала, пояснил:

— Я предупреждал, что неразбавленный только на любителя, а вот с колой и ничего даже.

Откусив яблоко, Виктор поднёс его ко рту Наташи с напутствием:

— Закусывай!

Так как руки у неё были заняты, она слегка наклонила голову, чтобы было удобней, и сделала небольшой надкус во фрукте в том же месте, где ранее перед ней произвёл свой Виктор. Разжёвывая мякоть яблока, они смотрели друг другу в глаза и улыбались.

Он невольно просканировал: "Мне больше нельзя пить, иначе я растаю и покусаю его пухленькие губки, нужно что-то придумать".

Но за неё придумал он и предложил:

— Так позови супруга и представь его по полной программе старому другу.

"Спасительная идея, — подумала она и, повернувшись в сторону гудящей толпы".

Поискав глазами Димку, неожиданно громко крикнула:

— Шабанов, Димка!

На её окрик обернулись только близко стоящие к ним и Инга, всё же старающая держать нить вечера под своим контролем, а супруг продолжал что-то рассказывать своим собеседникам и не услышал её. Тогда она решительной походкой направилась в его сторону, бросив на ходу Виктору фразу:

— Подожди, я сейчас.

Она удалялась от него по дорожке, а он, обозревая изящную фигуру сзади, аккуратно раздевал её, сначала растворив блузку и джинсы, затем тёмно-бордовые трусики и бюстгальтер.

"Хороша стерва, — оценил её он мысленно, — в попке ни грамма целлюлита". Затем он перенёс взгляд дальше на толпу одноклассников. Одежда людей стала фрагментами прозрачной, и обнажались различные места их тел, как мужчин, так и женщин. В этот самый момент в голове почувствовал шум и тяжесть, сказывалась несовместимость действий браслета и алкоголя, он ослабил концентрацию, и видения исчезли, вместе с ними закончились и неприятные ощущения.

"Не переборщить бы опять", — настораживающая мысль всплыла сама собой.

Наталья снова в джинсах и блузке, дёргала уже за рукав своего супруга, что-то говоря ему при этом. Димка повернулся и посмотрел в сторону Виктора, сказал пару слов своим собеседникам и пошёл вместе с супругой к нему.

Она двигалась впереди, правой рукой ведя за собой мужа. Виктор не удержался и осмотрел её нагой спереди: "Хороша Наташа, жаль, что не наша!" Рифма раззадорила его, и он улыбнулся, Наташка ответила ему приятной улыбкой.

— Вот, знакомьтесь заново, — отпустив руку мужа и поставив его перед Виктором, произнесла она задорно, — Виктор — школьный друг, Дмитрий — мой супруг!

— Наташ, хватить чудить, — остановил её Димка, — давайте лучше выпьем за встречу, что вы тут употребляете?

Он нагнулся и поднял с дорожки бутылку виски и удивлённо произнёс:

— Ну, Витёк, ты даёшь! И тут выпендрился, время тебя не меняет, мог бы как все принести водку, коньяк, наконец, а ты виски! Как вы можете пить это пойло?

— Ты, попробуй разбавленный, — предложил Черников, нисколько не смущаясь иронического тона Шабанова.

— Да, попробуй, — неожиданно поддержала Виктора Наташка.

— Ну, давайте, — согласился Димка, — только у меня рюмка, а что в ней разбавишь?

— А вот стакан подойдёт, — предложила Наташка и протянула ему стаканчик с колой.

— Действуй, — сказал Димка и передал виски Виктору.

Тот в стакан Шабанова, на две трети заполненный колой, добавил до полного виски и, как бы извиняясь, произнёс при этом:

— Правда истинные пропорции сейчас сложно сохранить, но я думаю, что так будет самый раз.

Виктор плеснул снова виски в фужер Натальи, та укоризненно посмотрела ему в глаза, но ничего не сказала, тогда он плеснул и себе, затем поставил на дорожку бутылку виски и поднял с кока-колой.

— Давайте переместимся вон хотя бы к столику с фруктами, — предложила Наталья, — а то как-то неудобно постоянно нагибаться, а там свободная скамейка.

Она подняла бутылку виски и проследовала к упомянутой скамейке. Мужчины пошли следом за ней. Остановившись у столика, она поставила бутылку на скамейку и, повернувшись, протянула свой фужер приближающемуся к ней Виктору.

Черников сходу наполнил её фужер колой до краёв и, выровняв уровень в своём бокале как у них, поставил двухлитровую бутыль колы рядом с виски.

— Ну что, за встречу? — спросил он супругов и протянул им свой бокал.

— За встречу, — ответил за семью Дмитрий.

Они стукнулись разнокалиберными сосудами и выпили по несколько глотков каждый.

— А ничего, — прокомментировала Наташа напиток.

— Согласен, — подтвердил супруг и отпил ёще глоток.

В этот самый момент Инга вернулась к своим обязанностям и пригласила выступить человека, фамилия которого начиналась на букву "Ч". Естественно обладателем такой фамилии в классе был единственный Виктор Черников.

Виктор слегка занервничал, вот пришлось и ему держать слово, его расчёты оказались неверными, гости не были пьяны, как хотелось бы ему, а список был изрядно прорежен и потому короток. Гомон прекратился, все, как по команде, повернулись в его сторону, словно давно ждали изюминки вечера, выступления поп-звезды или ещё какой-нибудь знаменитости.

Черников и не заметил, как очутился на самой верхней ступени, как начал что-то говорить тихим и неразборчивым голосом, пока кто-то не крикнул:

— Нельзя ли погромче, ничего не слышно, не стесняйся, здесь все свои!

— Вот я и говорю, — взбодрился он и продолжил уже более громко, — учился, занялся факультативно изучением паранормальных явлений, в одном эксперименте потерял память, только вот в настоящее время благодаря швейцарским специалистам удалось преодолеть пробел…. Что ещё, семейное положение — холост. Много пить нельзя, пока, так что извините,

но мой тост будет слегка банальный: давайте выпьем за регулярность наших встреч!

— Хороший тост, можно выпить, последние лет десять мы и так встречаемся регулярно, — донёсся чей-то возглас.

— Слух шёл, что у тебя шизофрения….

— Это слух, — кратко ответил он.

— А что вы изучали конкретно?

— Да, разное.

— А вот у меня, — обратилась к нему стоящая рядом Инга, — ложки с вилками к груди прилипают. Это относится к паранормальным явлениям?

И не ожидая ответа, она продемонстрировала всем, как две чайные ложки держались на вертикальной поверхности груди. Для пущей убедительности своего феномена, Инга наклонилась слегка вперёд так, чтобы столовые металлические предметы зависли как бы на потолке, созданном декольтированной поверхностью участка тела Инги.

Некоторые захлопали, другие закричали, что они тоже так могут, было видно, что шутка удалась. Но неожиданно прозвучал возглас Натальи, которая с фужером в руках пробилась на передний план полукруга, стихийно образованного вокруг импровизированного подиума:

— Но всё-таки, что-нибудь конкретно, можешь рассказать?

Виктора смутил не сам вопрос, а личность его ставящая, он не ожидал, что пытать и истязать будет Наташка.

— Ну, слова есть слова, вы по телеку и не такое видели, могу показать, только тогда, когда буду трезв, например передвижение предметов силой мысли, угадывание и чтение чужих мыслей, прозрачность предметов.

— Что значит прозрачность предметов?

— Могу видеть сквозь предметы.

— О, как интересно, — воскликнул кто-то из мужчин, — предлагаю игру, мы сейчас выпьем, и ты начнёшь всем желающим описывать их нижнее бельё, кто не согласен с описанием, продемонстрирует реальное.

Все загалдели, засмеялись, послышались женские возгласы:

— Колька, ты так и остался сексуально озабоченным, жена и двое детей не перевоспитали тебя!

Воспользовавшись замешательством, Виктор спустился с возвышенности и подошёл к Наташке. Следующим по списку журнала был Шабанов Димка, который уже поднимался на его место, так что в этот момент они, можно сказать, остались наедине.

— Вот тебе я сейчас отплачу за курьёзные вопросы,

хочешь? — полушутя, полусерьёзно спросил её Черников.

— Как? — игриво уточняла она.

— У тебя под джинсами и блузкой кроме тёмно-бордовых бюстгальтера и трусиков ничего нет.

— Удивил, — ответила она, — наклонилась, и ты увидел цвет трусиков, а бюстгальтер почти всегда в комплекте, так что — это профанация Витя!

— Вижу твою трезвость, и фужер твой пуст, — перевёл разговор на другое Виктор, — идём, наполним.

Он потянул её к той скамейке, где стояло их спиртное, она не сопротивлялась.

Через некоторое время к ним присоединился отстрелявшийся Димка, а Наталья выступать отказалась, сославшись на то, что за неё сделал это супруг. Виктор подливал им виски и разбавлял колой, пропорции не соблюдались. Сам старался налегать на второе. Газы и крепость спиртного сделали своё дело, первой поплыла Наталья, она стала смеяться безостановочно, движения рук и ног потеряли уверенность и точность. Виски закончилось, перешли на коньяк и водку. Виктор продолжал разбавлять, Димка пил только чистое, а Наталья уже почти не пила. Через некоторое время муж сравнялся с супругой, и Черников предложил им прогуляться до его дачи, благо время было уже позднее, а часть гостей начали уже потихоньку расходиться.

Они с трудом помещались на узкой междачной улочке, называемой ниткой. Бредя втроём, Виктор посредине, постоянно спотыкались, но он не давал им возможности упасть. Наташка непрерывно смеялась и иногда повторяла, что так она ещё никогда не напивалась. Димка мычал что-то нечленораздельное и периодически пытался петь, но каждый раз после нескольких фраз сбивался и замолкал. Запевал он всего одну и ту же песню "Ой Мороз, Мороз…", на вопрос Черникова о других песнях ответил, что все пьяные поют это, а он сегодня пьян.

Наконец, с горем пополам они добрались до его дачи. Виктор открыл калитку и, проявляя чудеса расторопности и эквилибристики, завёл их на территорию участка, усадил на скамейку. Сам он почти был трезв, или просто так казалось ему, хотя по косвенным признакам (браслет перестал действовать), скорее полупьян.

Он открыл входную дверь домика, вытащив ключ от навесного замка из потайного места. Прошёлся по помещениям, осмотрел одну комнату с единственной кроватью у стены и вторую с двуспальным диваном у окошка. Диван разложил, достав из рундука маленькую подушку и махровую простынь, с кровати не стал сдёргивать покрывало, а лишь достал из-под неё

такую же подушку и положил поверх.

Он поочерёдно развёл их по комнатам. Димку уложил на кровать прямо в одежде, сняв лишь с ног обувь. Наталью, также без обуви положил на диван. Она засунула руки под подушку, пробормотала:

— Ой, как хорошо…

Затем он отлучился к Димке и понаблюдал за ним, тот уже спал и начинал похрапывать. Закрыв дверь в его комнату, он вернулся к Наташке и прилёг с ней рядом, погладил её по волосам, провёл рукой по спине и, не останавливаясь, по ягодицам. Она не выказывала никакой реакции. Он просунул руку в промежность и погладил там. Она что-то промычала в подушку и повернулась к нему лицом, оказавшись на боку.

Виктор расстегнул пуговицу и молнию на её джинсах, привстал на колени и стащил с неё джинсы, бросил их на диван в ноги. Хотел снять блузку, но передумал, и резким движением стянул с бёдер тёмно-бордовые трусики. В ярком лунном свете из окошка, пробивавшемся поверх ситцевой занавески, он увидел то, о чём мечтал ещё в школе.

Наталья поняла, что её раздели, не открывая глаз, перевернулась на живот и правой рукой потянула на себя простынь, частично прикрыв наготу. Виктор встал с дивана, быстро скинул брюки и приспустил трусы, пристроился к ней сзади, откинув простынь и раздвинув ей ноги. Он вошёл в неё, диван заскрипел, она вздохнула и произнесла еле внятно:

— Я не хотела так…

Виктор продолжал своё дело, она начала постанывать, но почему-то невпопад такту, и он догадался, что ей просто плохо. Закончив, он встал, вытерся о простынь и суетливо одел брюки. В этот самый момент она подала признаки жизни и подползла к краю дивана, он понял, что хочет сделать она, и метнулся в кухню. Там прихватил оказавшийся, кстати, прямо у входа пластмассовый тазик с одной отломанной ручкой.

Успел вовремя, её вырвало прямо в тазик, который он только поднёс к её лицу, не успев поставить его на пол. Тёплые брызги мощного потока окропили его руку, оставив перед ней посудину, пошёл обратно в кухню за полотенцем. За спиной слышалось рыганье и удары содержимого о дно тазика, каждый раз такой цикл заканчивался сильным кашлем.

Вытерев руку и посмотрев на полотенце, он прихватил его с собой. Вернулся в комнату, она нависала над тазиком и молчала.

— Ты как? — спросил он.

— Плохо, отстань, — почти трезвым голосом ответила она.

Так продолжалось несколько секунд, возможно, прошла целая

минута, прежде чем она пошевелилась и, приподнявшись, отползла назад от края дивана, попросила его:

— Принеси воды, я умоюсь.

Он повесил полотенце ей на шею и, уже в который раз, вышел в кухню. Питьевое ведро и стеклянный кувшин были пусты, Виктор почему-то выбрал ведро и, взяв его, вышел наружу. Обойдя домик, он очутился у его тыльной стороны, там, где стояла бочка с водой и качок. Зачерпнув ковшиком воды из бочки, он вылил её в трубу, начал качать.

Вода долго не поднималась на поверхность, но вот небольшая порция плюхнулась на деревянный настил, специально вымощенный вокруг качка, чтобы вода не размывала грунт, и затем потекла тонкой струйкой. Он подставил ведро и продолжил качать, вода побежала энергичней, а струйка превратилась в мощную струю.

Набрав ведро до краёв, он отпустил ручку качка, нагнулся и взял душку в правую руку, собираясь отнести ведро в домик, но услышал приближающиеся шаги. Выпрямившись, Виктор увидел подошедшую Наташку. В руках она несла джинсы, её бёдра, начиная от талии, были обмотаны полотенцем, так, что выглядело это как мини-юбка, на ногах были босоножки, но пряжки не были застёгнуты.

Он выпрямился, оставив ведро в покое, а взял в руки ковшик и, зачерпнув из ведра, протянул его ей. Она бросила джинсы на маленькую переносную скамеечку, стоящую тут же у обреза деревянного настила, приняла ковшик двумя руками и, прежде чем набрать в рот воды, тоном, не предвещавшим ничего хорошего, спросила:

— Где трусики?

— Там, — так же кратко ответил он и махнул рукой в сторону домика.

— Иди и принеси, — приказала она и, сбросив обувь, ступила босыми ногами на мокрый деревянный настил.

— Сейчас, — произнёс Виктор и посторонился, пропуская её в центр настила.

Он перешагнул через скамейку и пошёл по дорожке вдоль домика. Удаляясь, слышал, как она полоскала водой рот и горло, а затем фыркнула пару раз.

"Умывается", — подумал он.

В домике раздавался пьяный храп. Виктор зашёл в комнату с диваном, запах кислятины уже начал оседать повсюду.

"Нужно убрать тазик", — подумал он, взглянув мельком в ту сторону.

Тазик стоял на том же месте, где он его и поставил.

Скомканная простынь лежала на подушке, но не в головах, которые определил он сам, разбирая диван, а в ногах.

"Икала", — пронеслось у него в голове.

Он повторил поиски, перекладывая с места на место подушку и простынь, искомого предмета не было.

"Странно, — удивился он, — куда они запропастились?"

Запах начал доставать его, к тому же он слегка задел тазик.

"Нужно вынести его вон", — подумал он и поднял его.

Под ним лежали они, целые и невредимые, и на ощупь сухие. Он оставил в покое тазик и метнулся с ними наружу.

— Вот, — только и сказал он, наблюдая голые ягодицы.

Наталья, не стесняясь, продолжала своё дело. Она обмыла промежность и вытерлась полотенцем, затем повернулась к нему лицом, взяла из его рук своё нижнее бельё и со злостью бросила полотенце ему в лицо.

Осмотрев в лунном свете трусики, вывернула их как необходимо, чтобы не было изнанки, и не перепуталась лицевая сторона с задней, быстро одела и поправила уже на себе резинки, щёлкнув ими в районе ног.

Подпрыгнув, влезла в джинсы и застегнула молнию и пуговицу, сказала как-то беззлобно Виктору обидную фразу:

— Ну и сволочь же ты, Черников, как был монстром тогда, так и остался теперь.

— Ты же сама хотела этого, — защищался он.

— Может и хотела, но точно не так, — ответила она, застёгивая пряжки на босоножках, — от школьной романтики осталась лишь одна блевотина, умеешь ты уничтожать хорошую память.

Закончив с пряжками обуви, она встала со скамейки и, взглянув ему в глаза, спросила:

— Ты говорил, что у тебя есть женщина, которая своей любовью вернула тебе память? Так вот, мне жалко несчастную, а зная тебя, не надо быть пророком, ты подложишь ей такую свинью, что моё горе — радость. А я покаюсь, и меня простят.

И она пошла мимо по бетонной дорожке на выход. Он растерянный поплёлся за ней, держа в руках мокрое полотенце. Перед калиткой остановилась и, повернувшись к нему, сказала:

— А тому придурку скажи, когда проснётся, что я у Инги, а возможно заберу сумочку и уйду домой.

Задержавшись немного, добавила:

— А тебя, Витенька, видеть больше не могу и не хочу.

Вышла на улицу и закрыла за собой калитку.

"Наверное, навсегда", — подумал он, и его охватило непонятное беспокойство, которое возникало и раньше во время

всего периода болезни, но вот сейчас впервые после, так называемого, выздоровления.

В этот момент он был противен самому себе, ему казалось, что его внутреннее "я", отгородилось от него или даже не так, его душу окутала чёрная пелена, сквозь которую не может пробиться свет вовнутрь, а крик наружу.

"Ну и плевать, оттрахал же, не будет "шизиком" обзываться", — подумал он и успокоился, криво улыбнулся, и уже новое чувство завладело им, чувство злобы и не только на Наташку, но и на весь мир, который был ему непонятен и чужд.

Он жил уже в другом мире, мире злобы и там, как ему казалось, было спокойней.

Глава 5

Мария вздрогнула и проснулась. Сонные видения затирались всё быстрей и быстрей, словно кто-то незримый старался скрыть от неё то, что ей только что снилось. Но эмоции в таких случаях остаются всегда, и они в этот раз не были приятными. Ей показалось, что чувство тревоги за Черникова, испытанное накануне в саду и сие моментное, оставшееся ото сна, чем-то схожи. Припомнилась цитата из Эсперанца о сновидениях, которую она прочла не так давно в интернетовской статье: "Мне нравится после пробуждения цинично препарировать сновидения, раскладывать их по составляющим, насмехаясь таким образом над той информацией, что они несли".

"А препарировать-то нечего, — сравнивала она, — чувства не раскладываются, хотя что-то и несут".

Она прислушалась к ночи, кроме лёгкого похрапывания отца в этой же комнате на диване, других звуков не было.

"Что-то произошло, — подумала она, — не могла же я, проснуться просто так".

Перевернувшись со спины на бок, она глубже уткнулась в подушку и вдобавок набросила на полголовы одеяло. Последняя звуковая связь с внешним миром исчезла, и она снова погрузилась в закрытый мир снов.

Открыв утром глаза и ощутив себя в бодром здравии духа, она тут же вспомнила, что просыпалась почему-то ночью и интуитивно почувствовала, что необходимо позвонить Виктору.

Выскользнув из-под одеяла, она почти бегом и на цыпочках прокралась в противоположный иконный угол комнаты и быстро, взяв телефон, метнулась обратно. Уже приминая перину, она посмотрела на диван. Он был пуст, так что своим манёвром она никого не потревожила.

На телефонном дисплее было всего лишь пять минут девятого. Поколебавшись немного, Маша всё же отыскала нужный номер и нажала кнопку соединения. Гудки шли долго, но она не сомневалась, что абонент обязательно ответит. И действительно так и произошло, что-то щёлкнуло, и она услышала заспанный голос Виктора:

— Привет, что так рано звонишь?

— Ничего се рано, девятый час.

— Я просто в три только лёг.

— Что так?

— Встреча одноклассников была.

— Ну и как?

— Да никак, тридцатилетние придурки, всё в школьников играют, напоролись как всегда, растаскивал их по хатам.

— Сам-то, не пил что ли?

— Пил, конечно, в меру.

— Ты мне ничего не хочешь рассказать?

— Опять нехороший сон, и интуиция тебе подсказывает, что на твою любовь снова кто-то покушался?

— Заметь, я этого не говорила. Ну, так что?

— На вечеринке встречался с бывшей своей девушкой и её теперешним мужем. Полный отстой, как говорит современная молодёжь.

— Что-то у тебя одно нехорошее льётся из уст? Не так приняли тебя?

— Представляешь, меня тут все считали шизиком.

— Обо мне здесь тоже не лестно отзываются, значит, повод даём для этого. Однако о своих сельчанах мнения я не меняю, как были они моими земляками, так и остались.

— Ну, я — это не ты, потому со своим мнением волен делать то, что захочется. Они меня — шизиком, а я их — придурками.

— Око за око, значит. Хорошо, если так, но ты можешь и дальше пойти.

— Прекрати фантазировать, я с браслетом почти не занимаюсь, отдыхаю от всего. В настоящий момент ты мне не даёшь спать, сама наверняка выспалась.

— Когда займёмся телепатическим обменом?

— Не знаю. Как настроение будет.

— Да, ты помнишь, я сегодня возвращаюсь домой.

— Помню, ну и что?

— А когда ждать тебя?

— Не знаю, я пока ещё не решил.

— Так решай поскорей.

— Хорошо, решу поскорей. Маш, я спать хочу.

— Ну, ладно, целую, пока.

— Пока.

Она сложила телефон и поняла, что с ней говорил совершенно другой человек, не тот Виктор, который, казалось ей, влюбился в неё на втором курсе. Но и это не главное, а то, что это дежа вю, и если раньше когда он был чуждый и без памяти, теплилась надежда, что всё вернётся вместе с памятью, то теперь уже нет никакой надежды.

"Странно, почему я вляпалась в такую историю, — стала она размышлять, прижав телефон к губам и начав им непроизвольно, но мягко постукивать, — в чём превратность судьбы? Нет, скорее, где и когда?"

"Ведь моё "Я" объективно не исследует всё моё предыдущее существование, нужен взгляд со стороны, — продолжала она уже анализировать, — как у Хрусталёва, увидеть себя саму со стороны. Почему физика? Почему?!"

Послышались шаги, пискнула дверь, и в комнату вошла мать. Мария поднялась на локте над подушкой и повернулась в сторону двери.

— Я пришла посмотреть, спишь ли? А нет, так вставай, завтрак на столе.

— Сейчас встаю. Мам, ты не помнишь школьного учителя по физике, который на квартире у бабы Нюры стоял?

— Припоминаю, в армию его потом забрали, полгода хозяйке писал, всё спрашивал как там в школе.

— Ты помнишь его фамилию?

— Я хоть и была в родительском комитете, но, сколько времени уже прошло, так что, ни как звали, ни фамилии уже не помню. Да и спросить-то не у кого, бабу Нюру уже лет пять назад, как схоронили.

— Звали его Сергей Александрович, а учителей по фамилии я плохо запоминала.

— Зачем он тебе сдался?

— Да так, школа вспомнилась, и он неожиданно, а вот фамилию вспомнить не смогла.

— Ну и бог с ним, иди завтракать.

— Иду.

После завтрака, прихватив браслет и сказав матери, что пойдёт, прогуляется перед отъездом по деревне, Мария вышла через калитку на улицу. Однако очутившись впервые за время приезда за порогом дома, она слегка растерялась. Стоя спиной к своему забору посмотрела налево — никого, посмотрела направо — ни одной живой души. Деревня словно вымерла, дома выглядели заброшенными, даже если и в них жили люди. Сады и приусадебные участки были неухоженными и заросли отростками, даже уличная дорога казалась неезженой.

Пруд, находившийся рядом через дорогу, и тот потерял прежний вид: измельчал, частично высох и зарос по округе кустарником, в народе называемым веником. На его мутной глади возилось небольшое количество уток и гусей. Раньше, как помнилось Маше, он был раза в три больше, и всё его зеркало было покрыто белыми фигурками водоплавающих, которые постоянно издавали живительный гам: кряканье и перекличка селезней, порхание крыльев и просто шумная возня в прибрежной тине.

"И куда тут теперь гулять, — сама себя спросила она, — поздороваться даже не с кем".

Но сделав над собой усилие, она пошла вправо по улице. С этой стороны соседское поместье было уже давно заброшено, старики померли в ту пору, когда Мария ещё ходила в школу, а их дети, живущие в городах, перестали посещать отчий дом последние лет десять. Всё заросло бурьяном, американкой, отростками деревьев. Фруктовые насаждения в основном высохли, но так как опиливать сушняк некому, стояли тут и там обвитые диким виноградом и хмелем, как вешалки для вьющихся растений.

Она прошла дальше, пруд закончился, начиналась плотина, а за ней Маринкина роща. Место, где они, поблизости живущие ребятишки, любили играть весной и летом, а называлось оно так из-за небольшого садика бабы Маринки, примыкающего со стороны улицы к роще. Этот садик имел искусственное ограждение с трёх сторон, а с четвёртой отделялся непролазным ивняком. Почва была слегка заболочена, вода постоянно просачивалась под прудовую плотину, и какие только саженцы бабка Маринка не высаживала, проходило год-два, и они засыхали. В саду был колодец с журавлём, которым хозяйка постоянно пользовалась, и росла луговая трава, которую она косила на сено два-три раза за лето.

Через дорогу было её поместье. Двор весь зарос бурьяном, от дома лишь остался фундамент. За фундаментом ещё просматривались глиняные стены надворной постройки и далее основной сад — сплошные непролазные джунгли, по окончании которых гумно бабы Маришки.

Мария закрыла веки и постаралась вспомнить, как выглядел домик бабы Марины. Стоял тот не как все дома в селе фасадами, а торцом на улицу. Его фасад был обращён во двор, а тыльная сторона в проулок, по которому проходила дорога между гумнами на колхозный двор. Другим концом дорога пересекала улицу и выходила на плотину, а далее уже раздвоенная вдоль садов такими же проулками уходила на соседнюю улицу или, как называли в деревне, тот бок, тот порядок.

Мысль о дороге отвлекла её от домика, и она, открыв глаза, повернулась в сторону плотины, чтобы проверить, что там сталось с дорогой. Дорога в конце плотины лишь поворачивала влево и скрывалась в гуще зарослей клёна, а вот дальнейший её путь проследить из-за зарослей не было возможности.

Мария снова повернулась в сторону дома и закрыла глаза. В её памяти маленький домик с двумя окошками на улицу и глухой стороной в проулок имел очертания, но не имел раскраски. Ей

казалось, что он был тёмно-красного цвета, так как был шалёван листовым железом, для покраски которого почти всегда используют такой колер, но откуда-то пробивался зёленый поверх деревянной шалёвки.

Она немного напряглась, веки стали прозрачными, и сквозь них проявился сначала фундамент, а потом и сам дом, только цвет его серый на голубом фоне. Появились люди, странно одетые, кто в непонятную военную форму, а кто в узбекские халаты и тюбетейки. Они сидели кружком вокруг синего костерка, некоторые из них тянули руки к голубому огню. Костёр был разведён почти у тыльной стороны дома, они грелись и пытались что-то готовить в котелке, который нависал над пламенем. Вдруг откуда-то справа энергично возникла фигурка военного, в портупее, с кобурой на боку. Он растолкал сидящих, ударил сапогом по котелку и начал затаптывать ногами костёр. Картина поплыла, зашаталась, изображение затуманилось и исчезло, остались лишь фундамент дома и чащоба за ним.

Мария открыла глаза, изображение приобрело колоритность и реалистичность.

"Кто были эти люди? — задала она сама себе вопрос, — военные, странно одетые. Бабушка что-то рассказывала про войну, про пополнение, которое гнали на фронт через село. Возможно это они".

"Значит, информация привязана к энергетике предметов и сохраняется лишь только вместе с ними, тогда, как и куда записываются временные периоды? Почему я не увидела более поздний, и как проникать в эти периоды? Я так никогда себя в прошлом и не встречу".

Она развернулась и пошла по плотине, где на средине когда-то был спуск на заветную поляну рощи, продолжая рассуждать: "Нет предметов — памятников и нет памяти, простите за тавтологию. Прав Хрусталёв со своей теорией о материальности мысли и памяти, негде аккумулироваться энергии, она куда-то улетучивается, исчезают предметы, связанные с нами по жизни, исчезает и память о нас".

"Можно остаться в памяти, только другого человека, но уже в его интерпретации".

Она по пути осматривала окрестность и делала сравнения с прошлым, с таким, которое хранила её память.

Со стороны пруда на плотине растения так и не прижились, а вот со стороны рощи полная противоположность. В своё время роща была ивовой, с могучими вётлами, серые необъёмные в охвате стволы которых, как дорожные столбы, стояли вдоль плотины и нависали ветками над ней. В примыкающей низине всё

забивал уже ивняк, который как ни рубили на хозяйские нужды, всегда снова возрождался.

По весне талые воды переполняли пруд и прорывали плотину в двух местах, в самых её началах, иногда вода текла прямо по улице в направлении другого пруда, который находился метрах в ста от этого и тоже в центре села. Люди старались предотвратить овражное развитие вдоль домов, потому спускали воду на другом конце платины в садах другой улицы, где и образовалась ложбина, по которой, огибая рощу, вода уже широким ручьём текла по лощине и впадала в церковный пруд, прозванный так из-за церкви, стоящей когда-то на его берегу.

Между ложбиной и низиной, захваченной ивняком, располагалась небольшая возвышенность, поляна, открытая только со стороны лощины, вот на этой полянке, всегда сухой по весне любили играть местные ребятишки. В распутицу на деревенских улицах непролазная грязь, а на поляне, имеющей стойкий травяной покрой не разбитый колесами колхозной техники, всегда сухо. Жги костры, благо сушняка было навалом и рядом, от взглядов взрослых закрыты, пекли картошку, жарили сало на ивовых прутьях, играли в мяч, в основном в вышибалы.

Мария хотела посетить полянку и осмотреть знакомые деревья, но картина современности поразила её. Если раньше роща была ивовой, с несколькими вишнёвыми деревьями почти на самой поляне и редким клёном, то теперь она стала кленовой. Роща без вмешательства человека превратилась в чёрт знает что. Могучие вётлы обветшали и частично обломались, уступив место клёну. Тот разросся так, что пройти внутрь поляны было просто невозможно, заросли настолько были плотными, что за ними уже не просматривалось что там в глубине, есть полянка или нет.

Мария остановилась на средине плотины в растерянности и с единственным вопросом: как ей попасть на полянку?

"Испортишь одежду, а колготки уж точно порвёшь, и не известно ещё куда выберешься".

Постояв немного и обдумав, она приняла приемлемое для себя решение. Закрыв глаза, она мысленно стала перемещаться внутрь чащи. Вот закончилось нагромождение из веток и зелени и открылось свободное пространство. Да, скорей всего это и есть поляна. Конечно, её размеры сильно уменьшились из-за подступающих зарослей, а травяной покрой совсем поменялся с лугового на сорняковый: американка, чертополох и камыш заняли всё в округе.

"Так что поиграть здесь теперь уже невозможно", — оценила Маша увиденное.

Она открыла глаза и, постояв немного, развернулась и

зашагала в обратном направлении с мыслью, что прогулка оказалась неудачной, и что вместо радостной встречи с детством пришло лишь огорчение.

— Что так быстро нагулялась? — спросила её мать, когда она уже прямиком через двор проследовала в сад.

— Смотреть просто не на что, да и видимо не зачем, — ответила дочь мимоходом.

Сад для неё превратился в своеобразную штаб-квартиру, где можно было посидеть в тени любимых деревьев, где не было так душно и сумрачно, как в доме с закрытыми от солнца на день окнами. Где не работал постоянно телевизор, без которого уже не мог обходиться пенсионер отец, а звуки новостных заставок замещались шелестом листьев под напором ветерка, чириканьем воробья, жужжанием насекомых и прочим природным шумом, который гармонично воспринимался организмом, как естественная среда обитания, и позволял тому отдыхать и работать одновременно.

У Марии ещё со школы осталась привычка, если позволяла погода, готовить все устные уроки в саду. Подготовка к выпускным экзаменам тоже прошла здесь, быстро и успешно. Девчонки удивлялись:

— Маш, поделись секретом, как ты успеваешь выучивать в два раза больше билетов, мы пробовали в своих садах, но у нас всё равно не получается, сад, что ли, твой особенный.

"Да, сад действительно особенный, когда его любишь. Вот только непонятности получаются, любила и люблю природу, а пошла учиться на физика, не на лирика или ботаника, и ещё странно, что и физика нравилась. Парадокс. Теперь уже как физику нужно ответить, где и когда область пространства-времени претерпела разрыв и приобрела иные патологические свойства. Ведь где-то в пространстве записано время, а во времени хранится пространство, одно вытекает из другого и снова в него вливается. Как проникнуть в такую сингулярность, если неземные технические средства возносят к облакам, а сознание тормозит и приземляет. Расширить сознание, освободив от мусорного нагромождения, так как это сделать, если одно вытекает из другого".

Так Маша рассуждала по поводу сада.

Она расположилась в кресле под деревом, отец достал из сарая блок кресел трёхместных откидных, таких же, как в клубе, доставшийся им в наследство от колхозного красного уголка, привезённого на празднование по случаю ухода матери на пенсию. Он остался в вечное пользование потому, что не был вывезен вовремя, а потом и везти стало некуда, так как не стало

ни красного уголка, ни самого колхоза, в котором всю жизнь проработали родители.

Она откинулась назад, вытянула ноги и раскинула в стороны руки. Закрыв глаза, она просто хотела уединиться с природой, ни о чём не думать, вдыхать благодатный воздух. В таком положении она пробыла некоторое время, может минуту, а возможно и две, хорошее время не измеряется, нет, она не задремала, просто ушла в себя.

Сначала всё было как всегда, покой, расслабленность, пятна света сквозь закрытые веки, потом появилась мысль, сравнивающая ощущения: "Благодать, как в детстве, а почему как в детстве?"

И закрутилось. Серый плотный туман таял под ослепительным встречным потоком света, хотелось закрыть глаза, но они уже закрыты. Яркий свет манил и утаскивал за собой, полёт ускорился. Она уже мчалась между продолговатых огненно-белых искр, раздвигая их в стороны от себя, словно в трубе или в туннеле. Вдруг вспышка — закончился полёт, видимо она достигла окончания туннеля, свет отовсюду и ровный, нет ни лучей, ни искр, ни движения — светлое безмолвие.

Послышались звуки, похожие на хруст снега, сознание растерялось и потеряло контакт со светом. Оно искало его, но хруст снега мешал и отвлекал, тогда оно сконцентрировалось на звуке. И сразу же появилась картинка.

Девчонка лет десяти-одиннадцати идёт по заснеженной деревенской улице. Чёрные чёсанки, тонкие мягкие валенки, издают хруст, вдавливая ещё сильней в накатанную дорогу отслоённый сухой снег. Морозно, но ей жарко и хочется пить, она ещё не остыла от катания с горки. Санки еле слышно скользят за ней, кататься хорошо, а вот забираться на горку не очень, да если ещё и наперегонки. Вязаная шерстяная шапка с длиннющими ушами-завязками до пояса вся в застывших комочках снега. Куцее рыже-зеленоватое пальтишко тоже всё в снегу, и синие гамаши и голенища валенок и пуховые варежки, всё пропитано снегом и уже не отряхивается от него. По улице идёт снежная девчонка и очень хочет пить.

Она узнала себя. Да, это она — Машка Антонова.

Вот подходит она к колодцу, на цепи ведро. Она заглядывает в него, воды наполовину, по краям образовалась уже слабая корочка льда. Она наклоняет его и прикасается к краю губами, вдруг губы стали неподвижными, а вода ещё не дошла до края. Маша в недоумении отрывает губы и видит, как на внешнем краю ведра остались какие-то отпечатки, лишь потом чувствует огонь и боль на губах. Она сдёргивает варежку и прикасается к губам

рукой, нижняя жжёт и кровоточит. Она плачет, кровь бежит по пальцам и капает на снег. Откуда-то появился Белов Мишка с двумя пустыми ведрами. Поставив их у колодца, спросил:

— Что губами примёрзла? Эх ты, дурёха, это же физика. Снег приложи, кровь остановит.

— Я знала, но очень хотелось пить, потому забыла, — ответила ему Маша, сгребая голой рукой чистый снег для анестезии.

Про себя подумала: "Двоечник и второгодник, а туда же — физика".

Цепь загремела, ведро полетело вниз, подъёмная рукоятка быстро закрутилась, но вместо ожидаемого удара ведра о воду и всплеска, послышался сильный и глухой стук где-то сбоку от Марии.

Она дёрнулась, видение исчезло. Открыла глаза, большое яблоко белого налива упало на свободное кресло рядом и слегка разбилось. Это было первое крупное яблоко с этого дерева, плоды лишь только начинали вызревать.

Маша подняла его и, не удержавшись, надкусила. Мякоть была уже сладкой, но ещё сочной, самое то. Сок обмочил губы, а капля его скатилась на подбородок. Мария смахнула её пальцами свободной руки и недоверчиво осмотрела их, крови не было.

"Вот тебе и физика", — оценила она обманчивые ощущения.

"Так что же это было, память? или перемещение в прошлое?"

"Нужно перепросить Хрусталёва, как всё проходило у него. Господи, как всё это условно и тонко, где память? а где перемещение в прошлое?"

Она посидела немножко, словно собираясь с мыслями, дожевала яблоко и снова закрыла веки, стараясь сконцентрироваться.

— "Ты где?" — задала она вопрос и стала ждать ответа.

Знакомый скан пришёл не сразу, и не потому, что его генератор находился более чем за двести километров, расстояние не имеет значения, просто скорей всего был занят.

— "Я на работе".

— "Можешь общаться?"

— "Теперь, да".

— "Твои перемещения — это лишь твоя память или ещё что-то?"

— "Звуки — память; картинка, вид сверху — перемещения".

— "Так сложно?"

— "Мне так кажется".

— "Ладно, спасибо за помощь".

— "Пожалуйста".

И она продолжила уже беседу двух своих полушарий.

"Действительно, когда читаешь информационное поле, нет звуков, да и картинка иная, ракурс обзора другой, а тут всё как в кино. Возможно всё же это память, вероятно, сжата и заархивирована, только вид сверху и со стороны меня смущает. У кого же уточнить? Материнский корабль? Но туда без приглашения лучше не появляться. Так получить приглашение, но как? Это же не виза. А если связаться с ними? Как? Они не выходят на связь, им это не нужно.

Нужен опыт, как выходить на взаимодействие с объектом, с которым нет контакта. Черников. Можно попробовать с ним".

Она встала с кресла, и в этот момент в сад вошла мать со словами:

— Собираться то не пора, уже одиннадцать, пока перекусим, там уже и к автобусу идти.

— Мам, ты же говорила, что он где-то половина первого проходит мимо, — удивлёно отвечала дочь, — а сейчас только одиннадцать.

— Для нас, стариков, время быстро летит, вот и боимся опоздать, идём, за столом хоть ещё чуточку посидим, — и, сказав так, она развернулась и проследовала к калитке, что ведёт во двор.

Мария вздохнула, перечить матери больше не стала, оглядела сад прощальным взглядом и пошла за ней следом. Она пожалела, что сама дала указания Инне, готовиться к приёму клиентов на завтра, на вторник, теперь уже поздно всё переиначивать. Ей хотелось остаться ёще хотя бы на пару деньков, подышать этой благодатью, но дела, которые мы порой сами себе придумываем, торопили её вернуться в город, в "бетонные джунгли", как говорят здесь в деревне.

Глава 6

Виктор встал с постели ближе к двенадцати часам. Разбуженный утренним звонком от Марии, он поначалу никак не мог заснуть снова, а лишь провалился в легкую дрёму, которая постоянно прерывалась непонятно чем. То ему захотелось посмотреть который час; то, услышав голоса, почудилось, что это пришла в гости к его матери Наташка, жаловаться на него, и он лежал, прислушивался, пока не понял, что это всего-навсего соседка; то звонил телефон, и мать отвечала кому-то, что он ещё спит.

Включил телевизор как раз вовремя, чтобы посмотреть новости. Мать, Анастасия Петровна, согласно, непонятному Виктору, рабочему графику медсестры сегодня в будний день опять была дома и словно ждала сигнала, без стука открыла дверь в его комнату и вошла со словами:

— Ну, что, гуляка, выспался? Вставать то не пора?

— Сейчас новости посмотрю и пойду умываться, — ответил он ей, зевая.

— Во сколько же вы закончили? — спросила она, усаживаясь на стул, выдвинув его из-под стола.

— Да по-разному, я с Шабановыми в первом часу ушёл к нам на дачу, Димка там поспал немного, потом на такси отвёз его домой в город, Наташка вернулась к Копёнкиной, вот когда там закончили, уже не знаю, — с готовностью поделился он о событиях прошедшей ночи.

— Что же вы там пили-то, что отсыпаться по дачам пришлось? — удивилась она услышанному.

— Всё подряд, потому и развезло, — сын уклончиво охарактеризовал спиртные напитки на вечеринке.

— Прошло без происшествий? не хулиганили там? а то у нас, как в большой деревне, сейчас же всё всем известно станет, и пойдут пересуды, — подвела она разговор к главному.

— Нормально всё прошло, по крайней мере, при моём участии, — слегка смутился Виктор и тут же закрыл тему, — мам дай новости досмотреть, за завтраком поговорим.

— Ну, ладно, пойду разогревать, — и она с этими слова поднялась, задвинула стул на место и, шаркая тапочками, вышла из комнаты.

"Мать, как и Машку не проведёшь, — подумал он, осмысливая её вопросы, — вот всё чувствует, женская интуиция — чудовищная штука".

Он досмотрел новости, ничего нового в них не было,

выключил телевизор, затем открыл дверь на лоджию и отправился в ванную.

Квартира его родителей в относительно новом кирпичном пятиэтажном доме, хотя и была улучшенной планировки, ему не нравилась. Старая, трёхкомнатная в трёхэтажке куда уютней, возможно просто она была родовым гнездом, из которого он выпорхнул как птенец на волю. Пока учился, а затем пребывал в небытие, подросла сестрёнка Оля и, бразды правления в их семье оказались в её руках.

Она закончила биофак университета в соседнем областном центре, защитила кандидатскую и, чтобы поддержать родителей в трудное время — болезнь Виктора, вернулась в Возжаевск. С таким образованием Ольга легко устроилась на хорошо оплачиваемую работу, сначала провизором в местную сеть аптек, затем пошла на повышение, стала замом по снабжению, а затем вышла замуж и всё бросила, вместе с мужем открыли сначала одну свою аптеку в городе, а потом и вторую. Дальше им развиваться в самом Возжаевске было не перспективно, и они нашли новую свою нишу, реанимировали сельские аптеки и пункты в деревнях и сёлах района.

Бизнес приносил неплохой доход. Вот на эти самые деньги Ольга с мужем приобрели эту самую квартиру. Сделав евроремонт, но, не прожив в ней и года, они решили построить коттедж в черте города. Средств на строительство не хватало, и дочь предложила отцу и матери следующую комбинацию: они переселяются в эту квартиру, а она продаёт их старенькую и вкладывает деньги от продажи в строительство.

Возраст родителей подходил к пенсионному, Анастасия Петровна медсестрой зарабатывала немного, Василий Иванович, пока был начальником участка, получал неплохо, но потом его молодые задвинули, и уже инженером по технике безопасности зарплатой похвастаться не мог. Перспектив на новое жильё у них не было и, под напором Ольги они согласились на такой размен.

Естественно брата Виктора никто не спрашивал, потому квартира ему и не нравилась. Не нравилось ему и то, что родители постоянно заглядывали в рот дочери, хотя она жила от них отдельно. Постоянно говорили: нужно посоветоваться с Ольгой; спросить, как бы поступила она; а то ещё и хуже, как бы Оля не стала их ругать за тот или иной самостоятельный поступок.

Виктор и сам испытывал психологическое давление со стороны сестры, но пока он считался больным, то воспринимал такую назойливую опеку всего лишь как излишнюю заботу о себе. За последние месяцы, когда память восстановилась, а его

сознание медленно, но верно налаживало связь с окружающим миром, он на всё это стал посматривать с раздражением, хотя в глубине души где-то и побаивался младшую сестру и потому открыто не перечил ей.

Он догадывался и всё больше находил подтверждения, что финансовая сторона лечения в основном легла на плечи Марии, у родителей, известно, не было таких денег, чтобы содержать его в приличных клиниках и вывезти за границу, но у сестрёнки они были, а та не торопилась вкладывать в него. Более того, он был уверен, что вся комбинация с квартирами и коттеджем была затеяна лишь для того, чтобы спрятать деньги, после чего аргументировано можно было говорить, что средств на лечение нет, тем более за границей. Нет, конечно, она моталась с ним по больницам, привозила его домой на время, увозила обратно на обследования, но деньгами старалась участия не принимать.

Хотя зачем им нужен этот коттедж, ни детей, ни плетей, как говорят в народе, у них нет и нет пока даже в плане.

Вот, казалось бы, по таким простым причинам он не любил просторную с раздельными светлыми комнатами, с немаленькой лоджией и с хорошим ремонтом квартиру на втором этаже.

Почистив зубы и умывшись, бриться не стал, он через прихожую проследовал на кухню. Прежде чем усесться за стол Виктор подошёл к окну, которое выходило во двор, и посмотрел вниз.

— Вот сестрёнка зачем-то пожаловала, — прокомментировал он увиденное.

Внизу у подъезда припарковался новенький "форд фокус" со знакомыми номерами.

— Да, она звонила, про тебя спрашивала, — засуетилась мать, — хочет о чём-то с тобой поговорить.

— Мам выкладывай, что она там затеяла? — задал сын вопрос матери, устраиваясь за столом на завтрак.

— Вить, ей богу, не в курсе, — извинительным тоном оправдывалась Анастасия Петровна, — ты же сам знаешь, она у нас леди-вумен, и в свои планы нас не посвящает.

— Бизнес-вумен, — поправил сын мать, — ну, а в остальном ты конечно права.

— Ты кушай, кушай, — лепетала мать, — кофе с молоком будешь? или без?

— С молоком, — кратко ответил сын и принялся за сосиски с картофельным пюре.

Анастасия Петровна поставила перед ним бокал с кофе, пододвинула тарелку с бутербродами и, не дожидаясь звонка, пошла открывать дочери дверь.

Время было уже обеденное, и потому для Виктора был подан плотный завтрак, но его аппетит слегка притупился известием, над которым он теперь ломал голову, зачем приехала сестра. Уже жуя сосиску, он встал из-за стола и сходил в свою комнату за браслетом.

"Пригодиться, — подумал он, возвратившись обратно, — с бизнес-вумен нужно быть во всеоружии".

Наконец-то в прихожей послышались голоса и шелест пакетов. Мать всё что-то ахала и говорила, что и этого всего им не надо, а дочь что-то неразборчиво отвечала ей, но затем они примолкли, и тем самым вызвали подозрения у Виктора. Ему пришлось приложить некоторые усилия, чтобы их перешёптывание было доступно его уху.

А говорили они естественно о нём. Ольга всё выспрашивала у матери, когда он пришёл, когда встал, что рассказывал о вечеринке.

Успокоившись, он ослабил концентрацию и продолжил трапезу, матери всё равно ничего неизвестно, так что никаких его секретов она не выдаст.

Через минуту после окончания перешёптывания обе женщины показались на кухне. Мать в новых тапках, которые уже не шаркали, потому и вошла бесшумно, сразу остановилась у огромного холодильника, который стоял напротив двери, и стала раскладывать по полкам содержимое пакетов.

Дочь, молодая копия матери с незначительными поправками, красивая ухоженная женщина в дорогом летнем костюме василькового цвета, состоящего из обтягивающей юбки средней длины и лёгкого, с глубоким вырезом, так, чтобы показать небольшие фрагменты изящного нижнего белья, пиджака, натянуто улыбнулась брату и произнесла:

— Вить привет!

— Привет, — ответил он и встал для традиционного поцелуя.

Она немного замешкалась у входа, пристраивая на ручку кухонной двери дамскую сумочку.

Затем они чмокнули друг друга в щёчки и обменялись взглядами. Виктор выдвинул мягкий табурет из-под стола и жестом пригласил сесть. Стойкий запах духов с мягким, можно сказать, фруктовым ароматом волной захлестнул кухонное пространство.

— Чай? Кофе? — предложил брат и начал сканировать её мысли.

— Кофе, но чёрный, — ответила она, увидев на столе его бокал наполовину заполненный светло-коричневой жидкостью.

"Что там мать копается, обещала оставить нас наедине", —

тут же просочились её незащищённые мысли в эфир.

"Так, значит, будет пытать, если удаляет мать", — сделал вывод Виктор, занятый организацией кофе для сестрёнки.

Ольга тем временем, усаживаясь за столом, откинула правой рукой тёмные объёмные волосы, постриженные под каре с низкой чёлкой и общей длиной чуть ниже линии рта. Её лицо с широкими скулами и острым, в отличие от брата, подбородком, но с мягкими чертами как бы невзначай повернулось в сторону матери.

Анастасия Петровна, видимо помня уговор, заторопилась, а в мыслях дилемму уходить или продолжить возню с пакетами, решила просто: "Тут уже ничего скоропортящегося, потом разберу". Она, оставив пакеты у холодильника, вышла из кухни.

Виктор поставил перед сестрой чашку черного дымящегося кофе и положил рядом ложечку, уселся на своё место и принялся доедать ранее начатый бутерброд с маслом и сыром.

— Спасибо, — ответила сестрёнка и, взяв ложечку, потянулась за сахаром.

Мысли её постоянно вращались вокруг одной темы, как начать разговор: дипломатично мягко или уж сразу с места в карьер.

"Кормилец наш, наверное, и не догадывается, что о его похождениях уже полгорода знает", — выпустила она наружу скан и бросила взгляд в сторону Виктора.

Поймав ироничное "кормилец", он внутренне съёжился, такие обороты не сулили ничего хорошего.

— Ну, как прошёл вечер? — наконец определилась она с началом диалога.

— Да, ничего, нормально, — ответил он, допивая свой кофе с молоком.

— Я имела в виду ночь, — помешивала она уже сахар в чашке.

Стиль разговора по интонации уже начал смещаться ко второму варианту.

— И ночь также, — спокойно ответил Виктор и поставил пустой бокал на стол.

— Ты считаешь это нормально? — продолжила Ольга и сделала небольшой пробный глоток кофе.

— Ты сейчас о чём говоришь? — переспросил закончивший трапезу брат и, облокотившись на стол обеими руками, подпёр кистями рук, сжатыми в кулаки, подбородок, демонстрируя всем своим видом спокойствие и беспечность.

"Однако держится он молодцом!" — сразу же поймал он её мысль.

— О твоих похождениях: не гадь, где живёшь, — слегка взорвалась Ольга, стараясь завести и его.

— Поясни, — опять спокойно, не отвечая на провокационный тон, продолжал он.

— Что тут пояснять, зачем переспал с Наташкой? — выпалила она, сверля его взглядом.

"Баран, оттрахал замужнюю женщину и считает, что ничего не произошло", — продлила обличительную тираду, но уже мысленно.

— Тебе что Наташка доложилась? откуда такие сведения? — отбивался Виктор с прежним спокойствием, но в голосе прорезались уже и нотки волнения.

— От верблюда! Наш городок — что большая деревня, на одном конце пукнул, а на другом уже нос зажимают, — прозвучавшая фраза была в несвойственной Ольге манере выражаться, потому и выглядела вычурно просторечным, и несколько резала слух.

"Сказать ему про соседей по даче или нет? — пронеслась тут же мысль, — ни свет, ни заря появились в аптеке и сразу же о нём, забыли даже за которыми лекарствами заходили".

— Ну, всё же? — продолжал он формально упорствовать, хотя уже понял, какая оплошность привела к огласке, единственное, что было непонятным, с какой стати он должен оправдываться.

— Ночи-то лунные, бывает светло, как днём, а Наташенька принимает водные процедура голенькая на просторе и тебя не стесняется, — выложила она факты компромата.

— Понятно, соседи в щели заборные подсматривают, — раздражённо отозвался он о соседях, косвенно признав тем самым, что это не слухи.

— Бог с ними с соседями, теперь дело не в них, а в тебе, — удовлетворённая достижением промежуточного результата, продолжала атаковать брата сестра.

— А мне-то что? Мы уже взрослые люди, нам уже за тридцать, мы имеем право, сами делать ошибки, и сами за них отвечать.

— Тебе-то, "взрослому люду", действительно ничего, а нам с родителями здесь жить, только про твою болезнь перестали нас трепать: родители шизофреника; сестра наркомана, а теперь ты другой повод разговорам предоставил, теперь мы будем семьёй, погрязшей в блуде или что-то в этом роде.

Она встала, подошла к своей сумочке и достала пачку сигарет и зажигалку.

"Юрка в депутаты собрался, а тут такой ляп", — продолжая размышлять, щёлкнула зажигалкой, прикурила, а зажигалку с

пачкой снова спрятала в сумочку.

В доме не курили, потому и не любили свободно лежащих предметов, связанных с этим процессом.

"Вот оно что, в политику захотелось", — сделал поспешный вывод Виктор.

Он встал и достал из навесного шкафа хрустальную пепельницу, поставил её на стол рядом с чашкой сестры.

— Так, что Витёк, давай ноги в руки, дуй отсюда и сиди под крылышком Машки, пока тут всё не забудется, а надумаешь приезжать, спросишь моего совета, и только вдвоём с Машей, чтобы все видели, что у тебя есть жена, что ты семейный человек.

Она уселась на своё место и, выпустив струйку дыма, обновила пепельницу, изящно стряхнув туда первый пепел.

— А если я откажусь?

— А если откажешься, то дело будешь иметь с родителями, а ты знаешь, какие у них нравы и взгляды на такие вещи, особенно у отца.

Виктор сразу представил, что может сказать отец, а он может сказать: " Пошёл вон, и знать тебя не хочу!"

Он заёрзал на табуретке и сдался:

— А как я объясню вечером родителям повод такого скоротечного отъезда?

— Вечером? Сейчас же, немедленно на автовокзал и в путь, пока ещё автобусы ходят, и пока слух до Димки Шабанова не дошёл, вот тогда на тормозах уже ничего не спустишь.

Повисла пауза, которую нарушила снова Ольга:

— Родителей беру на себя и сделаю тебе маленькую поблажку, отвезу на вокзал и дам денег на дорогу.

Снова пауза, но уже её мысли он не читает не до этого, у него горит лицо, он вышел из себя и потерял концентрацию. "Вот стерва, стерва, всё уже по полочкам разложила!"

— Я одного не пойму, чего тебе-то не хватает, мужа в депутаты засовываешь? — позабыв об осторожности, озвучил он подслушанную информацию.

Но Ольга не удивилась, посчитав, что возможно мать случайно раскрыла их планы. Она сделала глубокую затяжку и, выпустив струйку дыма в противоположную от своего визави сторону, по-деловому пояснила:

— Мне не хватает стабильности, у бизнеса должна быть своя крыша, нам надоело кормить огромную ораву городских чиновников, коттедж никак не можем достроить, средства уходят на сторону.

Она сделала очередную затяжку и, выкурив лишь полсигареты, стала тушить огонёк о дно пепельницы со словами:

— Ну что, зовём мать?

— Зови, — уже обречённо ответил брат.

— Мам! — протяжно и громко позвала Ольга, — Ты где там? Иди к нам, у нас есть новости.

Но мать не откликнулась, возможно, была в дальней комнате или на лоджии. Тогда сестра встала, одёрнула пиджак и повела руками по бёдрам, словно приглаживая юбку, выглядело это сексуально и эффектно, и пошла за матерью.

"Говорю же стерва, красуется теперь".

У самой двери остановилась, повернулась и попросила Виктора:

— Вить, ты пепельницу убери и окошко шире открой, не любят родители табачный дым.

Он безропотно выполнил просьбу сестры и стал ждать.

Она вернулась не так быстро, но с матерью.

У матери глаза погрустнели, доченька успела и с ней поработать.

— Витенька, это правда? — обратилась она к нему.

— Что мам? — уточнил он на всякий случай, чтобы не попасть впросак, ведь неизвестно чего наговорила матери Ольга.

— Что ты уезжаешь?

— Да мама, так складываются обстоятельства, дела, — неопределённо мотивировал он свой отъезд.

— Какие же у тебя дела? Отдыхал бы.

В этот самый момент в разговор вступила Ольга и, помогая братцу, пояснила ситуацию про дела:

— Отдохнул он уже и за границей хорошо, неучем, без образования негоже оставаться. Пусть едет, в университет сходит, узнает, как быть с дипломом, возможно, справка от лечащего врача понадобится о здоровье, работу подыщет, вообще хлопот невпроворот.

— Так как же и с отцом не обсудили, — искала мать предлог уговорить сына остаться.

— Вот сейчас заедем к нему на работу, обсудим и попрощаемся заодно, — не выпускала инициативу из своих рук Ольга, — иди, собирайся, автобусы не весь день отправляются, можно и опоздать.

— Да как же он там один будет, Маша-то ещё в деревне, — продолжала ахать мать.

— Насколько мне известно, Маша сегодня уже будет на месте, — говорила за брата сестра, а чтобы быть убедительней, обратилась к нему, — ведь так?

— Да, сегодня вечером, — подтвердил он и пошёл в комнату с намерением собирать вещи.

"Хотя, что мне собирать-то, ничего и не раскладывал".

— В дорожку бутербродов нужно наделать, — засуетилась мать.

— Мать он только покушал, до вечера не проголодается, а захочет перекусить, купит что-нибудь на вокзале, — остудила её пыл дочь.

Сборы длились недолго. Виктор вышел из комнаты одетый в джинсы и светлую сорочку с длинными рукавами, манжеты были расстегнуты и завёрнуты на один оборот вверх. Из больших накладных карманов рубашки торчали: из одного паспорт без обложки; из другого чёрный бумажник. На поясе, поверх брючного ремня, футляр для сотового телефона. В правой руке он держал большую спортивную сумку синего цвета, наплечный ремень которой лежал поверх закрытого замка.

— Я готов, — коротко произнёс он.

Ольга придирчиво осмотрела брата с ног до головы и замечаний не сделала, лишь сказала:

— Ну, что же, присядем на дорожку.

И они по русской традиции присели. Анастасия Петровна вынесла табуреты для себя и дочери, Виктор сел на тубу в прихожей. Встали, расцеловались с матерью, та всплакнула немножко, провожая со словами сына:

— Как приедешь, позвони!

Они опоздали на предпоследний автобус, а последний отправлялся лишь через пятьдесят минут. Ольга купила ему билет, дала денег и на дорогу и на прожитьё почти на целый месяц. Расцеловавшись на прощанье, потрепала его ласково по загривку и отправилась по своим делам.

На улице припекало, пышущий зноем асфальт раскалился и в некоторых местах слегка поплыл. Прячась от жары, Виктор зашёл в зал ожидания. Там было душно. Ожидающих посадки было немного, сказывалось то, что будний день и уже вторая половина дня. Он потолкался у журнальных развалов, купил прессу в дорогу, посмотрел сувениры и затем оказался у дверей маленького кафе, отгороженного от общего зала пластиком и стеклопакетами.

Виктор проскользнул внутрь, там было прохладно, работал кондиционер и телевизор, висевший почти у самого потолка, да так, что смотреть его было неудобно. Он подошёл к стойке, за которой скучала молоденькая продавщица. Она сидела боком к маленькому залу и слушала музыкальный клип по каналу MTV, на который был настроен телевизор.

Виктор попросил холодной минералки.

— Только охлаждённая, не успевает остывать, — пояснила

она, протягивая литровую бутылку воды. Он расплатился и, взяв пластиковый стакан, встал за свободный столик. Кроме него и продавщицы в кафе за вторым столиком стояла слегка помятая девица с таким же парнем. Они попивали пивко прямо из горлышек стеклянных бутылок и о чём-то тихонько говорили.

Виктор налил минералки в стакан и залпом выпил содержимое, не ощутив при этом ни прохлады, ни утоления жажды. Он хотел налить второй стакан, но затем передумал и, подняв глаза к потолку, посмотрел на экран телевизора. С этого места ещё как-то можно было наблюдать, что там происходит на экране.

Он мысленно переключил настройку канала, экран обновился, побежали другие картинки, вместо музыки послышалась речь комментатора за кадром.

Продавщица встрепенулась, наклонилась под стойку и достала пульт управления. Она направила его в сторону телевизора и вернула на экран музыку. Как только она опустила руку, Виктор возвратил свой канал.

— Чёрт, — выругалась обладательница пульта, — от жары телик сломался что ли?

Она снова переключила на MTV, но телевизор самостоятельно вернулся на предыдущий канал. Тогда рассердившись, она нажала красную кнопку, экран погас, а пульт небрежно бросила в нишу стойки.

Виктор снова включил телевизор.

— Не, ну вы, видели, — удивлённо воскликнула она, обращаясь не то к нему, не то к парочке молодых людей, — а хозяин скажет, что это я его сломала!

Она не стала больше экспериментировать с пультом, а достала из кармана сотовый и набрала номер.

"Нужно Машке позвонить, обрадовать, что возвращаюсь", — подумал Черников и извлёк из футляра мобильник.

Тем временем продавщица уже кому-то жаловалась на телевизор по телефону и просила прийти разобраться. Виктор решил выйти в зал ожидания, там было больше народу и не так тихо, потому вслушиваться в его телефонный разговор в общем гомоне, наверняка, никто не станет. При выходе из кафе он выключил телевизор, через стекло наблюдал, как засмеялась парочка за столом над произнесённой фразой буфетчицы.

Маша была в дороге, она уже два часа двигалась к месту их встречи.

— Почему поменялись планы? — спросила она радостным голосом.

— Скучно здесь, все пилят, учат, — как бы нехотя пояснял он.

— А, ну да, ты этого не любишь, — согласилась она с ним.

— Я вот тут на вокзале подумал, а зачем ты со мной всё хочешь заняться телепатией? — перевёл он разговор на другую тему.

— Ой — это непросто по телефону объяснить, — ответила она, — но я попробую, мы обмениваемся телепатически речевыми мыслями без их озвучивания, а мне хочется развить общение мыслеформами, но для этого нужен партнёр.

— Так поработай с Хрусталёвым, — удивился простоте решения вопроса Виктор.

— Вить, но в мыслеформах присутствуют чувства, а как я буду делиться любовью и интимным с Хрусталёвым? — ответила она вопросом.

— Понятно, — протянул фразу Черников.

А затем тут же и добавил:

— Так, может, сразу сейчас и начнём?

— Что ж, можно и попробовать, только сначала на простых мыслях, — согласилась она.

— Давай, я, отключаясь, подключаюсь, — и он нажал красную кнопку на телефоне.

Виктор спрятал телефон в футляр на поясе, сделав несколько шагов к свободному креслу, уселся в него. Старался вспомнить, как это происходило раньше, но потом почувствовал легкое вторжение и не стал тому сопротивляться.

"Вот мы снова вместе, пока только в мыслях", — доставила до него свой скан Мария.

"Рад", — искренне мыслил он.

"Как ощущения?"

"Нормально, как и раньше".

"Это, хорошо, значит, нет никаких препятствий".

"Значит, нет", — эхом ответил его мозг.

Они общались недолго, так как объявили посадку на его автобус, но этого было достаточно, чтобы почувствовать, что канал между ними восстановлен.

Глава 7

Измученные дневными поездками в автобусах по изнывающей июльской жаре, они с разницей в час встретились на квартире Марии, в их повторно-создаваемом семейном доме.

Почему повторно? Потому, что ещё в студенческие годы, точнее сказать в период последнего выпускного курса, когда они приняли решение набраться опыта совместного проживания и подыскивали для таких целей недорогое, но отдельное жильё, тогда-то и остановили свой выбор именно на этой двухкомнатной квартире в новом микрорайоне.

Неразвитая инфраструктура новостройки, и частые перебои с коммунальными услугами, существенно понижали арендную плату, что было на руку молодым и студенческим семьям. В центре города на такие средства в лучшем случае можно было снять только комнату как отдельное жильё.

А здесь, десять — пятнадцать минут, и ты в центре, если, конечно, транспорт не подведёт. Но когда это было? Сейчас всё изменилось в лучшую сторону. Район обжился, и его уже называют спальным. Не стало проблем с транспортом, полностью наладилось снабжение.

У Марии остались приятные воспоминания о недолгом обитании здесь и потому, когда через несколько лет ей случайно на глаза попалось объявление о продаже, и у неё имелись свободные средства, то она с радостью приобрела квартиру по знакомому адресу.

Она стала жить в ней, ну если точней, ночевать, так как всё остальное время проводила в квартире-офисе на набережной. У неё улучшился сон, соответственно отдых и работоспособность, так как на приём в ту квартиру приходили различные клиенты и приносили с собой тяжёлую энергетику, с которой приходилось бороться.

Приехав первой, она приняла душ, включила кондиционер, протёрла полы, освободила мебель от пыли, пропылесосила, приготовила ужин, благо сейчас полно полуфабрикатов. Затем, ожидая Виктора, созвонилась с Инной, узнала о клиентах, с которыми запланированы встречи на завтра. Заострила внимание на Ухваткине, так как он обращался к её услугам вторично.

Она вспомнила, что с Ухваткиным пересекался Хрусталёв, телепатически связалась Андреем Викторовичем, получила дополнительную информацию о взрыве, пожалела, что они не могут общаться мыслеобразами, а так получила бы и картинку самого взрыва, считанной Хрусталёвым на месте происшествия.

Виктор появился в не лучшем расположении духа, выглядел усталым и несколько раздражённым, со следами пота на сорочке под мышками, на спине и вокруг воротничка. Коротко-стриженные тёмные волосы в некоторых местах слиплись и торчали как перышки у воробья после трёпки.

Мысли его были тяжелы и агрессивны, атаковали всех без разбору, как шмели на лугу стадо коров, с одной лишь особенностью, не делая различия между явлениями, предметами и людьми. Он прилеплял неприятные, а иным и неприличные ярлыки, ругая жару, автобус, горожан, в этом ряду досталось и Маше: "Сейчас как мать, будет приставать со своими тупыми вопросами, что и как!" Но больше всех и сильнее всех, он проклинал каких-то, непонятных Маше, соседей, заглядывающих не туда, куда надо: "Им пора уже в потусторонний мир заглядывать, а они всё по щелям и замочным скважинам, уроды!"

На вопросы отвечал односложно, быстро скинул липкую одежду и пошёл освежиться душем.

После душа он немного отошёл и слегка размяк. Ленивые мысли обрывались в своём зачатке и не хотели покидать голову. Он устроился в кресле напротив телевизора. Маша подошла к нему и массажной щёткой стала укладывать его короткую чёлку на правый бок. Реакция его была благосклонной, она знала его привычки.

За ужином они немного поговорили о его планах на завтра, о походе в университет и о возможном трудоустройстве. Мария предложила ему посетить офис и побеседовать с Хрусталёвым о перспективах сотрудничества. Он ответил, что подумает и, возможно, заглянет к ней завтра.

Целый вечер он молчал, смотрел телевизор, и не было явных признаков, что соскучился.

Мысли были простыми, но сдавленными. Мария относила это к его закрытости и, естественно, усталости и опустошённости.

"Были бы дети — они бы не дали ему так скучать", — подумала она.

"Да, и он бы снова раздражался", — сделала она тут же парадоксальный вывод.

Рабочая неделя, начатая со вторника, сразу показала свою продуктивность и размеренный ритм. Марья Анатольевна провела короткую встречу, называемую пятиминуткой, с Инной и Хрусталёвым, обсудили рабочие планы на день и на неделю в целом. Она попросила Андрея Викторовича прибыть повторно в офис к одиннадцати, чтобы познакомиться с Черниковым и рассказать ему о характере своей работы и по возможности

заинтересовать, а так же, хотя и незримо, но присутствовать на её встрече с Ухваткиным.

Мария не вела приёма в вечерние часы, как поступали многие гадалки, а обходилась только дневным временем. Рабочий день начинался с восьми утра, но сам приём с девяти тридцати и заканчивался в шесть, клиенты были по времени распланированы так, чтобы у них не было возможности встречаться между собой.

Вот и сегодня первую женщину она отпустила уже в половине одиннадцатого, а до появления Ухваткина ещё было целых полтора часа. Они с Инной устроились на кухне попить кофейку и просто поболтать.

Только расположились за столом, как мелодично просигналил домофон, Инна пошла открывать. На вопрос кто там, ответили:

— Гад — муж гадалки.

Она нажала кнопку открытия подъездной двери и вернулась доложить Марии Анатольевне.

— Там пришёл какой-то гад, — повторила Инна услышанное, улыбаясь.

— Кто? — удивилась Мария.

— Гад, — повторила она и пояснила, — он так представился, гад — муж гадалки.

— Ну, что ж, пойдём встречать аспида, — произнесла Мария, вставая и тоже улыбаясь.

На ходу она для Инны прокомментировала:

— Это мы так шутим, значит, настроение хорошее, сейчас я вас познакомлю.

Они приоткрыли входную квартирную дверь и остались здесь же в прихожей. Мария посмотрелась в зеркало, а Инна подтянула резинку сзади на хвостике волос и поправила пояс летних холщёвых брюк, так, на всякий случай.

Черников появился бесшумно, наверное, с надеждой застать их врасплох, но врасплох попал он сам, когда, толкнув дверь, увидел двух улыбающихся женщин почти у самого порога, терпеливо ожидающих его прихода.

Он немного растерялся и потому поздоровался обычно, как все посетители, без шутейного пафоса. Они также просто ответили на приветствие. Мария, пригласив его войти, тут же представила ему Инну.

Он осмотрел её пристально сальным взглядом, и Инна внутренне сжалась, почувствовав во всём этом что-то неприятное, будто её публично раздели. Она немножко покраснела и стала инстинктивно одёргивать складки на светлой полупрозрачной блузке.

Мария сразу же поняла, в чём дело: "Господи, да он её раздел до нага, вот ещё проблема!"

Она взглянула на Инну, по возможности, глазами мужчины и увидела стройную высокую девушку, не такую уж красавицу, но и не дурнушку, с хорошим размером груди, узкими бёдрами и смущением на светлом ещё детском личике, с почти неприметными веснушками на скулах под глазами.

"Девочка, беззащитная девочка, стеснительная под напором нахалов".

Чтобы разрядить обстановку, Маша взяла за руку Виктора и повела за собой на кухню со словами:

— Идём, выпьешь с нами кофе, мы как раз только собирались, ну и заодно поделишься своими успехами.

Он руку не выдёргивал, не сопротивлялся и следовал за ней, лишь возразил по поводу напитка:

— Уж лучше холодной минералки.

Мария усадила Виктора на своё место за столом спиной к двери, сама села напротив, тем самым оставив Инне её прежнее место.

Инна достала из холодильника бутылку минералки и, налив две трети стакана, поставила его перед Виктором. Он поблагодарил её, и их взгляды встретились. Инне снова стало не по себе, теперь было ощущение чего-то противного, проникшего уже внутрь и даже в её голову.

"Какой неприятный у него взгляд", — не удержалась она от комментариев в своих мыслях.

— Марья Анатольевна, я лучше пойду в свою комнату, кофе там допью, — проговорила она, и, взяв чашку, удалилась к себе.

— Что сказали в университете? — спросила Мария Виктора, попивая кофе, когда они остались одни.

— Сказали нести справку о состоянии здоровья, писать заявление, и лишь потом ректор рассмотрит моё дело, — ответил он, потягивая мелкими глотками холодную воду.

— Ты, поаккуратней с минералкой, — предупредила она его, — разгорячённый, так можно и горло застудить, у нас прохладно, посиди, остынь.

Во всей квартире действительно было свежо, как раним утром у речки, сплит-система справлялась со своей работой хорошо.

— Я думаю, что с университетом всё наладится, — рассуждала гадалка, — теперь с работой, сейчас должен подойти Хрусталёв, ты уж, пожалуйста, побеседуй с ним серьёзно без всяких своих штучек, возможно, будете с ним партнёрами, прояви такт и уважение.

— Посмотрим на его поведение, как он ко мне, так и я к

нему, — улыбаясь и глядя прямо в глаза, играл словами Виктор.

— У тебя здесь почти как дома, также уютно, — произнёс он, осматривая офисную кухню.

— Ещё бы, большую часть жизни человек проводит на работе, — пояснила она, оживившись похвалой Виктора, и тут же предложила, — пошли, я тебе все мои дневные апартаменты покажу.

Они покинули кухню и стали блуждать по квартире. Осматривая комнату за комнатой, Виктор молчал и слушал комментарии экскурсовода. Мария, окрылённая стартовым одобрением любимого, наоборот была слишком разговорчива и не умолкала ни на минуту. Так они оказались на балконе, и тут Черников не выдержал, увидев какой живописный вид открывается с этого места на Волгу и набережную:

— Чудесная квартира и район классный, может, мы станем жить здесь, а работать там, где живём сейчас?

— Вить, ну ты эту красоту будешь видеть только ночью, да и шумно здесь бывает иногда, и потом будет очень сложно перенести бизнес на новое место, — возразила ему Маша.

— А что сложного? — удивлённо переспросил он.

— Ну, как что сложного? — повторила она его вопрос вслух для того, чтобы сосредоточиться и дать более детальный и конкретный ответ.

— Во-первых, теряем часть клиентов, соответственно и доходы уменьшаются; во-вторых, увеличивается расходная составляющая на рекламу, она станет интенсивней, и тогда на нас обратят внимание не только нуждающиеся в такой услуге, но не желательные элементы; в-третьих, как там встретят нас соседи, сможем мы их прикормить и приучить к такому соседству?; в-четвёртых, как ты заметил, одна из комнат — это жильё для Инны, а в той квартире только две комнаты.

— А зачем нам Инна? — последовал простой ироничный вопрос.

— Без секретаря нельзя, такой стиль работы, тем более Инна племянница, и потом она заканчивает юридический, а наши законодатели ведут разговоры о лицензировании этого вида деятельности и нам, возможно, придётся работать по договорам, — разложила всё по полочкам Мария.

— А, может сменить вид деятельности, при наших-то способностях, или квартирку рядом прикупить? — продолжая играть в вопросы, Черников притянул к себе за талию Машу, пытаясь вставить своё колено ей между ног.

— Новый вид деятельности обсудишь с Андреем Викторовичем, кстати, по-моему, он уже здесь, а на вторую

квартиру нет средств, их ещё нужно заработать, ну а такими вещами лучше заниматься в домашней обстановке, а не в офисе при сотрудниках, — произнесла она, вырываясь из его объятий.

Они покинули балкон, закрыли и зашторили дверь, чтобы уличная жара не проникала в гостевую комнату. В кресле у входной двери в комнату их возвращенья уже дожидался Хрусталёв. Он встал, освободил руку от журнала для знакомства и приветствия, возвратив тот на столик между креслами. Сделав шаг вперёд, Андрей Викторович остановился, стал ждать, когда они подойдут ближе на расстояние вытянутой руки, и Мария Анатольевна представит их друг другу.

Первой двигалась Маша. Она подошла к Хрусталёву и, сделав шаг в сторону ниши с телевизором, остановилась, предоставив место напротив Андрея Викторовича Черникову. Её силуэт, в тонком обтягивающем платье, с длинами полами почти до щиколоток ног, отразился изящно-изогнутой линией спины, талии и ягодиц на стекле тёмного экрана телевизора.

Хрусталёв первым протянул правую руку со словами:

— Много наслышан о вас, рад очной встречи!

Они пожали друг другу руки, а Виктор буркнул в ответ:

— Взаимно.

В момент двух-трёх секундной паузы они осмотрели друг друга. Черников сверху вниз, так как был на полголовы выше, а Андрей Викторович снизу вверх.

Виктор предстал перед Хрусталёвым молодым симпатичным брюнетом в светлых летних брюках, сандалиях на босу ногу, сильным торсом под свободной тенниской и обнажённым свежим загаром в районе шеи и рук от предплечья и до кистей. Вообще, выглядел, по мнению Марии, её супруг стильно.

Андрей Викторович, как всегда, моложав и слегка неуклюж в одежде. Карманы джинс оттопыривались из-за ключей, а рубашки из-за бумажника с правами. Всё это могло бы поместиться в борсетке или наплечной сумочке, которые сейчас носят не только мужчины, но и некоторые девушки.

Однако борсетки, по его словам, он терпеть не мог, а к таким новомодным предметам, как навесные сумочки для ключей и бумажника, пока ещё не присмотрелся. Скорей всего будет так же как с борсетками, сумочки выйдут из модного обихода, на замену им придёт что-то новенькое, и лишь только тогда он даст им оценку. Единственный аксессуар, находящийся в его пользовании — чехол для телефона, пристёгнутый на ремень как кобура для пистолета, и то лишь потому, что это подарок дочерей на день рождения в комплекте с сотовым телефоном.

Летний период, по его же выражению, он любил,

существенным недостатком считал то, что после глубоких карманов осенне-зимних курток автомобилисту некуда было девать многочисленные и нужные предметы.

Короткую паузу нарушила Мария. Она предложила им присесть:

— Устраивайтесь, как вам удобно, можно на диван или в кресла, поговорите, мешать вам никто не будет. Я с Инной займусь подготовкой встречи с Ухваткиным, возможно понадобится и ваше незримое участие, там видно будет. Оставляю вас, пока.

Она вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

— Давайте присядем в кресла, — предложил Хрусталёв и, повернувшись в ту сторону, где те стояли, сделал отмашку рукой, словно показывая и приглашая одновременно, затем опомнившись, деликатно переспросил, — вы не возражаете?

— Не возражаю, — кратко ответил Черников и сделал энергичное движение в направлении кресла, стоящего в углу, с явным намерением занять именно его.

Рассевшись, они повернулись в пол-оборота в направлении друг друга, всем своим видом демонстрируя готовность к диалогу. Журнальный столик между ними определил оптимальную дистанцию для беседы, когда не так близко, чтобы чувствовать дыхание визави, но и не так далеко, когда располагаются люди, ненавидящие и не желающие видеть вблизи друг друга.

— Смею предположить, что по рассказам Марии Анатольевны, вы, наверное, уже имеете какое-то представление о том, чем занимаюсь я в сфере защиты экономических интересов банка, поэтому сейчас вкратце изложу своё виденье, а затем отвечу на ваши вопросы, если таковые возникнут, — такими словами начал свою речь Хрусталёв.

Черников кивнул и приготовился внимательно слушать или сделал вид, что он готов всё это терпеливо воспринять. Это ему удалось, хотя думал он совершенно о другом, и вопрос у него был уже наготове, нужно только дождаться, когда запас говорливости собеседника иссякнет.

Мысли друг друга они не читали, так как оба предполагали, что при первой встрече это не целесообразно и может помешать налаживанию приятельских отношений, к которым их одинаково подталкивала Мария. Виктор уже заочно испытывал антипатию к Хрусталёву, и теперь это чувство в нём не слабело, а наоборот укреплялось. Андрей Викторович был нейтрален к своему собеседнику, но отношение к себе он уловил интуитивно правильно.

Через пять минут они уже поняли, что вместе работать и сотрудничать не будут никогда и не при каких обстоятельствах. Если бы у них до этой жизни имелась другая жизнь, то в той жизни они точно конфликтовали между собой, если и не хуже того, скорей всего были врагами. У них отчётливо проявлялись совершенно разные взгляды на жизнь и на место человека в эволюции.

Хрусталёв догадывался, о чём спросит его Черников, и облегчённо вздохнул, когда закончив говорить, услышал то, что ожидал.

— Вам не кажется, что при наших способностях мы можем намного проще и больше добывать денег?

— Нет, не кажется, лично мне не позволит совесть заниматься обманом и воровством, а иных способов стать богаче с меньшими усилиями я просто не знаю, — ответил он уже заготовленной тирадой.

Но Черникова ответ не смутил, он предполагал, что тот будет таким, ну почти таким, поэтому продолжил развивать свою мысль без всякой надежды убедить собеседника, а лишь для того чтобы высказаться.

— В бизнесе много путей и вариантов, но бизнес сам по себе, по своей природе уже не может быть честным. Невозможно делать деньги, не обманывая других: конкурентов, власть, потребителей и даже партнёров. Бизнес строится не по божьим законам и не по Христианским заповедям потому, что его главная цель сделать бизнесмена богатым, а богатым человек может быть только в сравнении, когда есть бедные. Так что ваша с Машей пуританская мораль ни к чему, нового в этом ничего нет, вы, как собаки на сене, ни себе ни людям.

— С характеристикой бизнеса соглашусь с единственной поправкой, что много зависит от человека, занимающегося таким делом, от его воспитания. Вот, к примеру, если сравнить воспитание в деревне и городское. Деревенское воспитание построено на постоянном тренинге и обращении к совести человека, там все друг друга знают и дорожат отношениями между собой. В городе всё зиждется на образованности и интеллигентности, воспитывается культура поведения человека. Потому культурный бизнесмен будет выглядеть не натурально, это фарисей, а вот совестливый более гармоничен. В нём заложена практичность, и в то же время в его сознании существуют границы, рубежи, которые он старается не переходить.

— Да вы просто философ-демагог, ведь то, чем занимаетесь вы, называется воровством чужих мыслей, — втиснул колкую

фразу Виктор в монолог Хрусталёва, сопроводив её не совсем приветливой улыбкой.

— Мысль материальна, но об этом не все знают или просто не верят в такое, потому и позволяют себе дурное мышление в надежде, что их замыслы не станут общим достоянием. Двойной стандарт — глобальная проблема человечества, — продолжал Андрей Викторович по инерции, понимая, что наметившийся спор не выявит победителей.

Обе спорящие стороны не слышали друг друга. Они и не хотели слушать, ведь каждый уже давно для себя решил, как он собирается жить и что делать дальше, и если не живёт ещё так, как решил, то только временно и мешают этому лишь внешние факторы, да такие вот субъекты, которые сидят напротив их.

Хрусталёв уже начал мысленно обыгрывать лёгкий план, как мирно прекратить дискуссию и при этом остаться при своих интересах. Он не уверен, сработал ли его план или нет, но в процессе мышления был выпушен скан, который наверняка уловила Мария, так как она вторглась в их ментальную область и попросила присутствовать уже при её беседе. Почему их? Потому что Черников поднял правую руку с указательным пальцем, сигнализируя этим самым, как регулировщик на перекрёстке: "Внимание!"

Большая комната, в которой гадалка принимала клиентов, находилась за стеной, и Хрусталёву не составило труда, развернувшись в пол-оборота в том направлении, создать концентрацию для того, чтобы стена стала прозрачной и пропускала достаточно звуков. Всё выглядело как в детективном фильме, только он наблюдает не за ходом допроса, а за общением гадалки со своим клиентом, и не через стекло, а прямо через капитальную стену, сходство лишь в том, что тот, за кем наблюдают, также не знает об этом.

Лицо Черникова было напряжено и направлено в ту же сторону, что свидетельствовало о параллельности их наблюдений.

Ухваткин появился несколько минут назад и сразу же ударил с места в карьер, желая получить всё и сразу. Такой настрой у него сохранился ещё со вчерашнего вечера. Здоровье его семимильными шагами шло на поправку, но всего лишь в физиологическом плане, а вот в плане психологическом прогресс был очень не существенный, да его не было бы совсем, не появись идея с гадалкой.

"Она, только она сможет помочь", — размышлял он весь вечер накануне после звонка следователю. В приватной беседе с

органами дознания он получил информацию, что следствие зашло в тупик. Прокуратура опросила всё его окружение, но результата это не дало. Да, он понимал, что мотив находится где-то там, в области компромата, но не мог же он сам на себя выложить негатив, и ещё больше увеличить круг подозреваемых людей, желающих покончить с ним.

— Вы успокойтесь, — говорил ему следователь, — расследования такого типа имеют длительный период, и если происходит раскрытия таких дел, то совершенно неожиданным способом, можно сказать, случайно, но такие случайности происходят регулярно, правда периодичность их цикла очень длительна. Нужно ждать и иметь терпение, сходите к психологу, я думаю, он поможет вам.

"К психологу!" — вспоминал он уже утром телефонный разговор, — а что скажет психолог? Думайте только о хорошем, доверьтесь следствию, отвлекитесь, съездите на курорт, можно на море. Ага! Чтобы там где-нибудь на море меня и притопили. Все проблемы решатся разом".

Так или почти так он размышлял всё утро, пока брился, умывался, завтракал, принимал пилюли, смотрел новости. Он моделировал разговор с гадалкой, что он ей скажет, какие слова и в какой последовательности.

"Главное темп и инициатива", — выбрал он себе тактику на предстоящий визит.

Он тщательно подбирал гардероб, перемерил несколько сорочек и галстуков, но потом решил, что для жаркого июля это не приемлемо, и остановил свой выбор на белой сорочке с короткими рукавами и воротничком в стоечку, что уже исключало галстук, легком летнем костюме бежевого цвета и светлых туфлях, с носами в мелкую дырочку.

Проверил содержимое бумажника, наметил, чем расплатится, скорей всего это будет купюра номиналом в пятьсот евро.

"Там посмотрим по обстановке", — размышлял он, раскладывая по отдельным секциям купюры евро, долларов и рублей.

Ёще раз просмотрел фотографии своего джипа, прежде чем спрятать их в пакете, а пакет в кармане. Бросив взгляд на часы, было уже около одиннадцати, он театрально произнёс: "Ну, с богом!".

Так он оправился на встречу, горя желанием узнать то, что ему ещё неизвестно, но что не даёт покоя ни днём ни ночью.

Маша как могла, гасила его энергию, сбивая темп общения вопросами на различные темы, чтобы он излучал не только

желания, которые и так были написаны на его лице, но свои мысли, размышления и догадки.

К моменту подключения Черникова и Хрусталёва они уже спокойно выясняли, кто, по мнению Ухваткина, мог быть заказчиком взрыва, так как исполнителей она ему уже описала.

Алексей вспомнил этих двух мужчин, переодетых в форму гаишников и проверявших у них документы, и странность их поведения, которую про себя он тогда отметил. Простота закладки взрывного устройства поразила его, вместе с тем и дала ответ, что акция была направлена именно против него.

"Кто мог быть заказчиком? — рассуждал он мысленно над вопросом гадалки, — кто угодно, я не знаю, с кем вступал в контакт Варев, для кого он искал компромат на губернатора и его окружение?"

— Я много думал над этим вопросом, но так и не пришёл ни к какому выводу, — отвечал уже вербально Алексей Иванович Марии, — потому и пожаловал к вам, рассчитывая на вашу скорую и скрытую помощь.

— Поймите, Алесей Иванович, вот по фотографии я вычислила людей, которые подложили вам бомбу, а вот кто это заказал — это очень сложно, нужны энергетические следы того человека, я не прорицательница, в транс не вхожу, с потусторонними силами не общаюсь. Мне нужны вещи или место, на которые залипла энергия злобы и желания вам смерти, по той энергии есть возможность выйти на того человека, который её сформировал. Нужно ходить с вами по тем местам, где вы часто бываете, сканировать тех людей, с которыми общаетесь, по сути дела, стать вашим душехранителем, для меня это не приемлемо.

— Я хорошо заплачу, — проявлял настойчивость проситель.

— Алексей Иванович, вы кофе хотите?

— Если можно то, пожалуйста, зелёного чая, мне рекомендуют врачи, чтобы выводить токсины из организма, знаете, я до сих пор ещё принимаю лекарства, а они имеют и побочные эффекты.

— Хорошо, я оставлю вас ненадолго, чтобы приготовить чай.

Мария вышла, хотя делать это было необязательно, нужно было только нажать клавишу на компьютере, и у Инны на дисплее появился бы заказ на чай. Она передала Инне пожелание клиента, а сама направилась к Хрусталёву с Черниковым.

— Ну, что скажите, господа? — спросила она их сходу.

— А что тут сказать, у нас же не детективное агентство, — ответил Хрусталёв.

— Вить, поработай с ним, походи, почитай мысли людей, его окружающих, возможно, что-нибудь и прояснится, — сделала она неожиданное предложение Черникову.

— Пусть платит бабки, я готов стать с ним рядом как Санчо Панса при Дон Кихоте, — ответил ещё неожиданней тот.

Лишь Хрусталёв удивился:

— Ну, вы, ребята, даёте!

— Я его сейчас с идеей ознакомлю, если он согласится, представлю тебя ему, а ты уж об оплате договаривайся с ним сам. Идёт?

Виктор кивнул в знак согласия.

Инна уже подготовила чай для клиента и кофе для Марии. Гадалка перехватила у неё поднос и уже с ним вошла в комнату, где её ожидал Ухваткин.

— Алексей Иванович, — обратилась она к нему, расставляя чашки на стол, — у меня стажируется помощник, он в некотором роде обладает начальными экстрасенсорными навыками и имеет желание развивать их дальше, так вот, есть возможность на время стать ему вашим помощником. За результат ручаться не буду, но вдруг он что-то увидит в вашем окружении, и это что-то окажется тем, что нам и нужно. Как вы на это смотрите?

— Так это та симпатичная девушка, которая встретила меня в коридоре? — переспросил Ухваткин, вместе с поднесённой чашкой ко рту подняв и брови.

— Нет, Инна — это мой секретарь, а помощник мужчина, я думаю, с мужчиной вам будет удобно, — ответила гадалка, продолжая стоять сбоку стола.

— Ну, я прямо не знаю, это так неожиданно, я бы для начала познакомился с ним, прежде чем дать ответ.

Он опустил чашку обратно на блюдце, чай был слишком горячим, и посмотрел снизу вверх на Марию.

— Хорошо, я сейчас его вам представлю, — произнеся это, гадалка сделала шаг в направлении двери.

— Подождите, я должен рассчитаться с вами, — засуетился Ухваткин и выложил перед Марией на стол пятьсот евро.

Мария взяла купюру, но прежде чем её спрятать, спросила у бывшего её обладателя:

— Не много ли?

— Я считаю та информация, которую получил от вас, она того стоит, эксперты утверждали, что взрывное устройство было заложено на крышу автомобиля, вот когда, как и почему я не заметил его, вы то и дали ответы на все эти вопросы.

Она вышла и через несколько секунд вошла вместе с Черниковым. Увидев человека, о котором только что шла речь,

Ухваткин встал и первым протянул руку.

— Алексей Иванович, — представился он сам.

— Виктор, — ответил ему Черников и пожал руку.

— Очень хорошо, я рада, что вы сами знакомитесь, значит, посредники вам не нужны, располагайтесь, побеседуйте, кстати, Вить, кофе я ещё даже не пробовала, — произнесла Мария и вновь покинула комнату.

Всё сложилось как нельзя лучше, уже буквально через пять минут Ухваткин с Черников покинули офис.

На вопрос Маши к Виктору:

— Куда?

Последовал лаконичный ответ с подмигиванием:

— По делам.

Глава 8

Виктор появился дома лишь вечером ближе к девяти часам и в приподнятом настроении. На упрёки Маши, почему за весь день ни разу не позвонил, без своего обычного надрыва и раздражения ответил:

— Маш, ну ты звонила мне, я сказал: извини, занят, — это на самом деле так и было.

— Ужинать будешь? — заботливо тогда предложила она.

— Нет, мы поужинали в ресторане, сейчас приму душ и в кроватку… — игривый тон не намекал, уже прямо говорил, чем он собирается заниматься в постели.

— Господи, чем вас там кормили, что тебя так потянуло на сладенькое? — подыграла ему Мария.

А у самой возникло приятное томленье, и она ещё раз непроизвольно вспомнила о боге: "Господи, кто это всё придумал, любовь и грех, мерзко и противно одновременно".

Она прошла в спальню, сняла с кровати красивое китайское покрывало, взбила подушки, достав из-под них махровые простыни, которыми укрывались жаркими летними ночами. Усевшись на краю напротив прикроватной тумбочки и зеркала на стене, она сняла колпачок с дезодоранта и, распустив полы атласного халата, обрызгала голое тело пахучим аэрозолем, хотя душ принимала всего лишь два часа назад.

"Так, чтобы нахалам нравилось", — вспомнилась девичья шутка студенческого общежития.

Она запахнула халат и вернулась в гостиную, где непрестанно работал телевизор, уселась перед экраном на диване и стала ждать Виктора, когда тот закончит водные процедуры.

В комнате было уже достаточно прохладно, кондиционер за два часа после включения остудил весь объём воздуха здесь, и теперь прохладные потоки текли понизу в спальню и на кухню. Два года назад, делая ремонт почти одновременно в двух квартирах, Мария установила сплит-систему в офисе, а кондиционер уже за ненадобностью там привезла сюда.

Она научилась его рационально использовать, эксплуатируя всего лишь четыре-пять часов в сутки. Включала его сразу вечером по приходу с работы, а когда наступало время сна, температура в спальне составляла двадцать три, двадцать четыре градуса, для Маши этот диапазон был самый комфортный, она выключала его. Если на улице уже спадала жара, то открывала окошко.

Она не простывала, не страдала синдромом сплит-систем,

когда многих их обладателей в самую жару мучил нескончаемый насморк, лечение хронического атрофического ринита, или попросту дистрофии слизистой оболочки носа, происходило самыми изощрёнными методами, вплоть до прижигания, чтобы оболочка обновилась.

Утром она выходила на балкон и конденсатом, набегавшим на одну треть пластмассового ведёрка, а то и на половину, поливала петуньи в подвесных ящиках. Соответственно экономилась электроэнергия, не было затрат на круглосуточное поддерживание заданной температуры в квартире, в которой по большей части только ночевали. Иногда Мария работала и в выходные, если об этом её просили клиенты.

Виктор появился скоро, с огромным банным полотенцем в виде набедренной повязки и взлохмаченными мокрыми волосами, которые он взбивал растопыренными пальцами, чтобы слегка просушить.

— Возьми фен, — предложила Маша.

— Так высохнут, — ответил он.

— Конечно, высушишь их сейчас о подушку, — искренне возмутилась она.

— Пока я тебе расскажу о своих дневных похождениях, они немного подсохнут, — и плюхнулся на диван рядом с ней.

— О, это интересно будет послушать, — с готовностью произнесла она и пультом слегка пригасила громкость телевизора.

— Сначала мы поехали в офис его фирмы, — начал он свой рассказ, — и знаешь, с кем он меня там познакомил?

— Ну, с кем? — включилась в беседу Маша.

— С бывшим мэром, Помпеевым, он к тому же его компаньон и в настоящий момент и.о. директора, пока Ухваткин в отпуске по болезни, — экспрессивно продолжал Виктор.

Покинув офис Марии, они сели в такси, ожидавшее во дворе, на нём Ухваткин и приехал на встречу. Машины у него в настоящий момент не было, да и водить он ещё опасался, а каждый раз брать рабочий транспорт из своей же фирмы было неудобно, потому Алексей пользовался услугами такси.

Они оба расположились на заднем сиденье, Ухваткин назвал адрес, это было где-то в самом центре. Ехали, почти не разговаривая, так перебросились несколькими фразами за дорогу. Виктор сканировал весь процесс мышления. Ухваткин строил планы: куда его свозить, с кем познакомить и постоянно боролся с сомнениями, что из этой пустяковой затеи ничего путного не выйдет.

В офисе все его приветствовали, особо приближённые интересовались здоровьем и делами. Они прошли в его кабинет, который в настоящий момент занимает Помпеев.

Владимир Петрович встал из-за стола и вышел им навстречу. Он улыбался и повторял как попугай:

— Рад, рад видеть вас в здравии, очень рад!

Хотя непроизнесённые мысли тут же опровергали сказанное, причём всё это происходило настолько быстро, что у Виктора возникали сложности восприятия этого человека, слушать его речь и здесь же сканировать антиречь сказанному. Для Владимира Петровича такое поведение было привычным, сказывалась закалка властных структур.

— Очень рад, что заглянул ко мне, — произносил Помпеев и тут же мыслил, — "какой чёрт тебя принёс, таскаешься через день, не сидится тебе дома".

— Вижу не один, знакомь со своим молодым спутником, — и тут же, — "водишь всякую шваль".

Ухваткин представил Черникова как помощника по общим вопросам. На что Помпеев удивился и переспросил:

— По каким вопросам?

— По общим, — нервно ответил Алексей и уточнил, — можешь считать его моим личным секретарём на период выздоровления, а то тут помню, здесь не помню, пока что-то вспомнишь в этом уже и надобность отпадает.

— Ага, всё понял, — миролюбиво принял пояснения Владимир Петрович, но уже со своими внутренними комментариями, — "Не гей ли? Хотя за Алексеем такого не замечалось".

— Присаживайтесь, — нарочито суетился Помпеев, — чай? Кофе? "Пинка под зад?"

— Мне чай, но зелёный, моему спутнику — кофе, можно с коньяком, не возражаете, Виктор Васильевич? — наконец-то поинтересовался и у Черникова Ухваткин.

— Кофе, — односложно ответил Виктор.

— Мариночка коньячок, два кофе и зелёный чай, пожалуйста, — произнёс Помпеев по внутренней связи секретарше.

— Ты, что мою Оксанку уволил, — первым делом спросил Ухваткин.

— Да нет, в отпуск сама отпросилась, — ответил Помпей.

— Всё ясно. "Кадры свои расставляет".

— Ну, рассказываете, что там у вас интересненького за последнее время произошло? — обратился не понятно к кому Помпеев, закуривая парламент, — "Кабинет мой, пусть терпят".

— Да у нас-то всё по старенькому, мучает меня один и тот же вопрос: кто меня заказал? — начал выстраивать беседу Ухваткин.

— Понятно, только в таком деле, Алексей, я тебе едва ли чем помогу, — вместе со струйкой дыма выпустил фразу Помпеев.

"Вот неугомонный, всё копает, так и докопается, возможно, и помощник для этого".

— Захочешь помочь, поможешь, ты вот что мне скажи: откуда узнал про мою картотеку?

— Я аналитик, сопоставил факты и пришёл к выводу, что компромат не может ниоткуда появиться вдруг, он копится годами, как мудрость у человека.

— Ну да, ну да, — это тебя работа над американским досье к таким выводам подтолкнула, — съязвил Ухваткин.

— Не вижу в этом ничего смешного, помогает расширять сознание, так сказать видеть себя не только жителем Земли, но и гражданином космоса, — Помпеев с удовольствием пересел на любимого конька, философствовать на абстрактную тему.

В этот момент открылась входная дверь и вошла с подносом Марина. Одета она была как все секретарши: короткая юбочка, чёрные чулки, туфли на шпильках, куча всевозможной бижутерии и масса косметики, одним словом, живая кукла Барби. Воздействовала на людей как магнит: лёгкий противоположный пол притягивала, а к тяжёловесам прилипала сама, а однородный отталкивала.

На подносе у неё были три одинаковые чашки, от которых исходил пар вместе с ароматом кофе, ложечки, сахарница, блюдце с нарезанными тонкими ломтиками лимона и три маленькие рюмочки с коньяком.

Она опустила поднос на край стола Помпеева и начала всё его содержимое расставлять по своим местам, спросив лишь Ухваткина:

— Алексей Иванович, чай вам?

Тот кивнул головой и, когда она поставила перед ним чашку с чаем, поблагодарил:

— Спасибо, Мариночка.

Было понятно, что с новой секретаршей Помпея он знаком.

Вежливость проявили и двое других мужчин: Помпеев импозантно произнёс "благодарю", а Черников просто "спасибо".

— Ну, что не пьянки ради, а токмо здоровья для, — поднял свою рюмку Владимир Петрович, отложив наполовину выкуренную сигарету в пепельницу.

— Я пас, — отказался Ухваткин, — у меня таблетки.

Черников поднял рюмку и стукнул её о рюмку Помпеева, произнёс:

— За знакомство.

Они выпили, Помпеев нарочито и довольно крякнул, закусили ломтиками лимона и сделали по глотку кофе, а Помпеев после всего ещё вытащил из пепельницы тлеющую сигарету и сделал глубокую затяжку.

— Ну, так вот, на чём мы там остановились, — на правах хозяина спросил Владимир Петрович, и тут же подумал, — "Хорошо коньячок проскочил, просто благодать".

— Ты заканчивай со своим двойным стандартом и игру в электорат, колись, про досье тебе твой Даниил Маркович преподобный насвистел? — задал вопрос Ухваткин в грубоватой форме.

"Не мой он, а Варева, и не он, а Варев, ну да ладно, как-то нужно выворачиваться и с Варевым не проговорили такой момент".

— А что двойной стандарт, он везде двойной стандарт — это потому, что мы не считаем себя жителями Земли, а видим завоевателями и покорителями. Каждая нация и страна мнит себя главной и первой и блюдёт свои национальные интересы, — так и не ответив на поставленный вопрос, Помпеев замолк.

Он продолжил лихорадочно размышлять и искать варианты сдачи Даниила Марковича или Варева. "Алексей мне пока нужен, подальше не пошлёшь, придётся играть в друга, кого сдать? Того кого не опасно. Значит медиума, а там пусть Варев придумает сам, как поступить с такой коллизией, он же этого доктора подсунул".

— Даниил Маркович в телефонной беседе вскользь про картотеку упомянул. Ну, я опять сопоставил факты, как ты искал тот диск, и пришёл к выводу, что это компромат, взял тебя на пушку, а ты заволновался, — наконец высказался по теме Владимир Петрович и с облегчением, затянувшись в последний раз, загасил окурок о дно пепельницы.

"Варев позаботится, чтобы ты с медиумом больше не встретился", — уверенно мыслил он.

Тут неожиданно к их разговору подключился Черников:

— Алексей Иванович, разрешите один вопросик по теме?

— Спрашивайте, — лаконично разрешил Ухваткин.

— Владимир Петрович, а кто вас познакомил с Даниилом Марковичем? — обратился Черников к хозяину кабинета.

"Точно бывший следователь, теперь в частного детектива играет, как его там, Черников Виктор Васильевич, нужно записать, а то забуду и поинтересоваться в прокуратуре: где работал, и за что выгнали".

Владимир Петрович открыл ежедневник и сделал какие-то

записи в нём.

— О-о-о, — затем протяжно начал Помпеев и отложил ручку, — это было давно, и мне теперь уж не вспомнить.

— Я имею в виду, он ваш общий знакомый? — продолжал настаивать Черников.

— С Даниилом Марковичем? — путал следы Помпеев.

— Нет, с Алексеем Ивановичем, — терпеливо без раздражения пояснял Виктор.

"Да, наш общий друг Варев познакомил. Сдать — не сдать?"

— Возможно, у нас слишком широкий круг общих знакомых, но кто конкретно, мне сложно сейчас вспомнить, — решив пока не сдавать Варева, обтекаемо изъяснялся бывший мэр.

— Я догадываюсь, кто это может быть, — вступил в их диалог Ухваткин, — это Варев, он всё меня отсылал к медиуму или к экстрасенсу. Это от него я впервые получил сигнал обратиться к таким людям. Ну, что я прав?

— Может быть, может быть, давно это было, — уже не отрицал, но всё же и не давал утвердительного ответа Помпеев.

— Выходит вы одна шайка-лейка, ведь следователя по блату подсунул мне ты, а тот уже посоветовал обратиться к смотрящему, — задумчиво высказался Ухваткин.

— Алексей, мы давно одна шайка-лейка, как ты выразился, и ты тоже её член, — Помпеев с некоторой обидой отозвался об экспрессивном сравнении своего круга знакомств с шайкой.

В этот момент заработала громкая связь, и голос Марины спас Помпеева от безвыходного положения:

— Владимир Петрович, напоминаю вам, что уже обед, вы идёте в столовую?

— Заработались совсем, на обед идём? — переспросил он уже своих собеседников.

— Мы в другом месте пообедаем, — ответил за двоих Ухваткин.

— Мариночка, иду, мне, как всегда, — произнёс по селектору Помпеев, а, отпустив кнопку, для своих гостей сказал, — война войной, а обед по расписанию, а то всё вкусненькое в нашей столовке съедят.

Он демонстративно встал, всем своим видом показывая, что намерен отправиться на обед, и что ему плевать на этикет и тактичность. Гости также поднялись со своих мест, создавая шум отодвигающимися стульями.

Распрощавшись с Помпеевым, Ухваткин уже на улице спросил Черникова, как он догадался, что Помпея с экстрасенсом познакомил Варев.

— Почувствовав, что Владимир Петрович лукавит и старается

не говорить о каком-то человеке, я сделал вывод, этот человек знаком и вам.

— А вы могли бы описать человека, никогда не видев его?

— Наверное, смог бы, если допустим, кто-то думал о нём, представлял его образ, а я в тот момент находился рядом, но мне ещё не приходилось заниматься такими вещами.

— Давайте попробуем, я надеюсь, вы никогда не видели Варева?

— Я сегодня впервые услышал такую редкую фамилию, но вам-то это зачем?

— Хочу убедиться в ваших способностях, прежде чем принимать дальнейшее решение.

— Что прямо здесь на улице?

— А это принципиально где?

— Нет, просто необычно.

— Необычно будет, если вы опишете мне Варева, а остальное естественно.

— Хорошо, давайте пробовать, — сдался Виктор.

— Идёмте в сквер и там присядем на лавочку.

Черников плохо знал этот район города, поэтому с любопытством осматривался вокруг. Сквер, в который предложил переместиться Ухваткин, в полном смысле этого понятия, нельзя было назвать сквером. Такое место городские власти обычно называют зоной отдыха, хотя парки и скверы тоже зоны отдыха.

Раньше таких зон по городу было намного больше, когда около оживлённой магистрали рядом с остановкой общественного транспорта между многоэтажными строениями отгораживался карман. На территории кармана разбивался цветник или клумба, высаживались два-три дерева, например, ивы, ставилось несколько скамеек, в зависимости от свободной площади, и всё, зона отдыха готова. Конечно, за участком закреплялся персональный дворник, который убирал мусор не только по утрам, но и в течение дня, вычищал урны, если необходимо, включал полив клумб, а в жаркие дни смачивал и асфальт.

Можно было без проблем просидеть и полдня в ожидании нужного транспорта, но в настоящее время всё изменилось, весы качнулись в другую сторону, долго ожидать транспорт нет необходимости, ухаживать за такими зонами стало не кому, так как средств из городского бюджета выделяется мизерное количество. Зоны начали хиреть, а потребность свободных площадей для размещения коммерческих ларьков постоянно расти, и власти района и города попросту передавали такие участки в долгосрочное пользование коммерсантам.

Городские улицы всё больше наполнялись киосками, ларьками и мини-магазинами, создавалось впечатление, что приоритеты отдыха горожан резко поменялись, они, посещая мини-магазины и заглядывая в окошки киосков, от этого получают не только удовлетворение физических потребностей, но и эстетическое наслаждение.

Рядом с двухэтажным зданием, в котором и находился офис фирмы Ухваткина, ещё существовал такой мини-оазис. Площадь была приличная, Алексей Иванович сразу сообразил, что если снести домик, то на совместной площадке можно выстроить не только жилой многоквартирный дом, но и всё то, что придёт в голову изобретательному инвестору.

Здание незаконно внесли в список исторического наследия, чтобы не совсем осведомлённые бизнесмены не доставали жадных чиновников с приватизацией земельного участка под этим домиком и зоной отдыха, примыкающей к нему. Строение принадлежало учредителям фирмы, т. е. Ухваткину. Он, как собственник брал, на себя дополнительные обязательства не только по содержанию исторического внешнего вида фасада постройки прошлого века, но и примыкающего скверика.

Ухваткин и Черников завернули за угол офиса, обогнули искрящуюся водяными капельками овальную клумбу и расположились на одной из свободных скамеек. Было жарко и душно. Рядом стоящий пирамидальный тополь отбрасывал тень назад в сторону высокого забора из жёлтого кирпича, но ветерок закручивал из брызг непонятную траекторию и приносил к лавочке прохладу с цветника. Асфальт перед скамейкой был тёмный от влаги и не успевал просыхать.

Вместе с прохладой воздух был пропитан цветочным ароматом. Клумба по овальному периметру была очерчена тремя рядами жёлто-коричневых цветков, называемых в народе бархотками, а в центре пышно благоухали разноцветные петуньи.

Алексей Иванович расстегнул последнюю пуговицу на своём пиджаке. Виктор осмелился и спросил его:

— Вам не жарко в костюме?

— После контузии меня иногда знобит, поэтому и не боюсь жары, — ответил Ухваткин и тут же продолжил, — значит, мне мысленно необходимо представить, как выглядит Варев и тогда вы, возможно, его опишите.

— Ну, да, что-то в этом роде, — согласился Черников.

— Хорошо, тогда приступим, — и после этих слов он замолк.

Не говорил и Виктор, лишь было слышно, как шипела вода в разбрызгивателях, на тополе шелестели листья, и мимо с рёвом по улице проносились машины, да где-то, совсем рядом, завывали

электродвигатели троллейбуса.

Виктор поначалу даже немного струсил, вдруг у него ничего не получится, и он будет выглядеть шарлатаном в глазах такого уважаемого бизнесмена, как Ухваткин. Казалось, это он не для усиления концентрации прикрыл глаза, а для того, чтобы самому не видеть своего же позора. Но всё вышло замечательно, и его опасения оказались напрасными.

Ухваткин сначала размышлял и разговаривал сам с собой: "Как же ты у нас выглядишь, Глеб Викторович? Или выглядел, ведь давно не виделись?"

Затем у него появились мысли, не обременённые речью, и Виктору пришлось сложно, чтобы их отсканировать. Но ему повезло, радужные и расплывчатые мыслеформы стали превращаться в образ мужчины в чёрном пальто и шляпе. Шляпа испарилась и обнажилась лысина уже немолодого человека, а затем проявилась и вся голова, яйцеобразной формы, с коротким седым волосом на затылке, глубокими морщинами на лбу, впалыми глазницами, прикрытыми очками в золотой оправе. Голова улыбнулась и показала вставные золотые зубы во рту.

"Так вот он какой, Варев Глеб Викторович", — только и успел изумиться Черников, как образ человека, с которым он только что познакомился заочно и необычным способом, исчез.

— Я думаю, достаточно, — прервал безмолвие Ухваткин.

— Зовут его Глеб, отчество то ли Владимирович, то ли Викторович, — смаковал свою игру Виктор.

Наконец он последовательно описал образ Варева.

Ухваткин смотрел на него расширенными глазами и произнёс:

— Поразительно, всё так, за исключением отчества, оно Викторович. Ну что ж, думаю, мы с вами сработаемся, вот только нужно поразмыслить хорошенько, как грамотно воспользоваться такими способностями.

— Жалко, что номера телефонов Варева и медиума у меня в ежедневнике, а так бы сейчас созвонились и организовали с ними встречи. Но ничего, время обеденное, едем к моему дому, там хорошая пиццерия, в ней съедобно готовят, мы сможем пообедать. Затем я схожу за ежедневником, извините, но домой вас пока не приглашаю, такие уж у меня принципы.

— Ничего, я понимаю, сам не люблю тесное общение с малознакомыми людьми, а звонить никуда не нужно. Я думаю, что за нас это уже сделал Помпеев, он так врал и изворачивался, не знаю, почему вы его терпите, он вам совсем не друг.

— Всё я про него знаю, и что за нос меня водит, то же вижу, но это вынужденная необходимость, мы пока взаимозависимы.

Если у нас с вами получится сотрудничество, я потом введу вас в курс дела по Помпею.

Они поехали в пиццерию, где и пообедали. Во время трапезы Алексей Иванович размышлял о том, сколько платить Черникову за работу, ибо вопрос о найме им уже был решён положительно.

"Двадцать тысяч рублей будет достаточно, за выполнения отдельных поручений — премиальные, там посмотрим. Согласится ли? — он исподлобья бросил взгляд на Виктора и утвердительно кивнул сам себе, — А куда он денется!"

"Двадцать тысяч в месяц? Жаден ты, братец, однако, — оценивал возможные условия трудового соглашения Черников, — чёрт с ней с зарплатой, мне только втереться в эту стаю жирных котов, а там сам буду брать сколько нужно".

За кофе Ухваткин огласил свои условия, Виктор принял их. Оба остались довольные собой. Алексей Иванович всё же позвонил экстрасенсу, но мобильный того не отвечал, а в регистратуре поликлиники ответили, что доктор уехал сегодня на курсы повышения квалификации в Москву и вернётся не скоро.

— Да, вы оказались правы, Даниил Маркович для меня уже недоступен, — изумлённо прокомментировал оба звонка Ухваткин.

Он связался с Варевым, тот не прятался, но встречу на сегодня отклонил, сославшись на занятость.

— Перезвоните в конце недели, там ситуация прояснится и мы договоримся о встрече, — отозвался Варев на перспективу поговорить.

По окончании обеда работодатель выдал своему новому работнику аванс в размере половины месячной ставки и озадачил первым поручением, разобраться со страховкой по джипу.

— Встретимся вечером за ужином в ресторане, там и отчитаетесь, — озвучил планы на конец дня Ухваткин.

— Вот так прошёл мой первый рабочий день, — закончил свой рассказ Виктор Марии.

Он умолчал лишь о том, что непроизвольно подсмотрел номер счёта и pin-код карточки, когда Ухваткин снимал в банкомате деньги со своего счёта для дочери. Виктор находился на приличном расстоянии от него, но это не помешало ему всё детально рассмотреть.

"Так можно засканировать любую карточку и на любом расстоянии, а затем временно ей воспользоваться, когда хозяин будет отдыхать", — осенила его простая до гениальности мысль. Конечно, с Ухваткиным он такого не планировал осуществить.

— Могу пожертвовать в семейный бюджет половину

полученной суммы, — предложил Виктор Марии.

— Оставь пока себе, возможно, придётся благодарить врачей за мед-справку для университета, да мало ли что, — остановила его Маша.

— Принимается, — задорно и игриво пропел он, — а теперь баиньки.

Он неожиданно быстро снял набедренную повязку, и Маша опомниться не успела, как он её на руках уже внёс в спальню.

Ей снилась её любимая бабушка Алевтина Фёдоровна. Она не видела её, но незримо чувствовала, что это она и рядом. Будто ей снова пять лет, и бабушка играет с ней, как она делала всегда. Меряет её рост четвертью, так бабушка называла расстояние между кончиками большого и среднего пальцев широко раздвинутой кисти.

Маша смеется, ей щекотно и приятно от прикосновения бабушкиных пальцев. Затем бабушка произносит считалку.

— Лес, — гладит её по голове.

— Поляна, — проводит по лбу.

— Бугор, — треплет за нос.

— Яма, — касается рта.

Маша напряглась и слушает далее:

— Грудь, живот, а там барыня живёт.

Маша уже захохотала громче и судорожно дёрнулась, как обычно делала, инстинктивно защищаясь и прикрывая ладошками пах, от того и проснулась.

Низ живота неприятно тянул, а в районе сосков ощущалась болевая чувствительность. Она лежала абсолютно нагая и не прикрытая ни чем, лишь правая кисть Виктора плющила её правую грудь, а его колено забралось в её промежность, совершенно лишённую волосяного покрова. Её мать, однажды увидев чистые подмышки и такой же низ живота, ахнула:

— Срамота!

"Это к месячным, — подумала Маша и начала освобождаться от конечностей мужа, — к утру могу всё запачкать".

Она приподнялась, осмотрела ложе, всё было чисто, не любила она спать нагишом, но иногда приходилось, когда требовал Виктор. Сейчас он спал на животе и его голые ягодицы отсвечивали в полумраке своей привлекательностью.

Она тихонько встала с кровати, выкатила бельевой ящик прикроватного низкого комода, выбрала широкие трусики, из пачки достала прокладки и пошла в ванную. Там она освежилась, хотя делала это и после секса, и одела то, что принесла с собой. По дороге в спальню размышляла: "Живём регулярно уже второй

месяц, не предохраняемся, как делали в студенческие годы, и никаких залётов".

Она нашла ночную прозрачную сорочку, больше похожую на утренний пеньюар, подарок Виктора, и одела её.

"Мне уже скоро тридцать четыре, пора бы и залететь, может не во мне дело, а в нём. Его там стерилизовали как животное, фу, какие глупости лезут в голову".

Она расправила простынь и по пояс прикрыла Виктора, а сама устроилась рядом на то же место, где и лежала раньше.

"Господи, что же мне так на душе неспокойно, опять втянула его в какую-то авантюру с бизнесменом, хочется как лучше, а может напрасно я так, всё будет нормально, но он что-то не договаривает".

Она лежала на спине с открытыми глазами и размышляла о коллизиях жизни, раньше так боялась залететь, а теперь боится не забеременеть. Вспомнилась почему-то народная поговорка, которую слышала ещё девчонкой в деревне про парней: "Их дело не рожать, сунул, вынул и бежать".

"Вот сколько лет прошло, а вытравить эту пошлость из головы не могу, иногда всплывает, будут дети, обязательно постараюсь сберечь их от пошлости и грязи. Ничем потом не вытравишь, что впитают в детстве. А будут ли?"

Ей неистово хотелось, чтобы маленькие ручонки обнимали её за шею, хлопали по щекам, а беззубый ротик радостно выкрикивал простые слоги "ма-ма, ба-ба, бу-бу", восторженно и искренне хохотал взахлёб до икоты от её подмигиваний и щекотаний. Ей хотелось, чтобы маленький родной человечек сосал по ночам её грудь, сопя и, как котёнок кошке, маленькой ладошкой поддавливал мягкую плоть, словно доя, помогая молоку перемещаться к соску.

Она повернула голову к Виктору и стала рассматривать его лицо, перед ней совсем близко спал любимый человек, так ей казалось. Она начала размышлять о том, что по мыслям человека нельзя определить всего лишь одну истину, любит ли он другого человека. Хорошее отношение, — да, ненависть, — да, а вот любви нет места в голове, любовь в сердце. Оттуда приходят команды на управление мозгом, значит сердце главнее. У любви мало слов, зато у ненависти их предостаточно.

"Странно — это ведь мои мысли, мне кажется, они правильны, и почему перестали приходить как раньше, извне, словно перекрыт доступ к внешнему мыслительному каналу. Когда началось? Да-да, с момента выздоровления Виктора, он рядом и нет внешнего голоса. Нужно спросить у Хрусталёва, а как у него".

Она повернулась на другой бок, поджала в коленях ноги, её мысли начали цепляться одна за другую, путаться и растворяться в серой непролазной мгле. Она пошевелила головой, словно кивала кому-то или устраивалась удобней, и не заметила как уснула.

Глава 9

В конце июля жара спала, и пришли грозы. Дожди очистили город от пыли и наполнили свежестью, и он вздохнул свободно всей своей каменной грудью. Но циклон застоялся, пасмурно было каждый день, дожди продолжались целую неделю, ненастье характеризовалось ещё и падением температуры градусов на двадцать. Метеозависимые люди переживали такой резкий погодный перепад болезненно.

Ухваткин захандрил. К тому же всё выглядело так, будто болезнь возвращается, не оставляет его и проявляет свой коварный характер именно в такие дни. Иногда, когда он переутомлялся и садился отдохнуть, закрывал глаза, и у него начинала кружиться голова. Казалось, что тут странного, такое бывало и раньше, но всё же им была подмечена новая особенность, если в этот момент в его руках находился предмет, и он не открывал глаза несколько секунд, у него возникало ощущение, что предмет неимоверно огромных размеров, и рука его таких же размеров. И как только он осознавал такую действительность, на него наваливалось ни с чем не связанное чувство страха.

Он даже поделился своими ощущениями с новым помощником Черниковым. Тот пожал плечами и обнадёжил шефа: "Пройдёт, у меня самого возникают беспричинные порывы боязни, наверное, такое бывает у многих, только не все говорят об этом".

Виктор не лукавил. С ним действительно порой происходили странные вещи, не достигнув каких-то своих бытовых целей, он всё чаще раздражался, но иногда раздражение переходило в злобу. Поначалу к источнику помехи или препятствия, будь то человек или неодушевлённый предмет, а затем это переносилось на весь окружающий его мир. А заканчивалось это совсем неожиданно, сначала появлялось лёгкое беспокойство, которое поднималось откуда-то снизу изнутри, оно нарастало постепенно, усиливалось и затем переходило в тревогу.

В отличие от Ухваткина он относился к таким переменам философски: как пришло, так и уйдёт; ведь у него были более сложные проблемы со здоровьем, однако у всего есть начало и конец, даже у проблем, которые в большинстве случаев разрешаются сами собой.

Их сотрудничество можно было назвать успешным, хотя подступиться к главной цели, ради которой оно и создавалось, по объективным причинам пока не удалось, но в то же время со всеми поручениями Виктор справлялся, и Ухваткина это

устраивало. Своим экспромтом в первый же день они, по мнению Черникова, распугали всё окружение Ухваткина: медиум отбыл на неопределённый срок в Москву, Варев не соглашался на встречу из-за занятости, а Помпеев экстренно засобирался в отпуск.

Это могло насторожить любого человека, мало-мальски наделённого дедуктивным мышлением. Алексей Иванович к таким индивидуумам себя не относил, но высказался по такому поводу вполне определённо и конкретно:

— Значит, попали в точку, но ничего, никуда они не денутся, всё равно мы их достанем. Что он имел в виду, Виктор понял сразу же, ознакомившись с его мыслями. Ухваткин предполагал, что кто-то из них что-то знает и скрывает это от него.

Были и приятные вести: им в офисе изыскали кабинет для встреч, а после отбытия в отпуск Помпея, они займут его, хотя делами фирмы Ухваткин плотно заниматься не планировал.

У Виктора не складывались отношения с Помпеевым. Если Черников читал его мысли и потому считал того прохиндеем, то Владимир Петрович интуитивно чувствовал, что от нового помощника Алексея исходила угроза его интересам. Он его боялся и ненавидел одновременно.

Уже на третий день их знакомства Виктор нарвался на словесный конфликт, хотя ссора не стоила и выеденного яйца. Дело было так.

Они снова втроём сидели в кабинете директора фирмы.

Помпеев рассуждал как обычно ни о чём и обо всём: зацепился за сайт "Одноклассники", который набирает популярность не только у молодёжи, и начал, в соответствии со своим жизненным кредо искать и здесь двойное дно.

— Всё это придумали и создали цэрэушнии.

— Зачем? — возразил нехотя Ухваткин.

— Чтобы проследить цепочку любого нужного им человека в России и выявить его слабое звено.

— Зачем? — повторился Алексей Иванович.

— Ты что тупой? Слабое звено берут за жабры, и нужный человек уже их.

— Насколько я знаю, этот сайт создал наш соотечественник, по-моему, фамилия его Попков, — вступил в беседу Черников.

— Знаем мы таких соотечественников, которые по заграницам живут, — ощетинился Помпеев.

До этого момента ход его мыслей совпадал с тем, что он произносил, но сейчас он уже агрессивно ругал Черникова: "Щенок, лезет, выставляется, авторитет нарабатывает".

— Твой этот Альбертишко Попков с 2000 по 2005 год жил в Лондоне, по его же признанию там всё и задумал, и опять же, по

его словам вложил, в создание несколько сотен тысяч! Обратите внимание, сотен тысяч долларов, — возмущался Помпей.

— Оказывается вы любитель считать деньги в чужих карманах, да вы просто завидуете его удаче, — отчитал его Виктор.

"Вот клещ, вцепился, весь философский настрой испортил, — возмущался про себя Владимир Петрович, — нужно накопать на него компромата и заткнуть эту гниду, пока он меня не заткнул".

В этот момент Ухваткин, привыкший к абстрактным разглагольствованиям бывшего мэра, видя назревающий конфликт, пришёл на помощь Помпееву и обратил всё в шутку:

— Ну, ты и фрукт, Помпей, выходит я тебя просто не знал. В тебе пропадает талант контрразведчика, ты во всём видишь двойной смысл.

— А как же, двойной стандарт присутствует везде, даже у бога двойной стандарт, — обрадовался помощи Владимир Петрович.

— Как это? — удивился Алексей Иванович.

— По библии дьявол искушал Иисуса, обещал отдать ему все царства Мира, тогда выходит что на Земле что-то вроде ада, ну не ада, так, логово сатаны.

— Ну и что, где тут двойной стандарт? — на полном серьёзе переспросил Ухваткин.

— Как где? — изумлёно, воскликнул Помпеев, — думаешь бог не знает об этом?

— Ну и что? Что это даёт? — уже не сдерживаясь и не контролируя себя, Ухваткин повышал тональность разговора.

— А то, раз он отсылает на Землю чистые души при рождении человека, то он ведёт двойную игру. Проповедует одно, а на деле старается разрушить царство сатаны, подставляя невинные души.

— С чего ты взял?

— Иисус же говорит своим ученикам, что человекам спастись невозможно, — процитировал он евангелие.

— По-моему, вы просто богохульствуете, — снова не выдержал Черников.

Повисла немая пауза, во время которой лишь витали мысли оппонентов.

Ухваткин: "Помпей в чём-то прав, двойной стандарт заложен в нашу жизнь богом".

Помпеев: "Ну, это переходит все границы, этот выскочка уже слова не даёт сказать".

А у Черникова впервые закралось сомнение в простоте Помпея: "Да он злой гений, не удивлюсь, если выяснится, что

заказал ликвидацию Алексея Ивановича он".

В этот раз выручила их Марина, загрузив Помпеева корпоративными вопросами. Неприятный осадок остался и у Виктора и у Владимира Петровича.

С медицинской справкой для университета возникли проблемы. Такая справка выдавалась по месту жительства, а жительство подтверждалось пропиской. Черников официально прописан у родителей в Возжаевске, он позвонил домой и попросил Ольгу сделать справку. Местный психиатр наотрез отказался выдавать такой документ без выписки учреждения, где проходил курс лечения и реабилитации пациент. Главврач областной психиатрической больницы не спешил со справкой, ссылаясь на то, что он должен понаблюдать пациента некоторое время, чтобы убедиться в отсутствии рецидива.

Сам диплом, по мнению Виктора, ему совсем не был нужен. Его устраивала и справка о неоконченном высшем образовании, но здесь уже было дело принципа. Черников подключил Марию узнать, в чём там дело, ведь у неё в больнице за время его лечения с администрацией учреждения наладились неплохие связи.

— Денег они хотят, и сумма немалая, — рассказывала она после общения с врачами, — даже номер счёта карточки дали.

— Они не боятся пользоваться такой карточкой, ведь это уже документальное подтверждение взятки, — удивился Виктор.

— Нет, не боятся, они у Гоголя научились, — улыбаясь, ответила Маша.

— Мертвые души? — уточнял Черников.

— Вот именно, в прямом и переносном смысле, настоящий держатель карты умер, карта действует, пополняй лишь счёт и пользуйся, если знаешь pin-код, — пояснила она.

— Это они также рассказали?

— Нет, конечно, иногда поневоле приходится видеть их помышления.

Виктору не хотелось быть зависимым от кого либо, не хотел он просить и Машу о деньгах на справку, помня о том, сколько средств она вложила в его лечение.

"Получается, что я альфонс, нет, деньги добыть нужно самому, иначе она не выдержит и снова заплатит, — анализировал он ситуацию, — а взяточника врача наказать, чтобы неповадно было, правда, пока не знаю как, но придумаю обязательно".

Так сидел он в своём маленьком кабинете и размышлял о прозе жизни. Ухваткин отправился на совещание к Помпееву, не

взяв его. Виктор поначалу немного огорчился, но потом, вспомнив ненавистного Владимира Петровича, повеселел. "Послушать, о чём говорят, можно и не присутствуя там, — усмехнулся про себя он, — было бы что-нибудь толковое и интересное в их болтовне, только одна говорильня ни о чём".

Он переместил свой дальний взгляд в кабинет Помпеева. Там находились трое, кроме Помпеева и Ухваткина, их первый зам по ООО Евгений Иванович. Втроём они беседовали недолго, заглянув в кабинет уже минут через пять, Виктор не обнаружил там уже Евгения Ивановича. Ухваткин сидел за столом, а Помпей стоял у раскрытого сейфа и демонстрировал какие-то документы.

Виктор напрягся и воспользовался уже навыками яснослышания: в этот раз они говорили о вещах, которые заинтересовали его.

Помпеев:

— Так, вроде бы и всё показал и рассказал.

— А внизу что там за пластиковая карточка с бумагами? — спросил Алексей Иванович, со своего места заглядывая внутрь сейфа.

— Это я на отпуск приготовил, потом, буду уезжать, заберу, — ответил Помпей.

— Что опять новая? — усмехнулся Ухваткин, — ты в них скоро запутаешься.

— Вот напрасно иронизируешь, первейшая заповедь бизнеса — не класть все яйца в одну корзину.

— Что есть подозрения?

— Вот именно, — ответил Владимир Петрович, закрывая сейф и пряча ключ в карман, — копают недоброжелатели, копают, хотят поживиться нажитым добром. Но мы не лыком шиты, я каждые полгода меняю свои счета, откатные квартиры уже реализовал, одна вот только повисла.

— Что так?

— Дедушка родненький умер скоропостижно, а квартира на него оформлена, ты знаешь, и лет-то ему немного и здоровеньким выглядел, — сокрушался Помпей, — теперь проблем полный рот, наследство полгода ждать и хвост не обрубишь, засветился уже.

— Что ты паникуешь? — успокаивал его Ухваткин.

— Я тебе говорю, копает кто-то и бьёт в самую точку. Бывшие враги те просто шушукаются о коррупции, но толком ничего не знают, а этот невидимка Москву консультируют, — всё больше заводился Помпей, видно было, что тема для него насущная.

— В каком смысле?

— В смысле земельных участков, продай, говорят москвичи

для дела, иначе отберут, говорят, и не попользуешься.

— О каких участках идёт речь? — всполошился всерьёз Ухваткин.

— Да о многих, даже о тех, про которые и ты не ведаешь, да, кстати, интересуются и по Сакко и Ванцетти, там, на месте бывшего хлебокомбината, если мне память не изменяет у нас автостоянка? — переключился на конкретный объект Владимир Петрович.

— Как вопрос по жилым домам заблокировали, организовали стоянку, — отозвался Ухваткин.

— Хочешь, поехали со мной на встречу с Малюгиным, я по своим вопросам буду консультироваться, а ты по хлебокомбинату, только один, без помощника, — заторопился Помпеев.

— Сколько он запросит за консультацию?

— Вот там и узнаем, делиться всё равно придётся с кем-то, когда ты не у власти, — пояснял Помпей.

— Что прямо сейчас? — удивился Алексей.

— Ты знаешь, что у меня отпуск на носу, тянуть нет смысла.

— А куда ты собрался в отпуск? — переключился на другую тему Алексей.

— А мне всё равно куда, этим вопросом Полина занимается, ну два-три дня выдержу, обозревая местные достопримечательности, а потом начну пить, и всё будет по барабану, — откровенно изложил свои планы на отпуск бывший мэр.

— Это ты зря, — протяжно вытянул из себя фразу Ухваткин, и было непонятно, то ли он осуждает Помпеева, то ли сочувствует ему.

— Да опостылело всё, и мысли разные в голову лезут, а так хоть голова отдохнёт. Ну, что поехали к заму губернатора? — взглянул вопросительно он на всё ещё сидевшего за столом Алексея.

— Поехали, — согласился тот и встал со стула.

Они покинули кабинет. Виктор отключился от картинки и стал размышлять о сейфе и карточке, затем переместил свой взор внутрь сейфа.

Карточка лежала на конверте поверх каких-то бумаг. "Как учил Хрусталёв, сконцентрироваться на предмете, а затем на месте, куда он будет трансформироваться".

Документы фрагментировались и исчезли. Виктор сфокусировал свой взгляд на поверхности стола прямо перед собой. Стопка появилась ниоткуда, в таком же расположении, как и в сейфе: сверху пластиковая карта "Виза", затем полуоткрытый конверт с вкладышем, где отображались номер счёта и код, внизу

два листа договора. Виктор переписал pin-код, немного помедлив и номер счёта: "Вдруг надумаю возвращать деньги".

Через пятьдесят минут вся стопка лежала на своём месте в сейфе. Часть снятых денег с карточки Виктор положил на счёт главврача психиатрической больницы, остальные оставил себе на расходы.

"Всё это крысиные бега, с таким же успехом можно трансформировать купюры прямо из хранилища банка или из банкомата, чем я отличаюсь от Машки и Хрусталёва? Да ничем, мы все трое направляем свои способности на добычу денег. В принципе можно обойтись и без денег, брать то, что необходимо напрямую. Что тогда остаётся? Для чего живём? Развлечения? Месть? Наказывать тех, кто стоит на пути? Судить и наказывать таких, как Помпеев, соседей по даче, чтобы не лезли в чужие дела, главврача, — вот с него мы и начнём".

Он позвонил ему и сообщил о переводе денег.

— Если это так, — ответил грузный самодовольный человек в белом халате, — завтра можете приезжать за справкой.

— А почему не сегодня? — переспросил Виктор.

— Завтра, молодой человек, завтра, таков порядок, — ответили ему на другом конце провода.

Вечером после ужина, сидя на диване перед телевизором, он сообщил об этом Маше.

— Что ж, хорошо, а деньги откуда взял, — спросила она, выглаживая воротничок его рубашки, чтобы не делать это завтра утром.

— Фирма кредитует, — соврал он, не моргнув и глазом.

Блокировку от проникновения они умели ставить оба, потому он не боялся, что она узнает, каким образом он достал денег.

— Вить, — обратилась она к нему, пристально вглядываясь в его лицо, — у тебя всё нормально?

— Что, ты хочешь, Маш? — начал он уже раздражаться, — нормально у меня всё.

— Что я хочу? — неожиданно повторила она вопрос, а потом откровенно и ответила на него, — хочу нормальной семейной жизни.

Она прошла мимо, шелестя халатом, неся в руках отутюженную мужскую сорочку, чтобы повесить её в шкаф на плечики.

— Это значит, ты хочешь, чтобы мы расписались? — съязвил он, помня, чем заканчиваются разговоры о семейной жизни.

— А ты не хочешь? — не столько удивлённо, а сколько отстранённо переадресовала она вопрос ему, повернув голову в

его сторону, а руками тем временем цепляя крючок плечиков с рубашкой о перекладину в шкафу.

— Вот распишемся и тогда всё, пойдёт настоящая семейная жизнь, — ёрничал Виктор и, нервничая, начал в беспорядке переключать каналы телевизора.

— Вить, я хочу детей, я хочу заботиться о них и в этом вижу своё предназначение, — как можно спокойно, чтобы его раздражение не перешло в агрессию, излагала Мария свою позицию. Она снова вернулась к гладильной доске, чтобы отгладить уже свои вещи, которые наденет завтра.

— Устраивайся на работу в детский сад и заботься, — начинал переходить на элементы хамства Виктор, что свидетельствовало о его готовности вспылить и наговорить много лишнего.

— Я с тобой серьёзно, а ты насмехаешься, — обиделась она.

— Я ещё не готов стать отцом, — несколько сбавил он температуру накала разговора.

— В том-то вся загвоздка, сначала мы не хотим, а потом уже и не можем, — тихо вздохнула она и отправилась в ванную комнату, тем самым давая понять, что дальнейшее развитие разговора ей понятно.

"Что на неё нашло, — размышлял Виктор уже в одиночестве, — с кем она там общается на своих сеансах белой магии, семейный только Хрусталёв. Кстати о Хрусталёве, пусть гонит его к чертям собачьим, он меня начинает доставать".

Неожиданно услышал раздражённый голос Марии сзади со спины, она стояла в проёме двери и выказывала своё недовольство:

— Так, чем тебе помешал Хрусталёв? И это вместо благодарности за восстановление твоей памяти?

— Прицепился старикан к молодым женщинам и каждый день за бесплатно просматривает эротику, — выпалил Виктор первое, что пришло ему на ум.

— Ты ревнуешь? Не переживай, он этого не делает, он дал слово и держит его, — улыбаясь она вошла в комнату и встала напротив Виктора.

В этот момент ей было приятно осознавать, что любимый мужчина ревнует её, в этом был хотя и малый, но всё же намёк на то, что она ему не безразлична.

— Откуда ты знаешь, с его слов? — продолжал упорствовать Виктор, но лица не поднимал и прятал свой взгляд в телевизор.

— Я чувствую, когда меня раздевают взглядом, и некоторые женщины, без браслета, обладают таким даром, но не знают, как его называть и как им пользоваться, — она, говоря, подошла

вплотную к нему и начала теребить его вихры, так делают матери с непослушными сыновьями.

— В отличие от тебя он научился грамотно пользоваться браслетом потому, что его сознание очищено, а с тобой происходят странные вещи, твоя аура блекнет, ты нормально себя чувствуешь? — неожиданно по-матерински отклонив его голову назад, так чтобы видеть его лицо, спросила она.

— С каких пор ты стала ясновидящей? — удивился он.

— Не знаю, наверное, со второго браслета, я вижу что-то, но не знаю, как этим пользоваться и трактовать.

— Поговори с Хрусталёвым, у того над головой наверняка нимб сияет, он у нас почти святой.

— Нет у него никакого нимба, обыкновенная аура, но светлей и чище твоей, а потом, ты же не разрешаешь.

— Как будто в таких вопросах меня слушаешь.

— Нам нужно всем троим организовать что-то вроде семинара по обмену опытом, хотя бы раз в неделю, как мы раньше это делали с тобой, а потом и с Хрусталёвым.

— С ним общаться, а тем более обмениваться опытом я не буду, мы же антиподы.

— Нам всем нужно хорошо подумать.

— Думай, не думай, но моё мнение ты уже знаешь, слушай, а свою ауру ты видишь?

— Нет, только чувствую, зеркалом воспользоваться в этом случае нельзя, зеркало тонкие энергии не отражает, она, как бы наоборот, поглощает их.

"Завтра непременно поговорю с Хрусталёвым на такую тему", — подумала она.

На следующий день она выполнила вечернюю установку и поделилась своими размышлениями с Хрусталёвым.

— Андрей Викторович, у меня возникло желание обмениваться опытом по использованию браслетов, проводить что-то вроде семинара раз в неделю, как вы на это смотрите?

— Положительно, — отозвался Хрусталёв, — только в какой форме и в каком составе?

— Вы тоже не желаете общаться с Черниковым, как и он с вами? — уточняла она его позицию.

— Ну, общаться нам так и так придётся, коль иногда мы будем встречаться; просто тот обмен, который планируете проводить вы, будет менее продуктивным, если там мы с ним начнём пикироваться, — прояснил он свой взгляд на семинар втроём.

— Хорошо, давайте хотя бы попарно организуемся, — не

отступала Мария.

— Что вы в настоящий момент хотите обсудить? — неожиданно сразу перешёл он к сути дела.

— У меня много накопилось вопросов, ну, вот хотя бы про внешний разумный голос, я перестала его слышать, — уточнила она, — не знаю, хорошо это или плохо, но его нет сейчас.

— Ага, мне приходится напоминать вам ваши же слова, нужно очистить сознание, — радостно включился в обсуждение Хрусталёв, — что-то мешает поступлению информации, блокирует канал.

— Моё сознание чисто, все помыслы позитивны, — уверенно, ни секунды не колеблясь в выборе слов, ответила гадалка.

— Возможно, что-то тёмное в вашем окружении, — продолжал настаивать Хрусталёв.

— Вы думаете это связанно с появлением Виктора, — задумчиво произнесла она, — конечно, здесь присутствует когерентность во временном периоде, но ведь я люблю его, что должно компенсировать.

— Я не могу конкретно указать причину, то ли затемнение или обрыв наступил, возможно, добрые дела не делаются за деньги.

— Даже так? Что ж, мне необходимо понаблюдать за собой.

— Что ещё?

— Вы знаете, это связано с воспоминаниями, с памятью.

— Вы видите себя со стороны сверху, — опередил её Андрей Викторович и улыбнулся.

— Как вы догадались? — и она тут же смутилась, — ну да, понятно.

— Я, кстати, сам собирался спросить вас об этом, — не останавливаясь, он продолжал, — я предполагал, что ракурс обзора, сверху вниз, возможен только у меня, и связано это с приобретёнными навыками лётной работы; но видно, я ошибался, вы-то никогда не летали, по крайней мере, в кабине пилотов, а вид именно такой.

Они замолчали и не заметили, как начали общаться телепатически, скорость и точность выросли неимоверно, ведь здесь не нужно подбирать слова. Каждый думал о своём, но лишь для того, чтобы сканы передать другому, но тут же воспринимал и осваивал поступающую информацию.

Хрусталёв увидел деревню Машки Антоновой, как называли её тогда, в её коротких фрагментарных воспоминаниях о детстве: старая школа у Церковного пруда зимой; новогодняя ёлка у подружки Надьки; кромка берега Ячмёнского пруда, о который ударяется волна. Всё это наблюдается сверху, со стороны, и

только в первом случае тёмная фигурка девочки в зимней одежде на белом снегу, спешащая в сторону замёршего пруда, имела непосредственное отношение к женщине, сидевшей в настоящий момент напротив в кресле через журнальный столик. Всё остальное — лишь сельские пейзажи, привычные для любого человека, проживающего там. Необычность лишь в том, что отложились они в памяти пару десятков лет назад, да в таких пазлах, в которых он и не видел их никогда, ну например: волну, разбивающуюся о берег со стороны воды.

А Мария побывала в кабине вертолёта, несущегося над ярко-жёлтым полем подсолнечника. Вот впереди быстро приближается зелёная посадка, деревья становятся отчётливей, видны листочки и веточки, и, кажется, что вертолёт пройдёт сквозь них, но нет, в самый последний момент он взмывает вверх над ними. Теперь на мгновенье видно голубое чистое небо, затем он снова клюёт стеклянным носом, но теперь под ним уже другое поле, пшеничное, с бледно-кремовым оттенком.

— Вот и говорится во многих источниках, "познайте себя, и тогда многое откроется вам", — задумчиво произнесла Мария.

— Такой короткий обмен, сколько нового дал каждому из нас, не правда ли? — откликнулся Хрусталёв.

— Да, я согласна, ну а вы больше не занимаетесь перемещениями? — сменила она неожиданно тему.

— Пока нет, нет надобности, нет цели, а просто так, интуитивно чувствую, этого не следует делать, — откровенно поделился он своими планами.

— Вы уже что-то задумали? — улыбнулась она чему-то, не смотря в его сторону, а направив взор куда-то вверх перед собой, словно там где-то плыли ей только видимые субтитры его мыслей.

— Сложно скрывать от вас, я планирую поговорить с Рогалёвым, чтобы он выступил в роли руководителя, — начал он комментировать свои замыслы и в тоже время закрываться, делать свой мыслительный процесс, недоступным для неё.

— О! Тут я вам не помощница, — воскликнула она и встала с кресла, поняв, что их первый обмен мыслеформ окончен.

— Я понимаю, да ещё и сам не решил, как к нему подступиться и стоит ли? — ответил он и тоже поднялся с кресла.

"С Витей у нас обмена не получится, он всегда закрыт от меня, что-то скрывает", — делала она уже свои выводы, покидая комнату.

"Чудно, вообще-то, увидеть детство другого человека в мгновение, словно настоящее время остановилось и ждало, пока я закончу смотреть немое кино, но полное чувств и

переживаний", — удивлялся сам себе Хрусталёв, выходя из комнаты следом за Марией.

Гадалка прошла на кухню, где за столом сидела Инна. Та увидела, что Хрусталёв повернул вправо по коридору на выход, и позвала его:

— Андрей Викторович, а вы не хотите присоединиться к нам и выпить чашечку кофе?

— Спасибо, Инна, но мне уже пора, да и не хочется, если честно, — ответил он, остановившись и заглядывая в кухню, — пойду работать.

Когда стукнула входная дверь, что свидетельствовало о её закрытии, Инна спросила гадалку:

— Что вы сделали, Марья Анатольевна, с нашим старичком, он, по-моему, ушёл не в себе?

Марья Анатольевна ничего не ответила Инне, потому что она точно была "в себе", в своих размышлениях, а наливала кофе, усаживалась за стол "на автопилоте", и теперь она истинно знала действенное значение такого выражения, можно сказать изнутри.

Глава 10

Два телефонных звонка одинаковые по значимости для лиц производящих их, но противоположные по своей сути, осуществились почти в одно и тоже время и с одним и тем же результатом. Ухваткин договорился наконец-то о встречи с Варевым, а Хрусталёв добился аудиенции у Рогалёва.

Ищите и найдёте, стучите и откроют вам, так или почти так преподносятся мудрости бытия в библии, только что искать и куда стучаться многим, прожившим, по мнению окружающих, долгую жизнь, так и не даётся это понимание, ускользает, теряется в абстрактности, и кажется, никаким боком не относится к ним.

Они встретились в уличном кафе на проспекте Кирова. Кафе выбрал Варев сам, салон автомобиля, как место встречи, уже не возникал даже в мыслях ни у того, ни у другого по известным причинам.

"Мог бы выбрать заведение приличней, или у него после взрыва крыша съехала, возможно, это просто его территория", — читал мысли своего шефа Черников, идя с ним на стрелку.

Алексей Иванович и Виктор двигались по многолюдному местному "Арбату" навстречу людскому потоку. Им постоянно приходилось лавировать, чтобы не столкнуться с выскакивающими прямо на них зеваками. А шли они против потока лишь потому, что на этой стороне должно быть "злосчастное", по словам Ухваткина, кафе.

В последнее время Ухваткин мало ходил пешком, но центр знал хорошо потому, что в детстве жил рядом. В текущем времени капитальных изменений здесь не произошло, ничего не снесли и не отстроили нового, обновили лишь покраску фасадов и рекламы добавили, но многие заведения, которые он знал раньше, исчезли скорей всего по чисто экономическим причинам, аренда очень дорога.

Вот потому и блуждали они в настоящий момент, выискивая магазинчик "Белочка", единственно названный ориентир их будущим собеседником, на длинном расстоянии между параллельными улицами Горького и Вольской, так как летние выносные кафе по большей части название имели лишь в регистрационных документах.

— Встретимся в летнем кафе, там, где в советские времена был магазин "Белочка", — сказал по телефону Глеб Викторович Ухваткину, — я надеюсь, вы не забыли? Или трудно вспомнить то,

что не знаешь?

"Белочку-то" он знал, кто не знал магазин конфет и сладостей, только тот, кто не любил сладости, но канул он в лето и остался лишь в памяти тех, кто знал. Что за манера у людей называть места или улицы их старыми названиями, и что за манера так часто переименовывать улицы и менять названия общеизвестным заведениям.

Они блуждали уже минут пять вокруг одного интересного пятиэтажного здания с красивыми и маленькими балконами, огромными порталами на уровне двух последних этажей, лепниной по всему карнизу, и выкрашенным в голубовато-серый цвет фасадом. По мнению Ухваткина магазинчик был именно здесь, но сейчас его нет. Они были немного обескуражены таким поворотом событий.

Рекламные щиты, стоящие прямо по центру улицы, начали раздражать не только Ухваткина, но и Черникова. Проспекту они не добавляли ни красоты, ни привлекательности, да и туристам, по всей видимости, они были нужны, как собаке пятая нога, одна лишь выгода для чиновников: коррупция да небольшие вложения в бюджет. Город хочет стать привлекательным для туризма, так съездили бы в города Золотого Кольца и посмотрели бы, как это делается; там по центру пешеходных улиц клумбы с цветами и скамейки для отдыха, а не рекламные монстры.

Они ходили бы ещё долго, пока на сотовый телефон Алексея не поступил вызов:

— Мне надоело наблюдать за вами, остановитесь и поверните голову вправо.

Ухваткин так и сделал, прямо перед ним, в пяти шагах, за невысоким ограждением кафе и за пластмассовым столиком сидел лысый человек в очках с золотой оправой, смотрел на них и держал мобильный телефон у правого уха.

Они зашли за ограждение и направились влево к угловому столику, попутно обозревая обстановку заведения на свежем воздухе. Сказать под открытым небом, не поворачивался язык, так как цветной полог над головой своей недостаточной высотой мешал открытости и давил на посетителей.

Реально Глеб Викторович оказался в том виртуальном образе, с которым познакомился несколько дней назад Черников, единственное отличие — одежда. На нём были: тёмные брюки в светлую полоску, возможно, это такой тип джинсовой ткани; голубая сорочка с длинными рукавами и завёрнутыми манжетами на два оборота, тем самым кистям рук предоставлялось больше свободы; ноги в остроносых чёрных туфлях с выглядывающими из-под брючин светлыми носками.

На столе пепельница с дымящейся сигаретой в ней и высокий фужер с логотипами пива "Балтика" на стекле, заполненный на две трети золотистой жидкостью.

— Присаживайтесь, молодые люди, моё время не безгранично, а нагуляться по столь прелестным местам вы сможете и после беседы, — пригласил их за свой столик смотрящий.

"Совершенно не похож на представителя уголовного мира", — отложилось в голове у Черникова, хотя этих самых представителей кроме как в кино или по телевизору, он и не видел.

Ухваткин представил их друг другу. Черников пробовал сканировать процесс мышления своего нового знакомого, но ничего не получалось, в голове того не было никаких мыслей, а слова возникали прямо из ниоткуда.

"Странно, когда ставят блокировку, как Машка, например, всё выглядит иначе", — удивлялся он и потому слегка отстранился от разговора, анализируя свою неудачную попытку.

— Что новенького произошло со времени нашей последней встречи? — дежурно спросил Варев Ухваткина.

— Выздоравливаем потихоньку, вот только физиологическое лечение идёт много эффективней, чем морально-психологическое, — жаловался в ответ Алексей.

— Ну, морально-то я вас поддержу, а вот в остальном как получится, — произнося это, он сделал пару хороших глотков пива из фужера и предложил своим собеседникам, — а вы, господа, пивка не желаете?

— Мне пока нельзя, а помощник на работе, — ответил за двоих Ухваткин.

— Жаль, хорошее пиво, и обстановка располагает, как футбол смотреть вживую, там ноги с мячом, а здесь ноги без мяча, — произнося это, перевёл свой взгляд на людской поток, шуршащий, шаркающий и стучащий каблуками мимо.

— Дом-2, господа, на провинциальном уровне, сиди и смотри, — продолжил он, — кто-то из великих сказал, что человек может до бесконечности смотреть на огонь, водопад и как работает другой человек, а я бы добавил и на ноги, как они идут.

"Ещё один философ, у моего придурка все знакомые такие что ли?" — возмущался про себя Черников.

Но их собеседник неожиданно, словно услышав упрёки, повернул разговор в нужное русло:

— По делу скажу тебе, Алексей Иванович, прямо без утаек, мои всё проверили, нет нашего следа, это только твоё окружение

в бизнесе или политике, там ищи следы.

Он хорошенько приложился к фужеру, и, когда поставил его на стол, пива осталось уже меньше половины.

— Поверь, сатисфакции и мне хочется, так что я работаю в этом направлении, но пока безрезультатно, так что давайте держать друг друга в курсе дела, — закончив монолог, Варев закурил новую сигарету и стал смотреть мимо Ухваткина на двигающий людской поток за его спиной.

Алексей Иванович молчал, собирался с мыслями. Он предпочитал больше слушать, веря в подготовленность и информированность смотрящего, а также в его интеллект, знал, что тот скажет всё, что посчитает нужным, но не более того. Какие бы вопросы потом ни задавали ему, он ускользнёт от ответа как уж, если заподозрит, что любой ответ даже косвенно может нанести ему вред.

— Наши бывшие дела временно приостановим, пока обстановка не прояснится, Помпея с медиумом познакомил я, это мой человек, и он здесь не при чём, — продолжил говорить Варев.

Ухваткин слегка дёрнул бровями, не скрыв мимолётного удивления, но Глеб Викторович тут же всё и прояснил:

— Меня осведомил бывший мэр, даже не так, совершил маленький наезд на меня после вашей беседы с ним.

— Ну, тогда мы пойдём, вы ответили почти на все мои вопросы, которые я собирался задать вам, — неожиданно произнёс Ухваткин и поднялся со стула.

— Рад был помочь и знакомству, — пожимая руки на прощанье, говорил Варев, — а вы, молодой человек, необычный субъект, от вас исходит энергетика механического, даже можно сказать, неземного плана. Я уже второй раз встречаюсь с такими людьми, в прошлом году, если память не изменяет, отставной военный с фамилией Хрусталёв искал свой угнанный автомобиль и предпринимал попытки промывания мозгов, теперь вы, уж не эпидемия ли у нас в городе?

Черников пожал плечами, стараясь не показать вида, что высказывания смотрящего попали в точку, но про себя подумал: "Опять Хрусталёв! Известная в городе личность оказывается, сволочь!"

У Андрея Викторовича запылали щёки и зажглись ушные раковины, да так, что он остановился в коридоре корпуса физического факультета и сначала потрогал пальцами уши, а затем приложил кисти рук тыльной стороной к щекам, стараясь погасить жар в местах прикосновения. То ли руки были холодными, то ли чисто психологический эффект возымел

действие, но градус кожи сначала понизился, а затем и вовсе стал приходить в норму.

"Кто-то ругает", — подумал он по старой народной традиции.

Постоял немного, оглядываясь вокруг. Хотя со времени последнего посещения здесь ничего не изменилось, разве только народу стало больше, который, как муравьи по незримой тропинке, сновал взад вперёд от главного входа через коридор первого этажа наискосок к лестнице, огибая стоящего перед ней Хрусталева, который наконец решился и шагнул по ступенькам вверх. Лестница была широкой с литым чугунным ограждением и стёсанными ступенями, за всё время существования здания огромное количество пар ног прошло навстречу друг другу, отполировав и стерев кромку камня, но в некоторых местах были сколы и выбоины, значит, не просто ходили, но и грызли гранит науки в прямом и переносном смысле.

На свежевыкрашенной стене светло-серой бюджетной краской скотчем прикреплён бумажный лист формата А-4 со стрелкой, указывающей направление куда-то вверх, и крупным текстом "Приёмная комиссия".

Поднявшись на второй этаж, Андрей Викторович опять по диагонали вправо пересёк коридор и вошёл в аудиторию с открытой дверью. Помещение было большое с огромными окнами и с зеленью в цветочных горшках на подоконниках. Слева от входа до самого первого окна тянулась глухая стена, ровно в середине прерываясь лёгкой, по сравнению с входной, закрытой дверью. Справа стоял казённый рыжий шкаф со стеклянными дверцами, такие шкафы стояли и тридцать лет назад в каждом школьном кабинете, внутри его виднелись стопки бумажных папок под алфавитными буквами.

"Надо же, до сих пор сохранился, — удивился про себя Хрусталёв, — такой точно был у нас в классе, когда я учился".

Он сделал несколько шагов и, миновав шкаф, который закрывал обзор, вышел на средину, остановился, чтобы осмотреться, и если зрительно не обнаружит Рогалёва, то тогда определить, к кому можно обратиться по поводу его дальнейших поисков.

Так как он опять стоял на единственном пути между входом и залом с правой стороны, в который все и стремились попасть, его начали слегка подталкивать то сзади, то сбоку молодые люди, по всей видимости, абитуриенты, кто в одиночку, а кто и с родителями, солидными и не очень, дядьками и тётками. Ему пришлось постоянно слышать: "Извините, простите, разрешите".

Зал, в который прорывались абитуриенты и выходили из него, представлял собой пространство, образованное двумя

рядами столов, расположенных напротив друг друга. За столами сидели молодые девушки, на столах бумажные папки и чистые бланки чего-то, то ли заявлений, то ли анкет. В междурядье напротив каждого стола стоял стул, который занимался жаждущим побеседовать с девушкой после того, как подойдёт его очередь. Широкий проход между столами и был занят той очередью ожидающих.

Хрусталёв перевёл свой взгляд вперёд, там также у окна обособленно находился ещё один стол, но стула при нём не было. Две девчонки тихонько говорили о чём-то с женщиной лет пятидесяти, сидевшей за столом, они спрашивали, она отвечала. Расслышать что-то с того места, где стоял Андрей Викторович, не представлялось возможным, да и вообще, шумовая обстановка походила на ту, которая присутствует в читальных залах библиотек, все говорили почти шёпотом или вполголоса.

В этот момент обе девушки отошли от стола и мимо него стали пробираться к выходу. Стол, у которого они стояли, открылся полностью, и Хрусталёв увидел на нём, кроме различных бумаг, стоящую табличку "Секретарь". Тогда он смело шагнул в этом направлении и, ещё не достигнув края стола, словно боясь, что занимающие проход люди повернутся к столу и начнут диалог с секретарём, сказал:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — ответила ему женщина, бросив в его сторону нейтральный взгляд, — вы за документами? Фамилия? Факультет?

— Нет, извините, я хотел бы увидеть Алексея Борисовича.

— Ирин! — позвала она кого-то громко.

— Да, Нин Васильевн? — обрывая окончания, ответила Ирина из середины зала.

— А где у нас Борисыч?

— Не знаю, был здесь, может, вышел куда, но мне он ничего не говорил.

— А вот он и сам идёт, — радостно воскликнула женщина в очках, направляя свой взгляд через плечо за спину Хрусталёва.

Андрей Викторович повернулся и увидел Рогалёва, который продвигался от входа в его сторону. Хрусталёв сделал пару шагов навстречу и, остановившись, протянул руку для приветствия со словами:

— Здравствуйте, Алексей Борисович, я к вам.

— День добрый, проходите, — ответив на приветствие, тот дёрнул ручку двери в стене.

Дверь оказалась запертой, тогда он обратился к секретарю:

— Нина Васильевна, вы опять закрыли дверь?

— Не закрывала, наверное, сама захлопнулась, возьмите ключ, — она протянула через стол руку с ключом и металлическим колечком.

Хрусталёва поразила её рука, не столько рука, а сколько пальцы с длинными крашеными ногтями, даже не сам маникюр, а целый ряд перстней и колец на них. Такой набор золотых украшений никак не свойственен жрицам науки и больше подходит для женщин данного возраста, работающих в торговой сети, причём продовольственной.

Широкое золотое кольцо на безымянном пальце свидетельствовало о том, что её обладательница выходила замуж более тридцати лет и до сих пор живёт в счастливом браке. Немного поуже на среднем пальце, но с множественными каменными вставками, похожими на бриллианты, ни о чём не говорило окружающим, хотя для обладательницы оно, скорее всего, было подарком на юбилей или какое-нибудь значимое событие.

Перстень на указательном пальце с огромным, сверкающими гранями, рубином овальной формы, по всей видимости, был семейной реликвией и достался по наследству от матери или бабушки.

Так думал Хрусталёв, загипнотизированный блеском золота и драгоценных камней, потому непроизвольно вытянул шею и пытался рассмотреть второю руку на предмет аналогичных ценностей, не обращая внимания ни на лицо с очками, ни на всю фигуру в целом. Но в этот самый момент из-за его спины вышел помимо Рогалёва, перехватившего ключ, ещё и парень, который остановился у стола секретаря. Он и перекрыл обзор Андрею Викторовичу, лишив его память возможности запечатлеть украшения второй руки неизвестной ему Нины Васильевны.

— Проходите, — вернул его из небытия Алексей Борисович, открывший уже дверь и жестом приглашавший войти в другое помещение.

— Нина Васильевна, прошу меня с полчасика не беспокоить, но разве только в крайнем случае, — произнёс он, когда уже Хрусталёв проследовал мимо него.

Помещение было маленьким, в нём с трудом разместились три стола и двухстворчатый шкаф. Дверь за спиной захлопнулась, Алексей Борисович так шустро, не беспокоя Хрусталёва, проскользнул к дальнему столу у окна, бросив при этом гостю на ходу:

— Присаживайтесь.

Андрей Викторович, как и следовало ожидать, выбрал ближний стол, который справа и уселся за ним, так как других

посадочных мест, кроме как за столами, не было.

— Вижу, с вами определённо ничего не произошло, — начал диалог Рогалёв.

Хрусталёв посмотрел на него и подумал, что с ним тоже ничего не произошло, всё тот же костюм, что и год почти назад, когда происходила их встреча, сорочка и галстук другие, да бородка короче и аккуратней. Но нет, что-то в нём было нового, это что-то не определялось пока, и потому Андрей Викторович перестроил фразу, готовую сорваться с языка, и произнёс:

— А что вы ожидали?

— Мало ли что могло случиться, используя вы браслет на полную мощность, — как-то неопределённо выразился Рогалёв.

— Полная мощность? Не измерял и даже не знаю, как это делается, но всё, что преподала мне Мария Анатольевна, то я и освоил, под её руководством, — уверено и с достоинством отчитался Хрусталёв.

— Что же тогда вас привело ко мне? — скорее не удивлённо, а заинтересованно спросил учёный.

Он откинулся на спинку стула и левой рукой поправил чёрную чёлку. Тут до Хрусталёва дошло, что нового было в Рогалёве, — это цвет его волос. Из пепельно-серых они превратились в чёрные. Теперь перед ним сидел брюнет, с волосами бороды и причёски одинакового цвета.

"Перекрасился и помолодел", — искрой пронеслась мысль в голове у Андрея Викторовича и принесла ему успокоение и комфорт. Беспокойство неизвестности, возникшее в первую минуту, исчезло, перед ним сидел всё тот же Алексей Борисович, только в настоящий момент более лояльно относившийся к нему. Хрусталёв опустил голову и посмотрел на свои руки, лежавшие перед ним на столе, но вместо конструирования ответной реплики, он почему-то представил, как бы на его пальцах смотрелись украшения Нины Васильевны.

"Глупо бы выглядели, не сочетались с браслетом", — оценил он виртуальный набросок и улыбнулся сам себе.

— Я бы хотел для вас стать сталкером, — более неожиданно для себя, чем для своего визави ответил Хрусталёв.

Он даже не понял, почему произнёс это слово, ведь, как помнится, оно никогда не входило в его лексикон. Истинное значение, т. е. толкование и смысловая нагрузка, по наитию казались ему знакомыми и отражали в точности то, что собирался городить и объяснять бесконечно долго Рогалёву, пока тот не поймёт его и не даст этому понятию своё научное определение.

— Вы что начитались братьев Стругацких или Тарковского насмотрелись? — с беззлобной усмешкой на губах спросил

учёный.

— Никого я не смотрел и не читал, я побывал там, куда вы стремились, и со мной ничего не произошло, — начал Хрусталёв обиженно защищаться.

Ведь он действительно не читал Стругацких, а фильм смотрел давно, оттого и не помнил в чём там суть, и потому в данный момент не знал, как реагировать на слова Рогалёва.

— Я хочу туда снова, но не знаю зачем, — наконец, успокоившись, пояснил он.

— Но в прошлый раз вы зачем-то туда ходили? — спросил его Алексей Борисович.

— В прошлый раз я выполнял просьбу Марии Анатольевны, выпросил обратно память Черникову.

— Так, понятно, вы видите во мне руководителя проекта, так сказать, царя: пойди туда, не зная куда, принеси то, не зная что, — не смог удержаться от скептицизма Рогалёв.

— А о чём, вообще, спросили бы учёные, ну или просто люди, население земли, у Вселенского разума, если бы им представилась такая возможность? — без прелюдий перешёл к осуществлению своего плана на диалог Хрусталёв, проще выражаясь, он старался перехватить инициативу.

— Что вы вкладываете в понятие Вселенский разум? — несколько смутившись неожиданным поворотом разговора в пока непонятную сторону, Алексей Борисович начал рассматривать и перекладывать бумаги на своём столе.

— Абсолют, Макрокосм, если хотите, более развитая цивилизация инопланетян, — продолжал наседать Андрей Викторович, почувствовав уверенность в себе.

— Наверное, в чём суть жизни, а у учёных, возможно, были бы свои узконаправленные вопросы, — нехотя поддерживал нить разговора Рогалёв, потому и отвечал расплывчато и неопределённо.

— Они спросили бы про большой адронный коллайдер и сверхмалые частицы, — с сарказмом, переходящим в восторг, изрёк Хрусталёв.

— Что вас так развеселило? — изумился учёный, оставив в покое свои бумаги и подняв голову, посмотрел на своего собеседника, словно примеряясь, достоин ли оппонент спора с ним, — уж не коллайдер ли?

— А что коллайдер, ну запустят его, докажут или обнаружат там, уж не знаю, как сказать, существование сверхмалых частиц, затем построят сверхмалый коллайдер, но станут ли от этого они счастливее, а тем более простые люди? — задал Андрей Викторович вопрос, как бы сам себе тут же и ответил, — думаю,

что нет.

Он сделал паузу, но всем своим видом показывал, что намерен продолжить излагать свою мысль, опустил взгляд вниз, развёл руками по столу, будто бы разглаживая скатерть, которой не было, и, набрав максимальный объём лёгких, выдохнул и вместе с воздухом выпустил самое сокровенное, о чём он думал уже многократно:

— А не станут счастливее, будут тревожиться и искать своё счастье, а рядом будет супертехника, но она не поможет в поисках потому, что природу души она не изучает, потому как механически постичь это невозможно.

— Так вы что, ходите туда за счастьем? — ещё больше удивился Рогалёв, так и не определив, в какую область диалектики клонится разговор: теософскую, философскую или, вообще, гремучую смесь, метафизическую.

— Счастье — это состояние души, как говорят творческие люди. Душа находится в гармонии с мыслями или разум в гармонии с душевным состоянием. Мне хочется идти туда за знаниями, за информацией касательно души, — пояснил Хрусталёв.

Сам он всё больше понимал, что его запал начинает проходить, уверенность улетучиваться, а вместе с ней исчезают конкретные слова, подобранные накануне при подготовке к разговору, и остаются лишь голые мысли, которые он не может передать своему визави так, как они иногда делают с Марией.

— А зачем вы мне это говорите? — из уст Рогалёва звучал не упрёк или усмешка, а лишь уточнение.

— Понимаете, если вам я не сумею объяснить…, - начал Андрей Викторович и слегка запнулся.

— То они не поймут вас, — помог ему учёный.

— Нет, они как раз поймут, им не нужны мои слова, — спокойно и мягко продолжал Хрусталёв.

— Так в чём же дело? — выказывал нетерпение Рогалёв.

— Дело в том, что, возможно, я не смогу понять их объяснения или пойму, но не смогу трансформировать на человеческий язык и тогда возможен коллапс моего сознания, я начну жить в понятом лишь мной мире, — и Андрей Викторович довольный откинулся на спинку стула, так как ему показалось, что его, наконец-то, поняли.

— Проще говоря, вы сойдёте с ума, — подтвердил его догадку о взаимопонимании Рогалёв.

— Возможно, это просто так будет выглядеть для окружающих, — чуть-чуть скорректировал позицию Хрусталёв.

— Хорошо, допустим, я понял вас, но что вы конкретно

хотите от меня, — на полном серьёзе спросил учёный.

— Я хочу от вас, чтобы вы ставили мне конкретные задания, чтобы, держа их в голове, я не утрачивал связи с реальностью, — просто пояснил Андрей Викторович.

— Ну и ставьте сами себе такие задачи и гуляйте с ними, сколько вам хочется, — также просто ответил ему Рогалёв.

— Себя не обманешь, не может быть в человеке двойного стандарта для себя, не может он раздвоиться внутри себя, там он живёт или в согласии с Миром или в антимире, т. е. мире, выдуманном им и удобном для него, — терпеливо и последовательно объяснялся Хрусталёв.

— Вот вы и держите в голове вопрос про коллайдер, — опять на полном серьёзе, без намёка на сарказм, предложил ему вариант выхода из затруднительного положения Алексей Борисович.

— Мне о нём фактически ничего неизвестно, а трактовки учёных — это всё равно, как объяснения умалишённых, люди просто знают, что это учёные и верят им, не вникая глубоко в суть изрекаемого ими, — честно признался Андрей Викторович.

— Получается, если верить душевно больным и вникать в суть их бреда, то есть возможность узнать что-то интересное? — домыслил недосказанное Рогалёв.

— О таком говорят уже давно, но я не об этом, я о конкретном задании, которое было бы интересно и вам, и доступно моему разуму, но вот, например, антиоружие, — решился ещё одно своё креативное рассуждение придать огласке Хрусталёв.

— Простите, что? — переспросил его учёный, жаждая подтверждения, что он не ослышался.

— Анти-оружие, — повторил внятно и с небольшим интонационным разрывом после приставки слово Андрей Викторович.

— Для меня это понятие такое же, как для вас коллайдер, мы опять на разных полюсах, — сделал свой вывод Рогалёв и откинулся на спинку стула, сложив руки на груди в замок.

— Вопрос мог бы звучать так: "Можно ли создать антиоружие, которое нейтрализовало бы любое оружие, созданное или придуманное человеком для уничтожения себе подобных", — выпалил скороговоркой Хрусталёв, явно опасаясь, что его не только скоро перестанут понимать, но, возможно, и слушать.

— Хорошо, объясните мне, возможно, я пойму, как понял, для чего нужен коллайдер, — не стал противиться Алексей Борисович продолжению разговора и, разомкнув руки, положил их на стол.

— Человек мыслит, затевает дурное, но скрывает это, а вот

антиоружие обнаруживает такую злую, чёрную энергию и при помощи световой энергии рассеивает её, тот человек уже не испытает злобы и не хочет кому-то причинить зла, — снова с энтузиазмом взялся пояснять Хрусталёв.

— Но это, простите, из области телепатии и гипноза, внушение своих идей и замыслов другому субъекту, — мягко возразил учёный, ожидая очередного поворота беседы в неизвестную сторону.

— Телепатия и гипноз — это промывание мозгов, а здесь уничтожение чёрной энергии, которая способствует зарождению в голове злых замыслов, т. е. работа на более ранней стадии, — торжествовал Андрей Викторович.

— Хорошо, допустим, что я всё понял, ваше антиоружие — это антизло, но вот вам другая скороспелая идея, спросите их: мифы — это выдумка или реальность? — несколько оживился и Рогалёв.

— В их мире это одно и то же, выдумал, значит, уже сделал, — не задумываясь, ответил за тех, кому вопрос предназначался, Хрусталёв.

— Получается, мифы — реальность, — сам себе прокомментировал услышанное учёный.

Наконец-то наступила долгожданная пауза, и оппоненты разбежались по своим внутренним закоулкам, начиная осмысливать и переваривать итоги разговора.

Рогалёв посмотрел в лицо Андрею Викторовичу, улыбнулся приветливо и произнёс:

— Если бы я не знал про браслет, то это выглядело как беседа двух сумасшедших.

— Многие добиваются высоких трибун, а потом несут такую чушь, но их слушают, верят им и не объявляют сумасшедшими, — улыбнулся в ответ Хрусталёв.

— Хорошо, Андрей…, - слегка замялся Рогалёв, видно, вспоминал отчество, — Викторович, если я не ошибаюсь, я обдумаю ваше предложение в общем и конкретные вопросы в частности.

— Как я узнаю результат? — спросил Хрусталёв.

— Вы оставьте свой телефон, вдруг мне придётся ещё консультироваться по конкретным вопросам, — ответил Алексей Борисович, поднимаясь из-за стола и показывая, что на сегодня уже разговоров достаточно.

Книга вторая. АНТИМИР.

Часть вторая

Суд же состоит в том, что свет пришел в
мир; но люди более возлюбили тьму, нежели
свет, потому что дела их были злы;
Евангелие от Иоанна 3:19.

Глава 11

Прошло две недели, а Рогалёв так и не звонил. Хрусталёв уже начал корить себя за своё косноязычие, ставшее тем камнем преткновения, который, как ему казалось теперь, и не позволил учёному понять его. "Возможно, он просто избавился от меня". Андрей старался меньше думать о том разговоре, размышлять о чём-то другом, например, почему его беспокоит любопытство, когда оно сформировалось в его подсознании и как это произошло.

"Нужно вернуться в прошлое и отыскать корни моей любознательности", — однажды пришла ему такая идея. Поначалу он отмахнулся от неё, как от назойливой мухи, но она оказалась цепкой и устойчивой и повторялась снова и снова. Тогда он попытался освободиться от неё простым способом, разбив на составляющие и проанализировав части, выпустить их на свободу, но получилось всё наоборот: как только он привёл первый контраргумент, который тут же и превратился в аргумент, дающей ей право на существование и оправдывающий её.

"Пойди туда, не зная куда, и найди то, не зная что. Хотя последнее и известно, но остальное… Стоп, — то же самое мне говорил Рогалёв, я требовал от него, а он не понял и начал обороняться. Я делаю то же самое по отношению к идее".

"Что же произошло в детстве? Что смогло разжечь огонь любопытства, который горит столько лет? Что? Ведь в детстве всё объясняют взрослые или сверстники, если ты неудовлетворён, тогда ищешь ответ сам. А если объяснили, и ты не согласен, а ответа так и нет, возможно, ты будешь искать его всю последующую жизнь".

"Школа? Школа нет, там ставят вопросы, отвечают на них и требуют повторить. Никакой самостоятельности и инициативы. Значит раньше. Так что же было раньше?"

Он начал перебирать скудные отрывки из самого раннего детства. В его памяти восстанавливалось, как ему одно время снились кошмары, он ложился спать и проваливался в тёмную бездну, летел и орал, просыпался от своего истошного крика или от потряхивания, когда тормошила его мать. Иногда во сне за ним гонялись монстры, и он бежал от них, а пробуждался и чувствовал, что сердце готово выпрыгнуть из груди. Матери надоело вставать по ночам, и она отвела его к местной деревенской знахарке. Дородная тётка, которая с трудом переносила своё грузное тело на больных ногах, зажгла свечку, пошептала что-то над ним и сказала матери:

— Это кто-то его напугал, придите домой, нарисуйте отметину его роста на двери, как перерастёт, так всё и пройдёт.

Действительно всё закончилось неожиданно, кошмары сами собой перестали сниться, когда дед, любитель измерять рост внука и называющий его сыночком, в очередной раз занялся такой процедурой, то все удивились, как он быстро перерос старую метку на целую толщину пальца.

"Всё не то, что-то было ещё". И тут ему вспомнилось, как он не любил спать днём и его укладывали или бабушка или дед, так как родители в такое время всегда были на работе. Кто-то из них ложился с ним на мягкую постель, гладил по головке и рассказывал ему что-то, и он засыпал.

Они закрывали уголок за голландкой, так называлась печь для обогрева дома, занавесью из ситца, оставляли у кровати железный горшок с крышкой и уходили по своим делам. Да-да, вот тогда что-то произошло. Он видел кого-то, но ему сказали, что это всё приснилось, что это плод его воображения. Интересно, что же было тогда на самом деле?

После этого он стал любителем слушать необычные истории, когда дома у них собирались деревенские бабушки, в основном их родственники, и рассказывали мистические страсти про святых, покойников, про бога. Он сидел и внимал, раскрыв рот, боясь пропустить хоть одно слово. Потом он пошёл в школу, там ему быстро вправили мозги, да и бабушки стали собираться всё реже, а затем они просто куда-то подевались. В школе про бога и религию отзывались нелестно, так и вырос осознанный атеист с мистикой в подсознании.

"Давненько я этого уже не делал".

Он решил сделать попытку заглянуть в прошлое, в закоулки забытого детства, но что будет якорем, пока не придумал. Якорем он называл то, что зацепит его сознание за реальность, прошлый раз в такой роли выступил будильник. Якорем может быть и кто-то, кто рядом, кто сумеет вернуть его на грешную землю. По таким пустякам он не хотел обременять Марию, да она и могла не одобрить данную идею, более похожую на блажь, на баловство.

Новое не изобреталось, и он поставил будильник на сотовом телефоне на пять минут вперёд и положил его рядом с собой. Откинулся на спинку дивана, закрыл глаза и расслабился.

Спокойствие и теплота наполняли его изнутри. Он мысленно представил, как совмещаются кнопки, на его безкнопочном браслете, как выбирается нужная комбинация. Серый туман ожил, задвигался. Он летел в нём, он это чувствовал. Он приближался к свету; с боков, снизу, сверху стали проскальзывать искорки. Их становилось всё больше, и они удлинялись. Наконец световое

пятно начало расширяться и захватывать весь горизонт, весь обзор, и он влетел в него. Яркий свет ослепил его, так как туман неожиданно кончился, но и это продолжалось недолго. Всё погасло и высветилось снова, но полёта уже не было, не было и слепящего света, и серого, плотного тумана тоже не было.

Живая картинка. Полумрак. Белобрысый мальчик спит на кровати. Он лежит на тёмно-красном плюшевом покрывале, а голова на уголке длинной, почти в ширину кровати, подушки. Он лежит на боку, лицом в сторону стены, на которой висит плед с рисунком леса и оленя на переднем плане. Накрыт ребёнок детским байковым одеялом.

Вдруг он переворачивается на спину и открывает глаза, будто и не спал вовсе, а только притворялся и ждал когда все уйдут, но лицо выглядит заспанным, на левой щеке красная полоска, которая продолжается до лба и там обрывается. Веки припухшие и полностью не открыты, но из светло-голубых радужных оболочек видны зрачки, которые направлены в потолок. Там что-то интересное или просто, взгляд спросонья направлен вверх. Проверить, куда он смотрит, нет возможности потому, что оттуда за ним и наблюдают.

Где-то там за стеной послышались приглушённые голоса и бряканье пустых ведер, мальчик приподнял голову, вслушиваясь, но звуки прекратились. Он негромко позвал:

— Баба!

Ответа не последовало. Ребёнок подождал ещё немного, откинул одеяло, сел и, подгибая ноги в серых простых колготках, на заду скачками придвинулся к краю кровати. Перевернувшись на живот, слез с неё и, встав на ноги, приблизился к занавесу, который был лишь в полуметре от кровати.

Маленькими ручонками мальчуган ухватил низ занавеса и потащил его в направлении печки. Проделывал он это деловито и упорно, было видно, что навыки уже отложились в его памяти прочно. Занавеска поначалу не поддавалась, лишь вытягивалась всё больше и больше, превращаясь по верху в гармошку, а по низу скручиваясь в жгут, но вот не выдержав напора, тронулась и заскользила по натянутому проводу в голубой виниловой оплётке.

Дневной полумрак, создаваемый занавесом над кроватью, исчез, как только мальчик, похожий на маленького бурлака, зашёл за печку. Ему уже было трудно тянуть, так как на самом верху, там где ситец касался проволоки, образовался плотный тромб из материала. Бурлачонок попыхтел немножко где-то там за печкой, но занавес более не продвинулся ни на миллиметр, тогда он бросил его и вышел на свет.

Осмотревшись, он заглянул под кровать и с грохотом вытянул из-под неё белый эмалированный горшок. Вместе с горшком выкатился резиновый мячик, маленький, размером с бильярдный шар, зелёного цвета, с красно-сине-жёлтой полоской посредине, делящей его ровно на две половинки.

Удалив крышку, а сам, спустив в область колен колготки и детские трусики, подобрав майку, мальчишка усаживается на горшок. Он берёт в руки мячик и бросает его под кровать. Мячик ударяется под кроватью о стену и возвращается к мальчику, выкатываясь прямо ему под ноги. Так он проделал несколько раз и каждый раз мячик возвращался в район ног, но вот последний бросок оказался неудачным, вместо одного удара послышалось два. Мячик, срикошетив, выкатился ровно в метре от ребёнка, тогда он, используя ноги, придвинулся вместе с горшком к мячику, взял его в руки, тем же способом вернулся на прежнее место и снова бросил мячик под кровать. На этот раз послышался всего лишь один шлепок, а мячик вообще не выкатился.

Он подождал ещё немножко, приложил маленькие ладошки к ушкам, слегка потрепал их, прошёлся правой рукой по еле заметному чубчику, больше похожему на вихор, затем наклонился и сделал попытку заглянуть под кровать. Поначалу ему никак не удавалось, ведь чем он сильнее клонился вниз и поворачивался влево, тем неустойчивей было его положение: горшок со спины отрывал свое днище от пола, и возникала вероятность опрокидывания. Ребёнок ощущал это и понимал, что может упасть, потому он прекратил прежние действия и слегка отодвинулся от кровати, лишь после этого, левой рукой держась за кровать, наклонился и заглянул туда, куда стремился несколько секунд назад.

Какое-то мгновение он находился в согнутом положении, терпеливо высматривая под кроватью в полумраке свой мячик, но затем поднялся, придвинулся спиной к кровати и, хлопнув ладонями по голым коленкам, словно досадуя о потере любимой игрушки, затих.

Тут неожиданно мячик сам выкатился на свет и остановился в полуметре от мальчишки, будто тот, кто сидел под кроватью решил всё же продолжить игру. Ребёнок удивился и обрадовался одновременно и снова хлопнул ладонями по коленкам, как бы признавая, что именно такой жест оказался волшебным и помог возвратить мяч. Хлопкам мальчика начали вторить шлепки босых ног под кроватью. Мальчуган насторожился и сделал попытку снова заглянуть под кровать, но здесь создающий шум сам показался и вышел на простор.

Да действительно вышел, не нагибаясь, не приседая и ползя,

а вышел в полный свой рост. Мальчишка увидел это создание и замер от любопытства, рассматривая его. Маленький человечек, похожий на куклу, с лысой головой и огромными морщинами на лбу. Они рассматривали друг друга, пока гном не катнул босой ногой мячик в сторону ребёнка. Мячик ударился о ноги малыша, тот посмотрел на игрушку и потом снова перевел взгляд на стоящего перед ним человечка, а затем протянул вперёд руку с готовностью потрогать его. Но в этот момент в коридоре послышались голоса, и один из них женский отчётливо произнёс:

— Пойду, посмотрю, должен уже проснуться.

Лысый дядька отчего-то в этот раз уже бесшумно, но очень проворно метнулся мимо мальчика в поддувало печки и там исчез, в тот же миг скрипнула дверь, и висевший на ней крюк закачался, как маятник, и несколько раз ударился о её поверхность от энергичного рывка, открывшего дверь, создал звонкий, скрежетавший шум. Дверь распахнулась и впустила в комнату электронный ветер, который нарастал, завывал и становился узнаваемым реалтоном, мелодичной песней популярного квартета ABBA.

Дверь, комната, мальчик исчезли неожиданно, их выветрила музыка, заполнив всё темнотой. Хрусталёв открыл глаза, рядом во всю свою электронную мощь на английском пел сотовый телефон, — так работал будильник. Он нажал на кнопку останова, мелодия прекратилась, снова закрыл глаза, и тогда ему стало казаться, что он слышит, как продолжает качаться крючок на двери, издавая тот неповторимый звук из двух составляющих: шарканье металла о дерево и хруст сцепления крючка в проушине, когда раскачиваясь, тот достигал своих крайних положений. Но желанной картинки уже не было.

Он снова открыл глаза и сидел, не двигаясь в течение неопределённого времени, так как время для него остановилось, а ему к тому же казалось, что изображение перед ним воспринимается лишь глазами, а мозг отказывается анализировать, разбрасывать по ячейкам памяти, чтобы сравнить и принять какое-то решение. В общем и целом, Андрей находился в состоянии оцепенения, мозг не работал, он спал с не отключёнными датчиками, которые передавали свои сигналы, но они не обрабатывались.

Но вот безвременье закончилось само собой, откуда-то снизу от сердца шёл поток живительной энергии. Он принёс импульс на отключение ступора и инородную мысль.

"У всего есть причина и следствие, мы сами себе создаём проблемы, обстоятельства лишь помогают нам, усиливая или ослабляя их".

"Да уж, это точно, но почему я не заглянул в глаза тому домовому. Ведь это был домовой? Бред, домовых нет. Почему он начал с ним играть? Почему ракурс не менялся? Обширный обзор, но статичный".

"Ну, что стало легче? Много нового узнал? То-то же, за дверью новая дверь, и так до бесконечности".

Тут снова раздался реалтон, который заставил судорожно дёрнуться Хрусталёва, на сигналах будильника и вызова стояла одна и та же мелодия. На дисплее высветился незнакомый номер, Андрей помедлил, но любопытство как всегда взяло верх, нажал кнопку соединения:

— Да, слушаю Вас.

— Здравствуйте, Андрей Викторович, — послышался знакомый, но пока неузнанный голос, — заждались, наверное, моего звонка?

— Добрый день, Алексей Борисович, — произнёс Хрусталёв, наконец-то идентифицировав Рогалёва, — я, признаться, поначалу и не узнал вас.

— Значит, ждёт меня разорение и нищета, — отшутился народной приметой учёный.

— Я и не знал, что вы богаты, — в тон ему отвечал Андрей Викторович.

— Получается, что и я тоже не знал, — по инерции шутил Рогалёв, но затем, вспомнив, для чего сделал звонок, заторопился и сказал, — деньги нужно экономить, потому перейду к делу: я согласен на ваше предложение, более того, у меня готов и вопрос, но предварительно хотелось бы прояснить ситуацию относительно Марии Анатольевны.

— Я понял, Мария Анатольевна информирована о том, что я планировал встречу с вами, но помощь она не предлагала, по-видимому, у неё ещё существует остаточный сидром от того последнего эксперимента, — не удержался и искренне изложил своё видение обстановки Хрусталёв.

— А вы не могли бы узнать её отношение ко всему этому и по возможности вовлечь в наши мероприятия, хотя бы в качестве консультанта, — продолжал раскрывать свои намерения Рогалёв.

— Я введу Марию Анатольевну в курс дела, но обещать ничего не могу, — слегка забеспокоился Андрей Викторович.

— Хорошо, тогда слушайте вопрос, заодно и обсудите с ней.

— Весь внимания.

— Из сплавов каких металлов изготовлен браслет?

— И это всё? — неожиданно само собой сорвалось у Хрусталёва с языка.

— Да, а вы что ожидали? — удивился Рогалёв.

— Ну, например, способен ли человек сам генерировать идеи? Или это только иллюзия? — пояснил будущий сталкер.

— Это больше философский вопрос, а я всё же физик.

— Ну, тогда, что-то вроде коллайдера, — не сдавался Андрей Викторович.

— Вы, наверное, принимаете меня за какого-то крупного учёного, а я ведь простой препод, как говорят студенты, — он сделал небольшую паузу и добавил, — вопрос-то понятен?

— Конечно, простой вопрос, а по поводу остального, — раз есть степень, значит уже учёный.

— Приятно слышать дифирамбы, однако вернёмся к нашему вопросу, — настойчиво продолжал вести диалог Рогалёв в своём русле, — возможно ли повторить в земных условиях технологию его производства, ведь свойства металла необычны: сверхпластичен, сверхпрочен, необычайно лёгок, невидим, обладает сверхпроводимостью и, наверное, много есть ещё чего, о чём мы и не догадываемся.

— Действительно интересный вопрос, видимо я не понял его глубину сразу, — признался Хрусталёв.

— Рад, что мы достигли взаимопонимания, — удовлетворённо произнёс Алексей Борисович.

— Мне вам позвонить сразу или условимся о конкретной дате? — чувствуя окончание разговора, заторопился Хрусталёв.

— Звоните сразу по результату, тогда начнём и планировать.

— Хорошо, договорились, начинаю действовать.

— До свидания, жду звонка.

— До свидания и спасибо за согласие.

Нажав на красную кнопку и прекратив связь, Хрусталёв положил телефон снова рядом с собой на то же место, откуда его и взял, чтобы ответить на звонок. "Странная, но удобная вещь", — сопроводив телефон взглядом, подумал он.

"Как прореагирует Мария? Какую роль во всём этом сыграет Черников?" Он уже в мыслях охватывал проблему в целом, и она ему теперь не представлялась простой.

Ни с того, ни с сего Черников икнул, а потом проделал так несколько раз. Он отвинтил крышку с пэт-бутылки и сделал пару мелких глотков минералки, пить не хотелось, но и икать тоже.

Виктор сидел в своём маленьком кабинете в офисе и скучал, так как заняться было совершенно не чем. Ухваткин с утра укатил на очередной приём к своему доктору, затем в его планах была поездка к дочери в оздоровительный детский лагерь. Катька позвонила ему утром и слёзно просила забрать её, она уже отбывает там третью смену подряд.

"Вот стерва, на всё лето избавилась от девчонки", — зло выругался Алексей Иванович относительно бывшей жены. Хотя, конечно он и сам виноват, что прикрылся обстоятельствами и не вмешался в процесс организации летнего отдыха дочери.

"Мамы не стало, а сам ещё не готов", — так он размышлял о проблеме.

— Будь на связи, — бросил он последнее указание Черникову, покидая офис.

Их сотрудничество не принесло ожидаемых плодов, заказчиков покушения так и не удалось вычислить. Черников уже знал всю подноготную о случившемся, просканировал почти всё окружение Ухваткина, обладал нужной и не нужной информацией и склонялся к версии следователя, что здесь есть что-то личное, возможно месть.

Узнавая бизнес изнутри, и пользуясь своим преимуществом, Виктор всё больше убеждался в ничтожестве этих людей, их тупости и узости мышления. Одного он не мог понять, как они сумели пробраться на вершины местного олимпа.

"Значит, простой народ ещё тупее", — сделал он для себя парадоксальный вывод. Закрадывалась мысль, что будь и у них такие браслеты, возможно и они строили свою жизнь иначе. "Хотя у Машки и Хрусталёва есть, а что толку-то, не в коня корм, дело не только в браслете".

Ему теперь казалось, что добыть деньги, причём любую сумму, не составляло никакого труда, да, именно добыть, а не заработать. Единственно, что пока не высвечивалось в его сознании, что он с ними будет делать, ведь то, что делали те, у кого всё было в достатке, казалось ему мерзким и скучным.

Он открыл себе счёт в банке, завёл карточку, на которую перевёл все нажитые нечистыми способами сбережения главврача психиатрической больницы. Выполнил свои же обещания наказать негодяя. Денег оказалось прилично, около двухсот тысяч рублей, обналичил, вернул карточку на место и успокоился, теперь вот он не знал, на что их тратить и как объяснить Маше, откуда они появились.

Ему не терпелось посмотреть на реакцию главврача в момент снятия с карточки денег, но в отпуск того пока не отпускали, а для малобюджетной любовницы было достаточно и служебного протеже. Насладиться плодами мести не получалось, но на всякий случай он оставил на карточке энергетический маячок, который оповестит его, если владелец вставит её в банкомат.

Энергетические маячки — изобретение его собственное, об этом не знала даже Маша, он поставил уже три. Один на карточку главврача, другой в офисе Марии, реагирующий на слова "

Виктор" и "Черников", а также на его мыслеобраз, третий прицепил Ухваткину, с теми же параметрами активации, что и второй. Каждый раз, когда они срабатывали, он получал сигнал в виде вибрации на браслете и тогда, включая своё ясновидение и яснослышание, мог наблюдать за объектами.

Некоторые приёмы и методы Ухваткина строить бизнес всё же произвели впечатление и на Виктора: использование компромата имело хорошую перспективу с его способностями, а также идея о депутатстве не была лишена здравого смысла. С депутатством сразу же возникали две проблемы — это отсутствие высшего образования и связь с психиатрической больницей. При детальном рассмотрении всё можно было поправить: образование реально будет через год, его восстановили в университете, осталось подобрать нуждающегося в деньгах аспиранта, который будет за него учиться, и дело сделано; по поводу больницы, придётся потрудиться, переделать все карточки и разогнать весь персонал, кто имел отношение к его лечению.

Черникову приглянулась проблемная квартира Помпея, недалеко от Машиного офиса на набережной, её можно было сторговать за полцены. Если депутатство всего лишь перспективная идея, то с квартирой нужно решать немедленно, пока она не отошла кому-то за государственный счёт, а чтобы эта крыса Помпей был сговорчивей, нужно создать ему проблем согласно методике Ухваткина.

"Без помощи Ухваткина не обойтись, ведь только он сможет убедить Помпеева продать подешевле мне квартиру, и поддержкой заручиться нужно сейчас, пока клиент ещё отдыхает в отпуске", — рассуждал Виктор, играясь мобильным телефоном. Он подвешивал силой мысли телефон в воздухе над столом и затем разрешал тому падать в раскрытую ладонь.

Неожиданно завибрировал браслет, и Виктор, немного растерявшись и не успев среагировать должным образом на срабатывание энергомаячка, услышал мелодию вызова на мобильном телефоне. Номер определился, и номер принадлежал Ухваткину.

"Подумал обо мне и позвонил".

— Да, Алексей Иванович, слушаю вас, — вступил в телефонный разговор Черников.

— Я тут поразмышлял в дороге и понял, что сотрудничество с Варевым мне нужно не временно прекращать, а вообще заканчивать потому, что ничего хорошего и полезного оно не принесло и не принесёт, но так как я сам к нему обратился за помощью, то мне неудобно вести беседу о таком финале.

— Я вас понял, — не дал договорить ему Виктор, — вы

хотите, чтобы от вашего имени это сделал я.

— Вот именно.

— Я выполню ваше поручение, но Варев, как мне кажется, не простой человек и результат может быть непредсказуем.

— А ты постарайся, а я найду способ отблагодарить тебя за столь деликатное поручение.

— Хорошо, я постараюсь, Алексей Иванович.

— Я на полпути к лагерю, всё давай, — и он отключился от связи.

"Отлично, благодарность обещал сам, попрошу уговорить Помпеева, осталось разделаться с Варевым".

Воодушевлённый благоприятно складывающими обстоятельствами, Черников тут же позвонил Вареву, и, что самое удивительное, дозвонился с первого раза, и тот назначил ему встречу через полчаса в бильярдном клубе на проспекте.

"Везёт, так везёт", — позитивно мыслил он, отправляясь на встречу.

Клуб он нашёл быстро. Большая зелёная вывеска с надписью "Клуб бильярда" и чёрным силуэтом человечка во фраке и цилиндре с кием в руке была видна издалека. На входе фейс-контроль, охранник в тёмном костюме и при галстуке бросил на него оценивающий взгляд, приветливо улыбнулся и жестом пригласил внутрь.

В холле к Черникову, не сделавшему и пару шагов, сразу приклеился высокий стройный юноша в белых перчатках, на что Виктор больше всего и обратил внимание, не успев потому и рассмотреть его лица.

— Что желает, господин, — начал заученную речь юноша.

Но Черников не дал ему закончить и перебил:

— У меня здесь назначена встреча с Варевым Глебом Викторовичем, проводите, пожалуйста.

— Да, да, пожалуйста, следуйте за мной, — засуетился молодой человек и, показав рукой вправо, энергично двинулся в указанном направлении по проходу между столиками и отдельными кабинетами с бильярдными столами.

Игровой зал был пуст, и только в последнем отсеке двое молодых людей нехотя гоняли шары. Виктор еле поспевал за тёмной жилеткой и белыми рукавами в перчатках, после дневного света здесь, казалось, царил полумрак.

Они достигли конца зала, сопровождающий постучал в еле приметную дверь и, открыв её, жестом пригласил Виктора войти.

Это был отдельный номер, слева стоял бильярдный стол, справа столик с четырьмя креслами вокруг. За столом сидел Варев, перед ним лежали две раскрытые служебные книги, и

стоял рядом молодой человек, по всему виду администратор данного заведения. Варев что-то ему говорил, а тот подобострастно кивал головой. Лысина и золотая оправа очков блеснули одновременно при повороте головы Варевым по направлению входа.

— Проходите, не стесняйтесь, — обратился к Черникову Глеб Викторович и встал со своего кресла, протягивая руку для приветствия, а своему собеседнику добавил, — ну всё, Юра, давай сворачивай свою бодягу и распорядись, чтобы принесли два пива и орешек.

Они пожали друг другу руки, а Варев при этом пошутил:

— На этот раз быстро вы меня нашли, присаживайтесь.

Он рукой махнул в сторону кресла напротив. Черников плюхнулся на указанное место и постарался сделать попытку просканировать мысли собеседника, но тщетно, блокировка поставлена умело.

— Ну, выкладывайте, как там поживает любезный наш Алексей Иванович, чем он так сильно занят, что перекладывает личные дела на плечи помощников.

— Он решает семейные проблемы, — кратко ответил Виктор.

— Семейные дела — это святое, тогда ему можно простить, — продолжал шутить Глеб Викторович.

В этот самый момент появилась симпатичная молоденькая официантка, она более походила на стюардессу, в бордовой пилотке, такого же цвета жакете и мини-юбке и белоснежной с рюшками блузке. На уровне роскошной груди, никак не менее третьего размера, поднос с двумя высокими стаканами пива, называемыми коллинз, и тарелочкой с фисташками.

Расставив содержимое подноса на столе, она опустила его и посмотрела на Варева, очевидно ожидая от него дополнения к заказу. Черников бросил на неё раздевающий взгляд и впервые пожалел об этом: тело без одежды выглядело намного хуже, чем представлялось, синяки и кровоподтёки, да и размер груди визуально увеличивался поролоновыми вставками в бюстгальтере.

— Спасибо, нам пока больше ничего не нужно, — отпустил официантку Глеб Викторович.

Проводив её взглядом, Варев предложил Виктору пиво:

— Угощайтесь.

— Спасибо, — ответил Черников и, подняв со стола запотевший стакан, сделал пробный глоток.

На вкус напиток оказался прохладным, мягким и приятным. Варев приложился основательно, наверное, мучила жажда, его стакан сразу же опустел на одну треть.

— Рассказывайте, что вас снова привело ко мне, — дружелюбно предложил Глеб Викторович, возвращая стакан на стол.

Черников вкратце изложил пожелания Ухваткина и стал ожидать реакции Варева. Тот не спешил с ответом, в сторону Виктора не смотрел, возился с орешками, очищал их от скорлупы и отправлял ядрышки в рот. Наконец он произнёс:

— Я думаю, это будет правильно, такое сотрудничество нам обоим не подходит.

Он высыпал очистки на свободную тарелочку и, отряхнув ладони, взглянул прямо в глаза Черникову со словами:

— Я предлагаю вам закончить дело, начатое вашим шефом.

— Знаете, Глеб Викторович, это, по крайней мере, не корректно, — возмутился Виктор, — строить козни за спиной начальства.

— У вас просто нет выбора, молодой человек, — усмехнулся Варев.

— Ну, Глеб Викторович, не ожидал, что вы обо мне такого мнения, — всё больше раздражался Черников.

— Я тут воспользовался своими связями и навёл кое-какие справки, странный вы человек, Виктор из Возжаевска.

Черников насторожился, сердце застучало чаще, и прилив крови в область головы усилился, в ушах слегка зашумело, а сухость во рту стало ощутимой. "Сейчас из меня будут делать психа, попрекать больничкой". Собрав во рту остатки слюны, сглотнув их, слегка смягчив сухое горло, Виктор натужено спросил:

— Что же во мне такого странного?

— Вы горлышко-то промочите пивом, совсем голос потеряли, — сделал надменное ему замечание смотрящий и затем жёстко добавил, — по тебе тюрьма скучает, а ты всё форс держишь.

— Это вот так называется, брать на пушку? — старался, не теряя самообладания, защищаться Черников.

— На какую пушку? Изнасиловал одноклассницу, опозорил на весь маленький городок родственницу моего хорошего друга, вот теперь не знаю, что с тобой делать, то ли на кичу отправить, там таких ждут и голубят, то ли бандитам отдать, чтобы кастрировали, выбирай сам.

— Ваши связи — бабушки на завалинках, собираете сплетни и пытаетесь шантажировать нормальных людей, мелко и подло.

— Какие там сплетни, секс с Натальей Шабановой был? — и, не дождавшись ответа, Варев продолжил, — был, это уже не сплетни, а проверенная информация.

— Да мало с кем ещё у меня был секс, физиологическая потребность, не запрещённая законом.

— Слабое знание уголовного кодекса не освобождало ещё никого от ответственности, — нравоучительным тоном и со степенью превосходства продолжал издеваться Варев над Виктором, — статья тридцать первая, изнасилование, конец первого пункта: "… с использованием беспомощного состояния потерпевшей; — наказывается лишением свободы на срок от трёх до шести лет".

"Не зря бандиты поставили его смотрящим, разводит как лоха".

Тем временем смотрящий опустошив стакан на две трети, принялся снова за орешки, при этом продолжал оказывать вербальное давление на собеседника:

— Или ты надеешься ускользнуть от закона и укрыться в психушке? Так мы поможем, сделаем из тебя нормального психа.

— Что вы от меня хотите? — сделал тактическую уступку Виктор, но в душе он негодовал и думал лишь о том, как отомстит всей этой гоп-компании.

— Сотрудничества, сдай своего шефа, скопируй его диск с компроматом и все дела, а про одноклассницу со временем забудут, если сейчас волны не поднимать.

— А какие вообще гарантии?

— Какие гарантии? Нам нужно сотрудничество, мы специально никого не преследуем и мусорам не помогаем.

— Я подумаю.

— Думай, но недолго, диск нужен сегодня, а когда надобность в нём отпадёт, тебя сольют.

"Нужно создать тебе такие проблемы, чтобы ты забыл про меня".

"Всё, крепим маячок и уходим".

Черников демонстративно допивал пиво, поставив свой взгляд поверх отливающей золотым светом оправы очков смотрящего. Возвратив пустой стакан на стол, он поднялся и спросил Варева:

— Так я передам Алексею Ивановичу, что вы согласны.

— Ну, я же сказал, — промычал Варев, не поднимаясь и не подавая руки уходящему.

Глава 12

Созерцание природы на подъезде к детскому оздоровительному лагерю прервал телефонный звонок. Ухваткин нехотя посмотрел на дисплей, звонил помощник.

— Да, Виктор, слушаю, — раскрыв телефон, ответил Алексей Иванович.

— Хорошо, прошло без осложнений, но в упорной дискуссии, говоришь, — продолжая смотреть в окно автомобиля на сосновый лес, вёл телефонный разговор Ухваткин, — я ожидал, что он потребует компенсации, напуган взрывом, наверное, или хватку потерял.

В этот момент сосны, сдавливающие с обеих сторон узкую асфальтовую дорогу, расступились и обнажили большую стоянку перед воротами и сторожевым домиком. Домик больше походил на теремок из сказки, чем на КПП. Высоко над воротами набор металлических букв с уже вылинявшей за лето краской гласил: "Детский оздоровительный лагерь "Сосенки".

— Ну, ладно, подробности потом расскажешь, мы уже подъехали к лагерю, — произнёс Алексей и сложил две половинки телефона.

Оставив машину с водителем на стоянке, Ухваткин поднялся на крыльцо домика, по одну сторону входной двери, отсвечивая золотом на солнце, на стене висела табличка с извещением о том, что это детский оздоровительный лагерь, по другую — такого же размера вывеска извещала родителей о часах и днях посещения отдыхающих здесь детей.

Алексей усмехнулся, получалось, что приехал он не вовремя, но знал точно, что увидит свою дочь, а раз так, зачем вывешивать такой распорядок, который никогда не соблюдается.

Долговязый милиционер с лычками сержанта вежливо и терпеливо расспросил Ухваткина о цели прибытия, извинился за то, что дежурный по лагерю не на месте и попросил подождать в комнате для гостей. Ждать пришлось недолго, Катька появилась неожиданно, ворвалась словно ураган, прыгая сразу на двух ногах и выкрикивая:

— Папка приехал, папка какой же ты молодец, что приехал!

Она бросилась ему на шею, повисла и стала целовать, потом смутившись, так как пришла не одна, а в сопровождении воспитательницы, повернувшись к ней, отрапортовала:

— Виктория Викторовна, — это мой папа, Алексей Иванович.

Они традиционно поздоровались, как и полагается незнакомым людям, вынужденным по стечению разных

житейских обстоятельств общаться между собой, и Виктория Викторовна тактично удалилась, оставив их наедине.

В комнате прохладно, но шума от работы кондиционера не было слышно, по всей видимости, агрегат находился в смежном помещении. Папа и дочка уселись на диван и стали рассматривать друг друга.

Катька в глазах отца казалась повзрослевшей и по-новому интересной, возможной причиной такой неординарности могла стать скаутская экипировка, вообще такой он её ещё не видел. Одета она была по-мальчишески, в шорты цвета "хаки" с многочисленными кармашками и всевозможными причиндалами, светло-жёлтую тенниску с тёмными застиранными пятнами на коротком рукаве, на ногах что-то вроде резиновых шлёпок, в которых обычно ходят в бассейн или на пляж, а на голове выгоревшая за лето бейсболка непонятных серо-зеленоватых тонов. На шее у неё красовался синий галстук, более похожий на обыкновенный платок.

Кожа её выглядела необычайно смуглой, летний загар покрывал все открытые участки тела, а там, где обозначились многочисленные вздутия от укусов комаров, не наблюдалось покраснений, как это обычно бывает на кожном покрое, лишённом загара, с белым естественным фоном.

— Пап, забери меня отсюда, я устала отдыхать, — начала дочка сразу же, после первого традиционного вопроса отца: "ну, как ты тут".

— Кать, у меня работа, бизнес, и потом, с кем ты будешь целый день? Ты же будешь одна, — отец начал выстраивать линию защиты от просьб ребёнка.

— Ну и что? Ведь и здесь я тоже одна, и с мамой — я одна, у неё такие же проблемы и нет времени, — продолжала настаивать Катька, покачивая головой из стороны в сторону, но взглядом не отпуская глаз отца.

— Не знал, что у твоей мамы проблемы, — слегка раздосадовано ответил тот, откинувшись на спинку дивана и тем самым позволяя себе уйти от рентгеновского, как ему казалось, просвечивания.

— Проблемы дяди Славы стали маминими проблемами, — повторила его манёвр дочь, но более энергично, да так, что упругая спинка дивана отбросила её назад, чтобы загасить и сгладить удар детского туловища.

— А что случилось с дядей Славой? — несколько удивлённо и заинтересованно переспросил отец о тайнах чужой семейной жизни.

— Он — банкрот, — спокойно и по-взрослому ответил

одиннадцатилетний ребёнок.

— В каком смысле? — то ли не веря услышанному, то ли, сомневаясь, что такие вещи уже осознанно может трактовать его дочь, он оторвался спиной от дивана и, повернувшись в её сторону, заглянул прямо в лицо.

— В прямом и переносном, — кратко и демонстративно протяжно, с выделением ударных гласных в словах пояснила Катька.

— Катя, ты где нахваталась таких выражений? — с напускной родительской строгостью, словно опомнившись, что он разговаривает с малолетней дочерью, задал вопрос отец.

— Нигде! — почувствовав, что человек, который старше её, не находя иных аргументов, намекает на возрастную дистанцию, дочка отгородилась сама.

Алексей встал и сделал вид, что хочет ознакомиться с содержанием настенных стендов. Он подошёл к одному, где говорилось о нормах и правилах поведения отдыхающих детей в лагере, к другому, где информировали родителей о недопустимости передачи детям определённой группы продуктов, как первый, так и второй его мало заинтересовали.

Он перешёл к стене напротив дивана, где висела большая картина в массивной раме из дорогого багета, очевидно подарок благодарных родителей или спонсора. На репродукции незнакомого Ухваткину художника, судя по пейзажу, советского периода, была запечатлена в стремительном беге группа девушек-спортсменок. Загорелые и радостные, размахивая в движении полотенцами, они после утренних водных процедур на широкой и раздольной реке поднимались по косогору и спешили, по всей видимости, в свой спортивный лагерь.

Под картиной стенгазета "Скаут" с фотографиями. Алексей, просмотрев бегло вывешенные фото и не обнаружив там свой дочери, повернулся к ней лицом и стал ещё пристальней её рассматривать.

Катя сидела на прежнем месте, положив ногу на ногу, скрестив на груди руки, и имела вид насупившегося и капризного ребёнка.

— Что это означает: банкрот и какие-то смыслы? — поняв, что со строгостью, он теряет нить разговора, Алексей более мягко и в прежнем ключе обратился к ней за уточнением.

— А то и означает, у него финансовый и духовный кризис, — ответила по-взрослому дочь и, расставив ноги, продемонстрировала острые детские коленки.

— Финансовый понятно, а духовный откуда? — продолжал пытать дочь вопросами, отец подошёл к ней и стал напротив.

— Духовный оттуда, у вас, деловых людей, деньги и есть духовность, — подняв голову и глядя папе прямо в лицо, ответила Катя.

— Это тебя воспитатели такому научили? — присаживаясь снова рядом на диван, скорее утверждал, чем спрашивал отец.

— Нет, это я просто знаю, а воспитатели ничему не учат, они только всё запрещают: не делай то, не делай это, а сами поступают так, как не подобает, — энергично жестикулируя руками и высказывая своё мнение о процессах детского воспитания в лагере, она походила на юную фурию.

В такой момент на своего родителя Катька производила двоякое впечатление: с одной стороны, она была и выглядела подростком, с другой стороны её речь, фразы и выражения совершенно не вязались с внешним визуальным обликом и более подходили уже взрослой девушке, причём девушке — студентке старших курсов. В этот миг у Алексея происходила внутренняя борьба, как воспринимать её и, наконец, интуитивно почувствовав, что перед ним вполне уже взрослый человечек, он сдался и попросил у неё совета:

— Если ты такая взрослая и умная подскажи, как мне поступить с тобой?

— Пап, у тебя же есть сотрудники, дай им поручение, пусть работают, — вполне по-деловому и, нисколько не смущаясь, огласила вердикт дочь.

— Но некоторые вещи нужно делать самому, — выдвигал встречные доводы аргументам дочери Ухваткин.

— Значит, это плохие вещи, — серьёзно, но с интонацией ребёнка, парировала Катя.

— Почему? — удивлённо переспросил отец.

— А зачем скрывать их от других? — вопросом на вопрос ответила та.

— Действительно, — задумчиво и непроизвольно согласился тот.

— В конце концов, они могут посоветоваться с тобой по телефону, — продолжала она приводить новые варианты управления бизнесом отца.

— Хорошо, будем считать, что ты меня уговорила, но как быть с мамой? — Алексей решил охватить проблему с иной стороны.

— Позвоним и поставим её в известность, — просто и без замешательства ответила Катя, по-видимому, она уже ранее всё обдумала и теперь лишь вербально озвучивала результаты мыслительного процесса.

— А если она будет против? — логически рассуждал отец.

— Она будет против лишь в том случае, если ты отправишь меня к ней до окончания третьей смены, но ты же не сделаешь этого? — пресекла она дальнейшее построение логической цепочки.

— Ну, ты и лиса, тебя, наверное, за это бабушка и любила? — улыбаясь, Алексей сначала потрепал её рукой за кепку, а потом крепко по-отцовски прижал к себе.

Катька худенькими ручонками обхватила мощный торс отца, стараясь таким образом выказать свою любовь. Проведя несколько секунд во взаимных объятиях, они расцепились и дочь, оставляя последнее слово за собой, подвела итог их беседе:

— Любят не за что-то, а просто любят, ощущая радость в сердце.

Процедура досрочного выбытия из лагеря прошла не так быстро, как хотелось, но у всего есть начало и конец, уладив формальности, они, удовлетворённые тем, что преодолели все возникшие трудности, радостные катили в автомобиле по сосновому лесу. Катька слушала через наушники плеер и посматривала в окно, Алексей делал распоряжения по телефону и подмигивал дочери, когда та, покачивая головой иногда, поворачивалась к нему лицом.

"Ребёнок, совсем ещё девчонка, но рассуждает уже как взрослый человек, мозговая акселерация, нужно нанять ей гувернантку". Он посмотрел испытующе в сторону дочери и уже серьёзно подумал: "А что идея хорошая, только не скоростная, нужно поручить Черникову, пусть выявит, кто ей больше нравится и подберёт воспитательницу".

В этот момент Катя оторвалась от окна и посмотрела ему прямо в лицо, они радостно улыбнулись друг другу, родительское сердце снова ёкнуло и заставило отца обхватить дочку руками и прижать к себе.

Браслет издал вибрации, и Черников отреагировал на сигнал.

Папа и дочка ехали в салоне автомобиля, любящий отец прижимал к себе несравненное чадо.

"Вот, значит, как, нужно повнимательней присмотреться к Кате, ведь так, по-моему, её зовут".

"Ага, папа хочет приставить к ней гувернантку, и поиск поручить мне. Отлично".

"Ну, что же воркуйте пока, а я займусь делом".

Черников до срабатывания маячка был занят поисками пресловутого диска. Проверив с помощью браслета места, где по его предположению мог бы спрятать своё сокровище Ухваткин, он

ничего не обнаружил. Оставалось одно — спровоцировать в разговоре своего шефа и затем просканировать его мысли, или другой вариант: заставить воспользоваться и проследить. Всё одно, без помощи Ухваткина не обойтись, придётся немного подождать, а пока можно присматривать и за Варевым, хотя маячок ещё не срабатывал, но лишняя информация в таком деле не помеха.

Он легко восстановил контакт с последним маячком. Варев находился в каком-то новом, незнакомом Черникову месте. Возможно, это был своеобразный офис, похожий на склад или какое-то помещение близкое к производству. Люди, которые общались с наблюдаемым объектом, так же были незнакомы Виктору. Картинка расширялась и наполнялась смыслом.

Варев приехал на склад, образованный из цехов бывшего агрегатного завода, чтобы не только взимать неофициальные платежи за аренду, этим обычно занимаются его помощники, но и показать будущим арендаторам свободные помещения. Но это всего лишь формальности, главная цель визита в подопечное предприятие — это встреча с представителями пензенской братвы, которые прибыли для постановки на все виды обеспечения двух своих корешей, переведённых в местный СИЗО.

— Приветствуем тебя, Телепат, — говорил за троих молодой человек.

Высокого роста, с перекаченными мышцами не только конечностей, но и шеи, груди и даже лица, по своему виду, имеющего в прошлом спортивную карьеру, ему в прямом смысле подошёл бы позывной "Бык", но отзывался он на Толяна и в настоящий момент явно занимал более высокое положение, чем те двое, что тупо переминались с ноги на ногу за его спиной.

— Мы передаём тебе слова благодарности и признания от Звонаря, — закончил вступительную речь Толян и собирался раскрыть цель своего визита.

— Как он там? — ответил на приветствие вопросом смотрящий, перебивая посланца своего коллеги из соседней области.

— У него всё нормально, вот просит тебя взять под крыло двух бригадиров, чаляшихся у вас, — продолжил излагать Толян, — мы приехали обсудить условия и каналы снабжения.

— Дело привычное, мы откроем им кредит, прикрепим согревателей, вы наши затраты будете компенсировать на этот вот счёт.

Варев передал им бланк договора аренды, на третьей странице которого были банковские реквизиты фирмы

арендодателя.

— Мы привыкли работать налом, — удивлённо произнёс Толян, но договор всё же взял.

— И налом будете, но есть некоторые моменты, которые придётся светить, потому со счёта этой конторы, по мере надобности деньги будут переводиться на счета юридических фирм, правозащитных организаций, вообще, есть такое слово надо, время сейчас новое, и надо шагать в ногу со временем. А конкретных людей мы будем стимулировать, как всегда, налом.

Они топтались в большом пустующем боксе огромного производственного помещения, со стороны это походило на деловую встречу арендаторов с хозяином склада. Здесь, скорее всего, раньше стояли станки и работали люди, выпуская нужную для страны, называемой СССР, продукцию. Но в настоящий момент было очень сложно определить, что выпускали тогда потому, как приспособлено всё уже для простого складирования товара. Помещение поделено на отдельные секции при помощи металлической сетки, которые закрывались со стороны прохода сдвижной стенкой. Высота сетки достигала приблизительно четырёх метров, далее ещё выше виднелись металлические фермы, поддерживающие крышу с огромными стеклянными проёмами, через которые проникал дневной свет.

Предприниматели и фирмы арендовали боксы и хранили нужный для своего бизнеса товар. Склад существовал официально, подозрений ни у кого не вызывал, кормил массу чиновников и никогда не имел никаких проблем, потому как контролировался проблемными структурами.

Он находился в зоне ответственности Варева, и тот иногда прибывал сюда с инспекторской проверкой, наблюдая за тем, чтобы не было левых клиентов, помимо договорных, вообще, чтобы завскладом и его орлы, как говорится: не "крысятничали".

Двое за спиной Толяна начали крутить договор, переданный им старшим. Черников переместил обзор за их спины и, не смея оторваться от реквизитов на последней странице, пошарил рукой по столу, ища ручку и листок. Всё оказалось рядом, и он в тёмную, на ощупь зафиксировал банковские реквизиты. Виктор не знал, для чего он это делает, но интуиция подсказывала, всё может пригодиться.

— Вопросы есть? — спросил Варев у присутствующих.

— Есть, — отозвался снова за всех Толян.

— Говори, — разрешил смотрящий.

— Как быть с коксом?

— Ребята! Давайте жить дружно, — воскликнул раздражённо Глеб Викторович, — я Звонаря предупреждал, что здесь всё по-

чистому.

— Как нам быть? — спросил Толян.

— Дам вам телефончик, скажите от меня, я такими вещами не занимаюсь.

"Что же, и телефон пригодится", — подумал Черников и записал его на тот листок, где вслепую запечатлел реквизиты фирмы с договора аренды.

Он отключился от картинки, так как начали возрастать неприятные ощущения в лобной и височных областях, создавалось впечатление, что внутренности головы разбухали и готовы были расшириться до небывалых размеров и захватить всё окружающее пространство. Ему стало не по себе, маленькое помещение кабинета, в его представлении сужалось и готово было раздавить его вместе с мебелью.

Он поспешно вышел в коридор, а потом и в более просторный холл и плюхнулся в мягкое кресло. Взгляд его растерянно уставился в пол и остановился на маленьком сером пятнышке. Мимо промелькнули светлые брюки в летних туфлях. Заметался поднятый с пола тополиный пух, хаотично подёргался в возмущённом потоке воздуха и, успокоившись через несколько секунд, опустился на серый мозаичный бетон прохода в ожидании очередного турбулентного импульса от прохожего.

Серая пушинка снова стала статичной, а неприятные ощущения покидали голову, словно тополиный пушок, неизвестно какими судьбами занесённый в помещение в августе, когда тополя уже закончили цвести месяц назад, забрал всю отрицательную энергию и растратил её, пытаясь улететь неведомо куда.

"Нужно осторожней с ясновидением, сеансы должны быть короче", — уже осмысленно анализировал Черников.

Он поднял голову и удивлённо осмотрелся. Холл имел привычный вид: кожаные кресла и диван у окна, между ними в углу в огромном глиняном горшке пальма, высотой под два метра, столик в центре с журналами, охранник за деревянной стойкой у противоположной стены перед самым входом. Всё как всегда, только Виктор не помнит, каким образом он оказался здесь в кресле.

Вибрация на руке вывела его из задумчивости, и тут же, несколько секунд спустя, заработал вызов на телефоне.

— Да, Алексей Иванович, — ответил на звонок Черников, — я в офисе, жду ваших указаний.

— Хорошо, понял, — закончил говорить Виктор и вложил в футляр на поясе телефон.

— Шеф с дочкой с минуту на минуту будут здесь, — обратился Черников к охраннику, — будет экскурсию проводить, предупреди всех, чтобы казусов не возникло.

Охранник удовлетворённо кивнул и снял трубку с аппарата, который был невидим Черникову из-за высокого ограждения поста.

Минут через десять — двенадцать Ухваткин открыл входную дверь и, пропуская вперёд дочку, вошёл в холл офиса. Черников с охранником встали со своих мест. Охранник вышел за деревянное ограждение поста и остановился у прохода, а Виктор сделал несколько шагов навстречу и лишь потом застыл в ожидании, не загораживая путь в коридор.

— Вот, Катя, здесь и начинается место моей работы, — говорил Алексей дочери, — это мой помощник Виктор Васильевич, для тебя просто дядя Витя.

Катька подняла голову и из-под козырька бейсболки посмотрела прямо в глаза человеку, которого представил ей отец.

— Здравствуйте, — произнесла она громко, — меня зовут Катя.

Она протянула Черникову маленькую, обугленную от солнца руку, и тому ничего не оставалось, как протянуть свою.

Как только её рука оказалась в кисти Черникова, она спросила:

— Дядя Витя, а вы не покажете мне ваш офис, пока папа будет решать свои неотложные дела?

— Конечно, покажу, — несколько смутился Виктор такому повороту событий и взглянул на шефа.

Тот кивнул ему, мол, давай, действуй, а сам торопливо пошёл по коридору в направлении приёмной.

— С чего бы вы, Катюша, хотели начать осмотр? — наклоняясь к ней и не выпуская её руки, спросил Черников.

— Это не имеет значения, я здесь первый раз и пока интересно всё, — ответила она.

— Идёмте тогда за папой, познакомимся с его кабинетом, — предложил Виктор.

— Нет, дядя Вить, не надо его смущать, он ведь тоже в первый раз привёл сюда ребёнка, — неожиданно возразила она, — пусть быстрее решает свои проблемы, а мы мешать не будем.

— Тогда куда? — растерялся Черников.

— Ну, у вас же есть свой кабинет, и там должен быть компьютер, — предложила ему свою идею Катя.

— А вы умеете обращаться с компьютером? — заулыбался

Черников.

— Конечно, я пойду уже в пятый класс, и я прошу вас, дядя Витя, не называйте меня на вы, я чувствую себя неловко, — она запрокинула назад голову, чтобы посмотреть ещё раз в лицо своему сопровождающему.

— Хорошо, — согласился Черников, всё больше проникая уважением к девочке, — но там почти нет игрушек.

— Интернет-то там есть? — деловито поинтересовалась она.

— Ты умеешь им пользоваться? — несколько удивлённо переспросил он.

— Когда я дома, просто пропадаю в одноклассниках, — ответила с гордостью Катя.

— Ну да, вот времена настали, пошли, интернет у нас скоростной.

И они пошли по коридору в кабинет к Черникову, продолжая вести диалог на ходу. Вслед им посмотрел охранник и, усмехнувшись, сказал неизвестно кому вслух:

— Ну и акселераты пошли, что же будет дальше, когда они вырастут?

Глава 13

Хрусталёв сидел на кухне в офисе, не спеша пил кофе, ожидая, когда Мария Анатольевна закончит сеанс с клиентом, снова и снова прокручивал в голове сценарий предстоящего разговора. Он даже не представлял исход будущей беседы, хотя вариантов в таких случаях почти всегда только два: согласится или, обосновав всё, аргументировано откажет, но сейчас не это было главным, он никак не мог предугадать её реакцию на такое предложение и, то влияние, которое оно может оказать на их отношения в дальнейшем.

"А если без сценариев и убедительных слов простой телепатический обмен?"

"Действительно, мне нечего скрывать от партнёров. Да, — да! Нет, — нет. Всё просто".

Он услышал, как щёлкнула дверь в большой комнате, как в коридоре зазвучали негромкие голоса, как за его спиной приближались шаги, и усиливался шелест платья, хотя этого уже, по его мнению, слышать он не должен, но витающее в нём напряжение скорее всего и обострило слух.

— Вы меня простите, Андрей Викторович, но я уже в курсе ваших мыслей, вы так были увлечены и напряжены, что невольно состоялся односторонний обмен, — с такими словами Мария выплыла из-за его спины в центр кухни.

Выплыла потому, что данное слово наиболее подходит к определению походки женщины, одетой в длинное, почти до пола, парчовое платье. Он узнал это платье по узорам из переплетающихся золотых и серебряных нитей. Оно было на Марии в тот самый день, когда она принимала его в первый раз почти как обычного клиента.

"Униформа, вот откуда и шелест", — непроизвольно пронеслось у него в голове.

Хотя вслух он высказал совершенно иное:

— Тогда ответьте или дайте прочувствовать ваш ответ.

— Пока не то и не другое. Я должна подумать, так как есть проблема, и эта проблема поставила наш офис на прослушку, причём, как он это сделал — не могу ни понять, ни повторить, — высказывая словами свою озабоченность, она уже усаживалась за стол, подбирая и разглаживая одновременно подол платья.

— Удивительно другое, как вы смогли это обнаружить, и теперь ещё актуальней становится вопрос о телепатическом обмене, — попытался он из возникших новых обстоятельств извлечь пользу для продвижения своего вопроса.

— Не обольщайтесь, шпион не только слышит, но и видит мыслительные образы к тому же, — и она при этом показала куда-то на стену, словно именно там была спрятана миниатюрная камера, известный атрибут подсматривания и подслушивания.

— Вы меня пугаете, — пошутил он, но в то же время начал непроизвольно осматривать углы кухни.

— Не бойтесь, в настоящий момент жучок заблокирован, но вот удалить его у меня не получается, — поняв его блуждание глазами по стенам и потолку за желание обнаружить пресловутое оружие слежки.

— Так всё же, как вам удалось найти и определить? — заинтересованно переспросил Андрей Викторович.

— Читайте, если, конечно, это слово уместно применить к такому действию, — Мария посмотрела ему в лицо, ослабила блокировку и дала возможность просканировать её мысли и память.

— Так вы действительно видите ауру? — удивлённо спросил Хрусталёв, закончив телепатическое сканирование.

— Я бы не стала называть это явление таким словом. Да, там есть элементы того, о чём вы подумали, но там есть и совершенно иные вещи, не применимые к данному понятию, — объясняя и дополняя отданную ранее телепатическим способом информацию, она уже не смотрела на него.

— Например?

— Я могу видеть свечение и неодушевлённых предметов, если так выражаться, неживых, иначе это просто можно было подвести под формулировку биополя, — пояснила она.

— Например? — Хрусталёв был поражён и озадачен и не замечал, что, как попугай, повторяет одно и то же слово.

— У наших браслетов ярко-голубое свечение, у людей — радужное с преимуществом оранжевого, у разных предметов разный цвет, у живого дерева — белое, у мёртвого — серое.

— Давно у вас это началось?

— Не знаю, как и сказать. Я ещё с первым браслетом замечала что-то, но относило это к свойствам браслета, но когда браслет исчез, способность осталась, более того, она начала развиваться.

— Значит, когда вы говорили про искры мыслей, то уже было не образное мышление, а реальное видение?

— Совершенно верно. Я и шпиона обнаружила сразу же, увидев новое свечение на стене, сходное по своему образу с тем, что окружает последнее время Виктора. Я даже смогла проследить, как оно работает, и знаю, что он называет её — "энергетическим маячком".

— Выходит, что мы все под колпаком у Мюллера?

— Не драматизируйте ситуацию, меня больше всего беспокоит, для каких целей это делается. Если просто ставит эксперимент и нарабатывает опыт, чтобы потом похвастаться однажды, что ему свойственно, — это одно, но ведь может быть совершенно другое, — он не доверяет мне и следит за мною. А вот здесь моё воображение рождает массу возможных вариантов, что я теряюсь, когда начинаю загибать пальцы при их перечислении.

— Вот теперь, по-моему, вы сгущаете краски. Не проще ли вам поговорить с Виктором?

— На такие темы первой разговор затевать бесполезно. Он не станет говорить, а если настаивать, то устроит скандал, соберёт и притянет всякие мелочи, чтобы повод поссориться выглядел более оправдано. Нет, здесь нужно ждать случая, когда он сам надумает обсудить такую тему или проговорится нечаянно.

— Вам, конечно, видней, ну, а мне когда ожидать ответа от вас?

— Вы очень торопитесь?

— Не очень, но жизнь идёт, и её нужно наполнять содержанием, ведь как говорится "не хлебом единым…".

— Понимаю, мне ваша идея интересна, но нужно думать и о семье, не разжигать больного самолюбия мужа.

— А почему вы думаете, что оно разгорится.

— Я боюсь повтора, так уже было в университете, на почве первенства и самомнения наши отношения осложнились, мне под его давлением пришлось уступить, и вот тогда финал опытов привёл к трагедии.

В кухню вошла Инна с сообщением, что подходит время для работы с очередным клиентом, необходимо готовиться к встрече.

— Да мы уже заканчиваем, я иду, — ответила гадалка, вставая со стула.

— Андрей Викторович, я чувствую, что ответ вам дам скоро, интуиция меня ещё не подводила, — произнесла она Хрусталёву под шелест платья, покидая кухонное пространство.

"Да, а вот у меня интуиция отсутствует совсем, нет, конечно, она есть, только, когда я чего-то опасаюсь, то всегда и случается. Вообще-то, это совсем не интуиция, мыслит она что ли по-другому?"

Черников сидел в кабинете Ухваткина и обсуждал с ним различные проблемы, возникшие за последнее время. В мыслях своих он прокручивал идею о квартире Помпея, но повода пока поговорить об этом с Алексеем Ивановичем не было.

Они уже утвердили критерии, по которым будут отбирать гувернантку для дочери шефа, и какие задачи поставить ей на столь короткий срок. Ухваткин обозначил главную цель — подготовка к школе, но на перспективу он уже строил свою жизнь по-новому. Вдруг бывшая супруга, обременённая проблемами своего второго брака, разрешит Катюшке жить с отцом, тогда услуги гувернантки-учительницы будут ещё более востребованы.

Алексей Иванович сидел в кресле директора, перед ним был ноутбук и раскрытый ежедневник. Он по очереди заглядывал то в монитор, то в ежедневник, делал пометки, иногда записи. Черникову со своего места не было возможности увидеть, что записывает и помечает Ухваткин в процессе их беседы, да и делать движения, чтобы слегка подглядеть, рискованно, потому он сидел тихо и не дёргался.

Заглянув очередной раз в записи, Ухваткин, наконец-то спросил Виктора:

— Да, ты мне расскажи, как прошла встреча с нашим многоуважаемым Глебом Викторовичем, поделись впечатлениями.

Черников взбодрился, открывалась возможность поговорить о вознаграждении. Он начал подробно пересказывать весь диалог, умолчав при этом о шантаже со стороны смотрящего. Когда он окончил отчёт о переговорах, Алексей Иванович переспросил:

— И это всё?

— Да, а что бы вы хотели услышать?

— Странно, очень странно и не похоже на Варева, то цепляется как клещ и не отпускает, то вот вдруг всё бросает на полпути и не требует ни компенсации ни каких-то преференций и льгот на будущее.

Он замолчал и задумался, Черников не мешал его мыслительному процессу, лишь листал его мысли и делал свои выводы.

"Возможно, обозначится и позвонит лично мне, не хочет светиться с третьим лицом. Всё может быть, всё может быть, но тогда будет уже совершенно другой разговор не в его пользу. Нужно посетить квартиру матери, давно уже там не был, Катьку с собой возьму, если захочет, конечно, заодно проверим диск и остальное, вдруг Варев…, нет не может быть!"

"Вот и диск нарисовался, отлично, теперь о квартире", — торжествовал Черников.

— Алексей Иванович, вы предлагали вознаграждение за работу, — прервав затянувшуюся паузу, Виктор напомнил руководству о данном утром обещании.

— Какие же вы все меркантильные, — иронически высказался

Ухваткин, прервав свои размышления и посмотрев на Черникова свысока.

Кого он имел в виду, произнося местоимение "все", спроси его, он и сам не ответит, но обычно так сетуют начальники на своих подчиненных, которые почему-то считают, что выполнять их поручения все должны бесплатно. Черников пропустил мимо ушей колкое замечание шефа, поёрзал слегка на стуле, переведя неловкость из сферы моральной в физическую и растерев её одним местом, предложил:

— Пусть вознаграждение выразится в вашей протекции.

— Протеже, конечно, ты? — спросил Ухваткин у помощника и, получив от того утвердительный кивок головой, продолжил выяснения, — ну, а перед кем челом бить?

— Перед Помпеевым, — коротко ответил Виктор.

— Да-а, тогда это ещё ничего, выкладывай, что там надумал, — одобрительный тон выдал облегчение, которое наступило у Ухваткина после услышанного.

Черников изложил все свои планы о квартире покойного дедушки Помпея. Ухваткин слушал, не перебивая, чертил чёрной гелиевой ручкой лишь ему понятные фигурки на листке бумаги, лежащем на столе между компьютером и записной книжкой и служившем своему хозяину черновиком.

Виктор закончил говорить и смотрел, как Алексей Иванович обводит по контуру рисунок куба, делая его грани более толстыми и чёткими. В этот момент сработал браслет, Черников отвлекся от Ухваткина и переключился на энергомаячок. Но в этот раз вибрация была очень короткой, и ему не удалось поймать волну энергии и идентифицировать сигнал, соответственно и определить, откуда тот пришёл.

"Такое в первый раз, что-то здесь не так, возможно это от моего визави пришло, хотя он почти ни о чём не думает, занят пустяковым чертежом, расслабляется".

Зазвонил телефон, Ухваткин раздражённо снял трубку и ответил:

— Да, слушаю!

В трубке обозначился мужской голос, Алексей Иванович не перебивал, но потом, прикрыв микрофон ладонью свободной руки и качая головой, произнёс для Черникова:

— Совершенно не дают работать.

Виктор пожал плечами, не поняв, что подразумевало начальство и в этот раз под словом работа: то ли незаконченный чертёж, то ли облегчение от того, что его избавили от возможности давать ответ на поставленный вопрос.

"Выкручивается или ищет свою выгоду", — подумал

Черников.

Но он ошибся, Ухваткин продолжая, закрывать микрофон, опроверг его поспешные выводы:

— Поговорю обязательно и попытаюсь уговорить, когда он там с курортов возвращается?

— По-моему, через неделю, — не слишком уверенно ответил помощник.

— Вот как вернётся, сразу же поговорю, а пока, Виктор Васильевич, пожалуйста, займите Катю, сходите с ней за мороженым и передайте, что я освобожусь минут через двадцать, — он махал рукой и показывал, что разговор окончен, и его нужно оставить одного.

— Хорошо, Алексей Иванович, я всё сделаю, как вы сказали, — поспешно встав со своего места и поправляя стул, пятился и бормотал Виктор.

— Да и не забывай о главном, ищи то, ради чего и началось наше сотрудничество, — бросил ему в след напутствие Ухваткин.

— Я всегда помню и ищу, — разочарованно ответил Черников уже на выходе из кабинета, но его слова, предназначенные для человека, сидевшего за столом, по всей видимости, не достигли цели, так как тот человек не слушал или не хотел слышать их, он говорил по телефону, и всё внимание его было там.

"Как вы все на…ли своими наставлениями", — чертыхался мысленно уже за дверью Виктор, хотя спроси он сам себя, кто входит в его понятие "все", наверняка запнулся уже на первой, ну максимально на второй фамилии человека, вызывающего у него стойкую антипатию и агрессию, и способного в любых ситуациях испортить ему настроение.

Уже вечером дома он выглядел взвинченным, и Мария сразу почувствовала его скверное настроение. Когда она встретила его у порога со словами:

— Как дела?

Он ещё сдержанно ответил:

— Никак.

На вопрос, что он хотел бы на ужин, высказался язвительно и колко:

— Что за манера задавать глупые вопросы, всё равно, чего я хочу — не будет, давай есть, что есть!

А когда она поставила перед ним тарелку бефстроганов из печени с гарниром из молодого картофеля и салат из свежих помидоров со сметаной, он снова взбрыкнул:

— Куда ты столько наложила?

Марии хотелось съязвить, ответив привычной фразой на российских кухнях: "Накладывают только в штаны", но

сдержалась. После паузы всё же спросила:

— Вить, что-то случилось на работе?

— Да, случилось, все хотят меня использовать: один как предателя, другой как няньку для своего ребёнка, надоело, — наконец-то излил он наболевшее за день, торопливо поглощая ужин.

— Мы сами кого-то используем, и кто-то использует нас, такова жизнь, — философски высказалась Маша.

— А я не хочу, чтобы меня использовали, но ничего будет и на моей улице праздник, — оптимистически зло отозвался Виктор.

Выпустив пар, он преспокойно скушал всё блюдо, объём которого казался ему ранее большим, доел из салатницы помидоры, выпил чаю и с посоловевшими глазами удалился к телевизору.

Когда Мария, убрав на кухне, подсела к нему на диван и, мягко облокачиваясь о его плечо, проворковала на ушко:

— Может, расскажешь, что у тебя произошло?

Он не стал дёргаться и нервно сбрасывать с плеча её руку, ответил:

— В принципе всё, как всегда, только выстраиваешь планы, а они не выполняются.

— Кстати о планах, ты знаешь, Андрей Викторович и Рогалёв снова планируют эксперименты с браслетом, — подвела она супруга к деликатному разговору.

— Да-а, — удивлённо посмотрел ей в лицо Виктор и, не выдержав соблазна, откровенно заглянул в декольте домашнего халата Марии, — ну, с этим пенсионером Хрусталёвым всё ясно, он как бабушки на лавочках у подъездов, готов засунуть свой любопытный нос в любую дыру, а этот-то куда лезет, ему мало одного случая.

— У них интересная программа намечается, они предложили и мне поучаствовать, — выложила она свою сокровенную новость с хорошо сыгранным тоном безразличия.

— В качестве кого? — теперь уже с откровенной насмешкой он снова заглянул ей в декольте.

— В качестве консультанта, — слегка обиженно ответила Маша и отодвинулась от него.

— Я ничего не имею против их экспериментов, но я хочу, чтобы ты прекратила общаться с этим старпёром Хрусталёвым, пусть он найдёт себе других девочек и любуется уже их прелестями, — выговаривая чётко слова наставлений, он снова начал нервничать и без всякого интереса переключать каналы телевизора.

— Я уверяю тебя, он джентльмен! И не позволяет себе таких вольностей, — горячо вступилась Маша за Хрусталёва.

— Откуда ты знаешь, он так тебе говорит? — повернувшись к ней, иронично спросил Виктор.

— Я чувствую и вижу, — тихо, но уверенно парировала она его выпад.

— Ты себя переоцениваешь, я вот поставил…, - и он осёкся на полуслове, поняв, что в запале начал говорить лишнее.

— Договаривай, ты имел в виду маячок? — не давая ему опомниться, перешла в наступление Мария.

— Тебе известно? — удивился он её вопросу.

— Я сразу увидела эту плесень на стене в кухне, теперь объясни, зачем ты следишь за мной, — продолжала она, и это уже походило на допрос.

— Не за тобой, за этим придурком Хрусталёвым, — признался Виктор.

— Фу, как некрасиво и глупо, что при помощи своего маячка ты хотел увидеть, как твой объект пьёт кофе или крадёт столовую утварь? — смягчилась она и уже игриво флиртовала, чувствуя, что балансирует на грани, и вот-вот может грянуть гром.

— Всё равно, я выведу его на чистую воду, а если с ним что-то произойдёт во время этих ваших экспериментов, сожалеть и сочувствовать не буду, — посмотрев на неё и увидев, что она не осуждает его за излишнюю ревность, он решил не усугублять положения, тем более, в его планы входило "сладенькое" и не хотелось вечером остаться без такового.

— Не ожидала от тебя такой циничности и жестокости, ведь благодаря Андрею Викторовичу ты выздоровел, — с упрёком и, кивая при этом головой, бросила она ему неприятную реплику.

— Я его об этом не просил, — совсем спокойно и без обид ответил он.

— Зато просила я, — напомнила ему о тех событиях Маша.

— Мне, конечно, всё равно, пусть занимаются, чем хотят, но ты лезть в их дела не смей, — более чётко обозначил свою позицию Виктор, при этом диалог он вёл спокойно и уже без раздражения.

— А я и не лезу, я консультирую, ведь все реальные перемещения, которые произошли, всё было на моих глазах. Они это понимают и ценят, — деловито пояснила она.

— Когда они собираются начать? — уже не скрывая своей заинтересованности, переспросил он.

— Пока не знаю, всё находится на стадии формирования команды, — несколько озадаченная проявлением его интереса к эксперименту ответила Маша.

— Ладно, ты будешь моим самым крутым маячком, я думаю, в информации ты мне не откажешь? — уже игриво, двигая её своим плечом, Виктор стал приставать к ней.

— Обмен телепатический? — зная, как остановить его, спросила она.

— Ну, к такому я ещё психологически не готов, — и он отпрянул от неё, словно уколовшись обо что-то острое.

— Вот теперь я просто уверена, что ты что-то скрываешь от меня, — огорчённо сделала она вывод скорее для себя, и её слова, тихо прозвучавшие, уже совсем не выглядели в качестве вопроса или упрёка, в них, кроме искренности, ощущалась и досада и правота.

— И это тоже, — как бы, между прочим, прокомментировал он её последнюю фразу.

Он всем своим видом показывал, что разговор для него потерял интерес и его внимание занимает экран телевизора с тривиальными новостями. Он даже пытался обсудить то, что говорил политик с экрана, но не в плане общественном, а в плане лингвистическом.

— Смотри, смотри что молотит, ведь читает по бумажке, говорит, что все трудности преодолены, благодаря умелому руководству, а сам: "… и проблема приобрела устойчивую динамику". Правильно выступает Задорнов, у них полнейшая несвязуха, и кто им такие тексты пишет?

Маша смотрела на Виктора в профиль и ей чудилось, что тот чернобровый парень с пухленькими губками, которого она полюбила и любит уже столько лет, не имеет ничего общего со жгучим брюнетом, сидящим рядом. Красивый юноша не превратился в красивого мужчину, внутренний огонь, прорываясь наружу, обугливает красоту и сжигает лоск лица. У лица появились обострённые черты, губы и те потеряли привлекательность, стали немного тоньше. Он стал темнее, нет, он почернел. Даже браслет на запястье отливал чёрным блеском воронёной стали, будто бы внутри человека, который им обладал, бушевал чёрный огонь. Исходящий изнутри жар, не щадит ни самого человека, ни предметов, к которым тот прикасается, ни людей, которых тот встречает на своём пути. И тот огонь, пока его языки пламени не вырвались наружу, зовётся тайной, а когда тайна откроется, — бездной.

Она, чтобы снять наваждение, тряхнула головой и, переведя взгляд на телевизор, всё ещё мысленно продолжая разговор, произнесла вслух:

— Да-а, между супругами не должно быть тайн.

— Это кто тебе сказал? Уж не твой ли Хрусталёв? — и поняв,

что это уже перебор, продолжил в конструктивном русле, — я, например, сейчас работаю над улучшением наших жилищных условий.

— Чем тебя не устраивает эта квартира? — подняв брови, Маша снова повернулась к нему лицом.

— Личное жильё должно быть лучше и качественней общественного, — задорно, но всё же наигранно приоткрывал свои новые взгляды на жизнь Виктор.

— Какой ты собственник, я и не догадывалась, — улыбнувшись, и как можно мягче произнесла она.

— Наша квартира будет круче твоего офиса, — несколько пафосный и оптимистический стиль тона подкреплялся энергичными движениями, направленными на то, чтобы поймать и заключить Марию в свои объятия.

— Где же ты возьмёшь столько денег и притом сразу, — делая плавные, но быстрые изгибы и повороты туловищем, Маша старалась избежать захвата его рук.

— Есть варианты, но возможно эту квартиру придётся продать или заложить, — оставив попытки поймать её руками, он озвучил очередной свой секрет.

— Ты серьёзно? — удивилась она и застыла без движения.

— Пока только планы, потому мне и не хочется делиться мыслями, ты вторгнешься и спугнёшь удачу, — воспользовавшись её заминкой, он сгрёб её в охапку.

— Какой ты суеверный, — дыша ему прямо в лицо и уже не вырываясь, делилась она своими выводами.

— Вот такой, — игриво отвечал он и продолжал её всё крепче тискать и обнимать.

Глава 14

Гувернантку подыскали только на третий день, в том смысле, чтобы она понравилась и папе и дочери, хотя воочию просматривали только троих, остальную массу по анкетам и фотографиям. Больше всех намучился с этой проблемой Виктор и потому он был несказанно рад, когда Надежда Валерьевна, так звали тридцатилетнюю учительницу, а по совместительству в летний период сотрудницу фирмы "Арина Родионовна и К*", уже на исходе третьего дня кастинга поехала со своей подопечной Катюшей, так ласково она её называла, в библиотеку за учебниками.

Посмотреть на репетитора, так отрекомендовали родственникам со стороны мамы, приехала и сама мама Катерины, бывшая супруга Ухваткина, а теперь по новому мужу Демидова Анна Ивановна.

Анна Ивановна — красивая худощавая женщина, выглядела она несколько уставшей и изнеможенной, с тёмными кругами под глазами и вспухшими нижними веками. Черников не знал, кем и где она работает и работает ли вообще, но мог предположить, что трудится она в больнице, возможно медсестрой.

"Что он меня так разглядывает, наверное, я скверно выгляжу после такой бессонной ночи", — подумала она.

— Извините за мой внешний вид, не выспалась, всю ночь просидела у постели больного мужа, — оправдывалась она, но смотрела почему-то в сторону Виктора.

Ухваткин понял её взгляд по-другому и потому представил ей Черникова.

— Это мой помощник, Виктор Васильевич, — коротко отрекомендовал он своего нового сотрудника.

Анна Ивановна протянула Виктору свою маленькую изящную руку. Он осторожно пожал её, ощутив при этом мягкость и шелковистость ладони, лёгкость и почти невесомость самой кисти.

"Нет, такая рука не может быть работящей", — снова он отметил про себя.

На взгляд Черникова бывшая жена Ухваткина даже в таком разобранном состоянии выглядела на свой возраст, а её возраст по агентурным данным Виктора составлял приблизительно тридцать шесть — тридцать семь лет.

Невысокого роста, миниатюрная, с волосами соломенного цвета, собранными сзади в пучок при помощи велюровой резинки для волос, Анна Ивановна в джинсах, искусственно состаренных,

с потёртым и расслоённым до дыр материалом от колен и до двух третей высоты бёдер, походила на подростка.

"Понятно, в кого такая худышка Катька", — сравнивал мысленно мать и дочь Черников.

Бывшая супруга не избежала проницательного взгляда и со стороны Алексея Ивановича. Тот, однако, оценил больше всего темно-синюю блузку, с замысловатыми узорами белого цвета, не прозрачную, но хорошо обтягивающую тело, но скорее всего не блузку, а то, что под ней совершенно не просматривался бюстгальтер. Фитнес и аэробика позволяли её грудям второго размера выглядеть сексуально, да и, вообще, носить молодёжный прикид.

"Приходится стараться для молодого мужа", — мысленно съязвил Ухваткин.

Новый муж Анны Ивановны был действительно младше её на пять лет.

Алексей Иванович представил ей и гувернантку, с которой Анна недолго побеседовала, выяснив, главным образом, её семейное положение, что она замужем и у неё растут две девочки. Это обстоятельство успокоило её, и она, немного пообщавшись с Алексеем, затем с дочерью, удалившись при этом в другую комнату, а потом попрощалась со всеми, уехала к своему больному мужу.

Сканирование, по мере возможности, мыслей новых знакомых Черникову ничего особенного и интересного не принесло. Однако некая робость, можно выразиться, боязнь Анны Ивановны своего бывшего мужа ощущалась и не вооружённым взглядом. Разговаривала она с Алексеем Ивановичем, не поднимая глаз, хотя остальным участникам встречи смотрела прямо в лицо, выказывая тем самым своё превосходство.

"Странно, ведь, насколько известно мне, это она бросила Ухваткина, возможно стыдится теперешнего положения, новый муж — банкрот, никак не выйдет из депрессии, то ли в запое, то ли на наркотиках", — размышлял Виктор.

Что в том было странного, Черников разбираться не захотел: "Не хватало ещё и бывшими жёнами заниматься, так дело и до любовниц дойдёт, и так уже превратился прямо в дворецкого, старший слуга, одним словом".

"Любовниц у него, кстати, и нет, почему-то? Возможно, всё ещё любит свою бывшую. Тело-то у неё ещё ничего, молодое, да и у гувернантки так же, в этом отношении всё в порядке", — вспомнил интимные подробности Виктор. Как он не старался, как не давал себе зарок виртуально не раздевать женщин при помощи браслета донага, сдерживаться у него не получалось. "Врёт Машке

Хрусталёв, а та и верит, дура наивная, у нормального мужика всё равно одно на уме, а заметить почти невозможно. Анна даже не дёрнулась, лишь училка, возможно, что-то почувствовала, смутилась и покраснела".

Вторым приятным событием после выполнения миссии по поиску гувернантки для Черникова стало наблюдение за главврачом психиатрической больницы. Тот, наконец-то, начал строить планы на отпуск и решил снять с любимой карточки деньги на оплату туристических путёвок. Каково же было его удивление, когда на счёте карточки он обнаружил ноль рублей. Он несколько раз вытаскивал карточку из банкомата и вставлял её заново, тщательно набирал код, но всё напрасно, результат был один и тот же.

Большое удовольствие Виктору доставило лицезрение мимики врача: сначала — недоумение, потом — тревога и разочарование, а затем — растерянность и злость. Наконец-то его самолюбие было удовлетворено, он был отомщен за все те унижения, как он считал, которым подверг его этот противный психиатр.

Он уже представил дальнейшие действия главврача Гаврилова Н.Ю., как значилось в табличке на двери его кабинета. В банк он обращаться не будет, если только неофициально и при помощи знакомых, т. е. вернуть незаконные деньги законным способом невозможно. Остаётся один скользкий путь, нагружать левый бизнес, чтобы нормально отдохнуть в отпуске. А левый бизнес — услуги по выводу из запоев новых русских, да и старых тоже. Для таких целей ему придётся изыскать внутренние резервы, а именно, освободить ещё пару палат от настоящих психически нездоровых людей и предоставить новые площади коммерческим больным.

"Рискует, однако, можно так его и подставить", — размышлял Черников.

Но заниматься таким вопросом, как дискредитация главврача психиатрической больницы Виктору не хотелось и не потому, что он не видел себя в первых рядах борцов с коррупцией, а просто ему лично от этого не было никакой пользы, а раз нет выгоды, то и заниматься этим не стоит. От смены главврача записи в истории болезни сами не поменяются, поэтому, если он когда-то соберётся в депутаты, и ему всё же придётся подретушировать свою автобиографию, то прибегнет к помощи своего нового изобретения, исправлять и корректировать записи на бумаге.

Он случайно обнаружил, что если очень захотеть и зрительно представить исписанный лист бумаги без записей, то этот лист становился реально чистым. Если есть желание что-то написать,

но не пользоваться ручкой, тогда необходимо лишь закрыть глаза и зрительно визуализировать текст, и на бумаге появляются те записи, которые ты представлял и о которых думал. С браслетом нужно уметь обращаться, главное — правильно объяснить, что в действительности очень сложно.

Практическое испытание своим новым достижениям Черников планировал осуществить при изменении записей в документах на куплю-продажу квартиры дедушки Помпеева, если, конечно, сам Помпеев согласится на такую сделку.

Он уже объяснил Ухваткину, что операцию по замене одних документов на другие, а также записей у нотариуса, в регистрационной палате и БТИ берёт всё на себя. У Помпеева есть выгода, когда правоохранительные органы доберутся до той квартиры, окажется, что сведения их неверны, никакие родственники бывшего мэра к ней отношения не имеют. Потому треть стоимости от рыночной, как считал Виктор, — хорошая цена. "Нет квартиры — нет компромата, по-моему, удачная сделка для обеих сторон", — нахваливал свой проект Черников.

Ухваткин же такую идею оценил скептически, но содействовать не отказался. Алексей был удовлетворён тем, как разрешилась ситуация с Катькой. После смерти матери он впервые понял, что такое одиночество. В его сознании происходил пересмотр ценностей, и в этом, как он считал, помогала ему дочь. Бизнес ещё не ушёл на второй план, но такого рвения, как раньше в ущерб семье, у него уже не было. Алексей не знал, как в дальнейшем сложатся у него отношения с дочерью, это во многом зависело не от него, но уже чувствовал, что роднее человека на этом свете у него больше нет.

Действительно, чтобы понять такое, надо прочувствовать, можно сколько хочешь говорить, что любишь, но если в сердце пустота, то и слова будут пустыми. Одним сладостным сюсюканьем и глажением по головке ребёнка не обманешь, фальшь он поймёт и раскусит обязательно, и тогда ответ будет таким же, вместо любви тоже будут "уси-пуси".

Он впервые научился общаться с дочерью, как говорят без дураков, на полном серьёзе и по-взрослому. Кому-то это покажется странным и смешным, но только не ему. Он привык в своём бизнесе ломать всё через колено и не представлял, что возможно иначе.

— Пап, а чем ты живёшь? — спросила его дочь в первый же вечер их новой совместной жизни у него на квартире.

Они сидели на диване, смотрели телевизор. Катя только что после ванны, закутанная в махровый халат с капюшоном со смешными зайчатами на белом фоне, из которого за лето уже

выросла, кушала мороженое и запивала горячим чаем, к такому компромиссу они пришли.

— Как это чем живёшь? — несколько удивлённо уточнял вопрос Алексей, сделав громкость телевизора чуть меньше.

— У тебя есть опора внутри? — продолжала она поглощать мороженое и расспрашивать.

— Это бабушка тебя научила? — вспомнил он разговор с покойной матерью на такую вот тему.

— Нет, я сама, но бабушка понимала меня, — пояснила Катя.

— И ты, конечно, как бабушка, веришь в бога? — следуя логике и воспоминаниям о матери, несколько удивлённо и с малой долей скептицизма, не переходящего в язвительность, спросил он.

— Я не знаю, что такое верить, бог внутри меня, а я его частица, — искренне ответила дочь и, не смущаясь, посмотрела отцу в лицо.

Такой поворот беседы несколько озадачил Ухваткина, он не был готов вести разговоры на такие темы, да и мать, когда говорила с ним о религии, выстраивала диалог в ином, можно сказать, привычном ключе. Его знакомые, да и всё его окружение вообще такой темы серьёзно не касались, потому он промолчал, размышляя, где этому всему могла научиться дочь.

— Пап, а кто внутри тебя? — продолжала терзать его дочка.

— Внутри меня, наверное, — слегка сделав паузу, отвечал он, — я.

— Ты себе не делаешь больно? — запивая мороженое чаем, Катя продолжала сыпать вопросами.

— Стараюсь, разумеется, — отбивался, как мог, отец.

— А другим делаешь, — подвела она резюме под своими вопросами.

— Так получается, одним словом, бизнес, — со вздохом признался он.

— Ну, для себя же не получается, — уже не спрашивала, а утверждала Катя.

— Ну, вообще, да, — согласился отец.

— Тогда в тебе нет бога, — сделала она окончательный вывод.

— Почему? — он, удивлённо подняв брови, повернулся к ней, чтобы убедиться, что она говорит серьёзно.

— Если бы он был, то научил бы тебя поступать правильно, — сказав так, она улыбнулась ему и, встав с дивана, понесла на кухню чашки от мороженого и чая.

У Алексея перехватило дыхание и зажглись уши, произнеси такое кто-то из знакомых, он послал бы того куда подальше, с

комментарием следить за собой, а здесь говорила дочь-подросток, которая не успела ещё наделать ошибок в жизни, и потому несмотря на возраст имела моральное право так говорить.

— И в кого же ты пошла такая? — только что и оставалось ему сетовать.

— Ни в кого, я сама по себе, — донеслось уже под звуки льющейся из крана воды, Катя мыла посуду.

"Хозяйственная, — охарактеризовал её действия на кухне Алексей, но вот в остальном позволил себе не согласиться с ней, хотя вслух уже возражать не стал, — какая разница, есть бог внутри или нет, бизнес строится по своим законам, и законы совсем не божеские".

То, что бизнес строится не по законам божьим, давно понял и Черников. Шагнув на эту стезю и обладая браслетом, он надеялся иметь перед остальными преимущество. Преимущество, безусловно, было, но возникающие проблемы не давали возможности расслабиться, постоянно держали его в напряжении. "Крысиные бега! — подписался и он под чьим-то высказыванием, — добежишь до конца и тебе уже ничего не нужно".

Постоянной зубной болью в его жизнь вошёл Варев. Он омрачал ему настроение, как только Виктор начинал строить планы и вспоминать неоконченные дела. Звонками смотрящий не докучал, после той встречи общение по телефону состоялось только раз, вчера вечером он поинтересовался, как продвигается их проект.

— Работаем в нужном направлении, — только и оставалось расплывчато ответить Черникову.

Но работал Виктор и параллельно. Он отследил поставку товара из Пензы на склады Варева, какие-то запчасти к топливной аппаратуре, и теперь ожидал прибытие "кокса", чтобы его затем переместить в эти коробки на склад. Черников планировал оставить сообщение на сайте наркоконтроля о хранящихся на складе Варева наркотиках. По его замыслу, склад тогда опечатают, банковский счёт фирмы арестуют, единственно, чего ему следовало дождаться, чтобы пензяки перечислили ещё и деньги, якобы за аренду. Наличные же средства изымать из сейфов и укромных мест для него не составляло сложности. В хозяйстве Варева явно нарисуется бардак, если у государства возникнут вопросы к зиц-председателю, то у братвы к смотрящему.

"Когда освободят от должности, — предполагал он, — тогда, возможно, ему уже будет не до меня".

Запасной вариант — это отдать диск, которого у него пока нет. Ухваткин и Помпеев ему ещё будут нужны, они его ступеньки наверх. Это потом можно всё обнулить и начать заново, чтобы забыть всё то, что мешает поступательному движению вверх.

Куда вверх? Да он и сам не знал, где этот верх, просто он должен жить материально лучше своих учителей, своих родителей, стоять на социальной ступеньке выше. Если отец был начальником цеха, то он непременно должен стать как минимум директором, иначе нет никакого прогресса, нет движения вперёд. Но чтобы подняться очень высоко, необходимо делать площадки и каждый раз обнуляться, чтобы старое не тянуло назад, ведь оно не только выталкивает до определённого момента, но и удерживает на своей орбите.

Правильная, по его понятиям, теория имела место быть и находила подтверждение в жизни, но когда он задумывался об этом, у него возникало ощущение дежа вю. Повтор лишь в том, что он однажды думал обнулиться, не достигнув никаких высот, и его услышали и обнулили. Но тогда он лишь хотел стать первооткрывателем, лидером, чтобы говорили о нём, вообще тогда он хотел славы. А теперь он поумнел, слава не может бежать впереди, она приходит уже на готовенькое. Это готовенькое и есть материальное и социальное положение.

Пугало лишь одно, степень обнуления, но успокаивало другое, два раза снаряд в одну воронку не падает, и дважды невозможно войти в одну и ту же воду. Но что-то зловещее в этом всё же присутствовало, оно страшило и будоражило кровь, оно и добывало адреналин. Жизнь не должна быть скучной и тихой, если нет любви, должен быть адреналин.

Что ещё вызывало злобу и раздражение у Виктора — это то, что в родном Возжаевске его подспудно считали шизофреником, а как с этим бороться, он не знал. Ему было очень неприятно, когда о нём так мыслила Наташка, конечно, есть одно но, не было бы браслета, и тогда он не знал, что думают о нём люди. Но ведь многие и не догадываются, как оценивают их другие, а отношение других к себе проверяют или делами или тем ощущением, которое вызывает визуализированный образ при воспоминании о них.

Варев очень хорошо прочувствовал, что не нравится Виктору, что является его болевой точкой. Черников действительно боялся, что метастазы Возжаевской болезни дадут рецидив уже на новом месте, и уже новый круг знакомых, узнав о его прошлом, начнёт вырабатывать эмоции отторжения.

"Возможно, это просто остаточный сидром, который долечит время, а возможно, буду мучиться всю жизнь", — размышлял

Виктор над своим злосчастьем.

Порадовавшись неудачам Гаврилова Н.Ю., Виктор в предвкушении расправы с Варевым расплывался в мечтах, не глядя в зеркало, он чувствовал, как расслабляются лицевые мышцы, как выражение лица приобретает благостное выражение. Такое состояние приносило ему упокоение: исчезал страх, утихала злость, не стучало в висках, прекращался шум в голове, и сердце становилось незаметным, билось ровно и спокойно.

Он не помнит, когда и при каких обстоятельствах произошли перемены с ним, почему несчастье других людей доставляло ему радость, почему ему так полюбился афоризм: "Нам ничего не надо, лишь бы у других ничего не было".

Теперь его будет грызть ещё один червь — эксперимент Хрусталёва, но здесь было двойственное ощущение, хотелось, чтобы он закончился неудачей и удачей одновременно. Неудачей понятно, а удачей — тогда можно узнать больше об этих браслетах, которые он так любит и боится одновременно.

Потому контроль процессов в офисе гадалки должен быть постоянным, чтобы не пропустить эксперимент, если, конечно, Маша ни поделится с ним информацией о его начале сама.

"Нужно чаще бывать там, подружиться с Инной, если уж с Хрусталёвым не могу. Флиртануть с ней? Нет, родственница, не пойдёт, против Машки и, вообще, это очень скользко, но иметь хорошие отношения, хотя бы внешне, не помешает".

Глава 15

Хрусталёв о согласии Марии узнал уже на следующее утро после её разговора с Виктором. Она сама с ним связалась телепатически. Это обрадовало его, так как перемещение под её присмотром надёжнее, чем с будильником, да и присутствие Рогалёва становилось необязательным, что собственно и тяготило последнего.

Он позвонил Алексею Борисовичу, поставил его в известность.

"Что ж, я признаюсь честно, рад, — ответил тот, — что ещё необходимо от меня?"

"Формируйте новый вопрос", — полушутя, полусерьёзно порекомендовал ему Андрей Викторович.

Теперь оставалось настроиться психологически и делать следующий шаг. Ритм подготовки несколько сбивал быт, а именно неприятный случай для любого автомобилиста, Хрусталёв снова попал в аварию, и опять виноват был он.

На сложном перекрёстке, имеющем светофорное регулирование с тремя циклами работы, явно не хватало пары циклов. Каждый раз, выполняя поворот на свой свет, он, лишённый терпения и с ограниченным обзором от стоящих на встречной полосе машин, рисковал. Дело было не в логике, а в вероятности столкновения. Столкновение неизбежно, но его степень вероятности очень мала, но однажды подумав: "Так меня когда-нибудь догонят", он притянул большую степень. После такого размышления столкновение произошло буквально через пару дней, хотя таким образом он пересекал перекрёсток вот уже более пяти лет.

Он не обратил на такой курьёз внимания, если бы не мастер-жестянщик на СТО, где чинили его авто, расспрашивая о том, как произошла авария, ни сказал ему:

— Да разве так можно мыслить? Вы сами себе и притащили несчастный случай, думая о нём.

Они пошутили, вспомнили анекдот про мужика, пилящего сук под собой, но что-то в Андрее ёкнуло, и ему показалось, что до него начал доходить смысл наставлений Марии о правильности мышления.

"О подготовке и настрое на перемещение необходимо мыслить правильно и позитивно, думать только о положительном результате и даже не отрабатывать никаких поведенческих вариантов на непредвиденные нехорошие случаи, иначе эти случаи придут".

Хорошо рассуждать о правильности мышления, но как перестроить сам процесс мышления, чтобы практически не думать о плохом, ему казалось почти невозможным.

"Нужно Марию Анатольевну попросить поделиться опытом", — не придя ни к какому решению, постановил Хрусталёв.

Сказано — сделано. Он в этот же день сам вышел на телепатический обмен и получил очень простые рекомендации: чтобы правильные и позитивные мысли не уходили, их нужно зафиксировать, по-простому, записать на бумаге, и результат правильного мышления придёт со временем, если ежедневно будешь читать свои записи.

Попутно зацепилось понятие, почему следует бояться предсказаний, ты сам их программируешь на исполнение, потому не нужно общаться с магами и колдунами, если даже ты и несуеверный, но не умеешь управлять позитивным процессом своего мышления.

"Всё хорошо, но так сама подготовка затянется на неопределённые сроки, конечно, воспитание терпения — это также положительный процесс, но так и перегореть можно, — проанализировал Андрей Викторович полученную информацию, — нужно назначить дату и поступательно идти к ней".

"Почему такая хорошая идея, как встречи по обмену опытом, не продвинулась дальше, — посетовал он потом, — подменили телепатией? или быт задавил? Нужно напроситься к Марии Анатольевне на такое общение".

Под конец этого же рабочего дня они уже сидели на офисной кухне и делились не только своими наблюдениями и ощущениями от обладания браслетами, но и своими аспектами на людские глобальные проблемы.

Мария уже переоделась из своей униформы гадалки в летний сарафан и выглядела как сотни женщин её возраста на улицах наших городов. Встретив её где-нибудь в магазине или на остановке общественного транспорта, никогда не догадаешься, что милая, обаятельная леди по профессии предсказательница и почти экстрасенс. Она раскована и немного тороплива, наблюдательна и избирательна, вообще, всё как у всех, лишь только светятся глаза лучезарным блеском, и улыбка едва прячется в уголках губ.

"Она уже в предвкушении встречи с ним, — расставил правильные акценты Хрусталёв, — а я тут со своими расспросами".

Он сидел на своём привычном месте, спиной к двери, его

взору отрывалось всё пространство помещения. Усталость, которая накопилась за день, позволила ему расслабиться и непринуждённо облокотиться на спинку стула. Светло-серые лёгкие брюки и голубая, в размытую белую полоску рубашка с коротким рукавом были слегка помяты, рубашка в области спины, а брюки в районе колен и бёдер. Однако лицо его, загорелое и высушенное летним солнцем, не выглядело уставшим или напряжённым, даже наоборот, оно было бодрым, а глаза излучали нетерпение и оптимизм.

— Вы знаете, я также потерял контакт с каналом внешнего разума, — начал Хрусталёв с жалобы гадалке, напомнив ей тем самым тему их последнего общения.

— Вы сожалеете об этом? — спросила она, проявив быстротой реакции свою заинтересованность.

— Не то чтобы жалею, просто чего-то уже не хватает, нет уверенности, что ли, — отвечал он, слегка растягивая слова.

— Это всё началось после обновления браслетов? — уточняла гадалка.

— Скорее всего, да, — утвердительно, но в задумчивости, словно вспоминая и сравнивая между собой череду последних событий, вытягивал из себя ответ Хрусталёв.

Помолчав недолго, собираясь с мыслями, он продолжил:

— Мне кажется, я сам мысленно дистанцировался от этого.

— И я так же думаю, что наше сознание в настоящий момент больше занято материальным, а не духовным, ну, скажем бытом. Я не жду любви, вы не ищете романтизма. Мы немножко насытились. Вселенная не будет нам помогать советами, если мы стремимся лишь к добыче денег, мыслим о закупках колбасы и сыра на завтрак. Это всё нужно для тела, но где духовность?

— Вы намекаете на то, что нужно больше читать книг, ходить в театры и церкви? — немного иронично продолжил её мысль Андрей.

— Нет, не намекаю я, конечно, "за", но то, что вы перечислили, у многих превратилось в обыкновенную бытовую процедуру, как сходить на работу или за продуктами. Кстати, я вам не предложила ни чаю, ни кофе, — спохватилась Мария, когда поставила руки на стол и поняла, что они ничем не заняты.

— Спасибо, не хочется, — отказался Хрусталёв и продолжил, — что же в том плохого?

— Ничего, но и пользы мало, от общения с духовными ценностями сознание людей не меняется, они, как искали выгоду для себя, так и продолжают искать.

— Вы думаете в этом виновато мышление?

— Конечно. Перестроить его очень сложно, сходила в театр

или кино, сопереживала там, посетовала потом, какие мы нехорошие, и всё, дальше снова рациональный мир.

— Что ж получается тупик?

— Для человечества да, для отдельных личностей — сомнительно, — она как-то непривычно для своего поведения передёрнула плечами, что даже смутилась и замолкла, надеясь, что собеседник домыслит сам всё недосказанное.

— Согласен, мы все в одной лодке, а гребём в разные стороны, и каждый надеется приблизиться к берегу первым, — он действительно понял и подхватил её мысль.

— Китайцы мудры по отношению к своему телу, лечат весь организм, а не отдельные его части, а вот дальше распространить своё учение не смогли, монахи не в счёт, — применяя в разговоре образность, Мария надеялась сделать доступным для собеседника не только широту своей мысли, но и её глубину.

— Что вы имели в виду? — озадаченно бросился уточнять Хрусталёв.

В такой момент его лицо слегка исказилось из-за поднятых вверх бровей.

— Мы лишь маленькая часть, толика чего-то большого, огромного и наше сознание должно вырасти до таких размеров, чтобы лечить всё в целом, а не отдельные его части.

— Но как это сделать? — с нетерпением воскликнул Андрей Викторович, похоже, что этот вопрос он уже сам себе задавал много раз.

— Это должно быть очень просто, если решение человечеством до сих пор не найдено, — так же не зная ответа, Маша пустилась в абстрактные рассуждения.

— Просто всё только у детей, — иронически откликнулся Хрусталёв, который явно собирался сказать что-то более язвительное, но вспомнив по чьей просьбе они затеяли такое обсуждение, сдержался.

— Вот именно, чем взрослее человек, тем запутаннее его мир, — не обращая внимания на тон собеседника, продолжила она его отвлечённую линию.

— Получается, что это взрослым нужно учиться у детей? — удивился он сам своему же парадоксальному выводу.

— Получается. Мы учим их материальному, а они нас — духовному, только они учатся, а мы нет, — подвела она итог их неожиданному открытию.

— А в школах им преподают только письмо, чтение и счёт да заставляют мыслить по-взрослому, — не успокаивался Хрусталёв и продолжал трактовать уже пройденное и известное.

— Мы мешаем им развиваться? Мы сами себе мешаем

развиваться, — не удержалась и Маша, также пошла по тавтологическому кругу.

В этот момент послышался рингтон её сотового телефона, и она, извинившись, взяла аппарат со стола и вышла в коридор для разговора. Хрусталёв остался один в возбуждённом состоянии.

"Как же это вышло, хотел обсудить трансцендентный опыт, но опять свернул в дебри бытия и сознания, получается, всё само получается", — и он улыбнулся самопроизвольной рифме.

Вернулась Мария с блаженным налётом на лице и со словами:

— Виктор звонил, предупредил, что задержится, так что мы можем дискуссировать ещё, если, конечно, у вас есть время и желание?

Андрей Викторович, посмотрел на часы, время было половина шестого, и ответил:

— Желания больше времени, но полчасика есть.

— Вы только тогда подбросите меня к остановке на Радищева, отсюда после шести сложно уехать, — попросила она его и села на своё прежнее место за столом напротив.

— Хорошо, — согласился он.

Но их намерениям не суждено было сбыться, щёлкнул замок входной двери, — это вернулась с покупками Инна. Она вошла с двумя огромными пакетами на кухню и слегка удивлённо произнесла:

— Ого, вы ещё работаете?

И не дождавшись ответа, прошла к холодильнику, прислонила к его основанию пакеты, спросила снова:

— Я не помешаю вам? Мне продукты разложить.

За двоих ответила Мария Анатольевна:

— Мы уже почти закончили, договорим в машине, правда, Андрей Викторович?

— Да, конечно, мы пойдём, Инна, не будем тебе мешать, — засуетился Хрусталёв, вставая со своего стула и забирая со стола борсетку с ключами и документами.

Они быстро распрощались и вышли из квартиры в подъезд. Даже в подъезде чувствовалось, что на улице августовское пекло. Двор дыхнул разогретым асфальтом, сухостью и плотным городским маревом. Тополя и те шелестели в жару по иному, листья словно высохли, гоняя раскалённый воздух.

Ладу двенадцатой модели укрывала от солнца стена дома, предусмотрительно оставленная хозяином в тени, машина не сильно нагрелась. Маша предпочла переднее пассажирское сиденье, так ей было удобней вести диалог.

— Никогда не видел, чтобы вы закупали продукты, —

неожиданно высказал свои наблюдения вслух Хрусталёв, запуская двигатель.

— Мы живём в доме, на первом этаже которого супермаркет, так что нет необходимости вести продукты из одной половины города в другую, везде всё одинаково, ну, разве лишь цены иногда отличаются незначительно, — пояснила она, пристёгиваясь и открывая окно.

Андрей Викторович аккуратно вырулил из двора и по тихой улочке покатил на встречу медленно двигающемуся потоку автомобилей, виднеющемуся впереди в проёме между двух домов.

— Вам стало легче от разговоров? — спросила Мария, улыбаясь и повернув в его сторону лицо с широкими солнцезащитными очками на глазах.

Он бросил в её сторону быстрый взгляд в знак благодарности тому, что она положила начало неоконченной беседе. Заодно мельком проверил, пристёгнута ли она. Запечатлев наискосок поверх груди ремень и на её бёдрах белую дамскую сумочку с лежащими на ней крест-накрест руками, ответил:

— Я понял, высший разум заставляет нас мыслить самостоятельно, без подсказки, но незримо направляет сам процесс, ибо, когда мы поверим, что эта мысль наша, собственная, её уже трудно вытравить из нашего сознания. Так, что думайте люди, мечтайте, ведь мечтание самый несложный, детский процесс мышления, а приводит он к более сложному, правильному и устойчивому. Обидно лишь одно, что поздно понимаешь это, и поле для мечты сужено до размера банкноты.

Он замолчал, сосредоточенно наблюдая за движением, пришлось объезжать газель, высаживающую в неположенном месте пассажиров. Закончив манёвр, продолжил:

— Конечно, уже хорошо, если ты сам это понял, но вот, когда тебе в твоём возрасте объясняют другие, и ты согласно киваешь головой, а сам крутишь фигу в кармане, мол, да, да всё прекрасно, но про себя думаешь, что в жизни-то всё иначе. Это она — жизнь всё расставляет по своим местам, а человек — лишь фигура на доске, которую двигают, но кто-то указывает, куда ставить эти фигурки, и кто-то подсказывает.

Он прекратил говорить вместе с остановкой машины, стояли все, впереди горел красный свет. Дождавшись начала движения, он продолжил:

— Так вот, скорее всего, мы сами себе определяем то место, а оно находится где-то посредине между нашими материальными потребностями и духовными запросами. Шкала духовности и богатства. Мы нейтральные. Ноль движется по шкале или влево или вправо, но он всё равно ноль.

— Что же тогда опять тупик? — улыбнувшись снова, она ещё раз посмотрела на него.

Но он не повернулся, был занят, даже неизвестно чем более, дорогой или своими дальнейшими рассуждениями. Наконец, на светофоре Хрусталёв свернул с оживлённой магистрали влево на улицу с односторонним движением. Машина побежала быстрее, в открытые окна забирался тёплый ветерок, и он пояснил то, что не успел договорить ранее:

— Нужно уйти от плоскости и перейти к объёму, чтобы одно было над другим, причём всё наоборот. Закон аналогии, знаете? Как в большом, так и в малом.

— То есть? — удивлённо переспросила Мария.

— Если внутри дух, а снаружи плоть, то в сознании — внутри материальное, а снаружи духовное. Растёт материальное и расширяет границы духовного, которое имеет связь с космосом, а не наоборот, когда кажется духовное растёт, пробивается к вселенскому, а материальное увеличивается и закупоривает духовное.

— Духовно мыслить о материальном, а не материально о духовном? — произнеся такое выражение, Маша ощутила некий дискомфорт, ей самой казалось, что это просто игра слов, риторика.

И Хрусталёв, почувствовав энергетический сбой, повернулся и посмотрел ей в лицо, желая найти и эмоциональное подтверждение её словам. Но солнцезащитные очки скрывали её глаза, главный и точный индикатор внутреннего состояния человека, и от этого вся мимика лица выглядела застывшей.

— Вот именно, — вернув взгляд на дорогу, согласился он.

Сделав небольшую паузу, Хрусталёв затем опять вернулся к тому, о чём говорил до реплики Марии:

— А сейчас мы все нейтральные, наш мир плоский, и мы не смотрим вверх. Мы толкаемся на пятачке Земля и сетуем друг на друга, хотя мир огромный, всем всё хватит, но сознание наше очень мало, оно не вмещает такие размеры.

— Вы хотите подвести духовный мир под рациональность?

— А что в этом такого? Нужно прямо сказать, что духовному росту мешает растущий интеллект, об этом уже многие говорят ещё с конца прошлого века, но мир продолжает катиться в пропасть.

Он припарковал машину у тротуара прямо перед несимметричным перекрёстком. Четыре улицы сходились в площадь, но ни одна из них по законам геометрии не являлась продолжением другой. На этой площади была та остановка общественного транспорта, с которой без труда можно было

уехать в новый район, где и проживала Мария.

— Все понимают это, но хотят, чтобы перестроился кто-то другой и под них, значит, мы просто не искренни, — вместе с остановкой автомобиля Хрусталёв закончил и свой монолог.

Он повернулся к ней всем корпусом и, положив левую руку на руль, вопросительно осмотрел её, начиная с очков и заканчивая сумочкой на коленях.

Мария сняла очки, и так же испытующе глядя ему прямо в глаза, с улыбочкой спросила:

— Ну как вам наша болтология что-то дала?

— Конечно. Я поменял вопрос, теперь вместо "антиоружия", хочу узнать об истинных возможностях человека, — на полном серьёзе ответил он и вернул своё тело в положение для езды: руки на руле, туловище спиной прижато к сиденью.

— Например? — уточнила она и отстегнула ремень безопасности, явно готовясь покинуть салон.

— Способен ли сам человек генерировать идеи? или это только иллюзия? — озвучивая свои вопросы, Хрусталёв облокотился на руль и слегка подался вперёд, создавалось впечатление, что он читал титры текста на лобовом стекле, так как смотрел прямо перед собой.

— Ну и когда же вы планируете перемещение? — спросила Мария, открывая дверь и выставляя ноги на порог автомобиля.

— Теперь хоть завтра, — не снимая рук с руля и повернув в её сторону лишь голову, задорно ответил он.

— Так быстро, вы знаете, мне кажется, что в настоящий момент психологически не готова я, — удивлённо воскликнула Маша и даже затормозила свой выход из салона, оставив ноги на пороге открытого проёма двери.

— Перемещений как прежде не будет, переместится лишь моё сознание и всё, — успокоил её Андрей Викторович.

— Откуда вы знаете? — несколько растерянно уточняла она.

— Не знаю, а уверен в этом. Я так хочу, и оно так будет, — твёрдо и с оптимизмом произнёс Хрусталёв.

— Вы своей уверенностью пугаете меня ещё больше, — говоря эту фразу, она всё же решилась покинуть салон автомобиля, наклонилась и выставила туловище на улицу.

— Не пугайтесь, всё будет нормально, — уже крикнул он ей в след.

Маша встала у открытой двери, пригнула голову, чтобы видеть Андрея Викторовича и поблагодарила его:

— Ну, я пошла, спасибо, что подвезли.

— Это вам спасибо, что говорили со мной, — ответил ей Хрусталёв.

— До свидания.

— До завтра.

Она захлопнула дверь и, перебросив из левой руки в правую дамскую сумочку, сделала несколько шагов в сторону стоящих в ожидании пассажиров жёлтых газелек, обернулась, подняла левую руку и помахала ему пальчиками. Он, кивнув головой, включил поворотник, и лада, тронувшись с места, покатила к центру перекрёстка.

Глава 16

Черников сидел и слушал непрерывную болтовню Помпеева. В кабинете Ухваткина их было четверо: сам Ухваткин в кресле директора, по правую руку его — зам Евгений Иванович, затем через одно место — Черников, а слева напротив зама — загорелый и помолодевший Помпеев.

Помпей, только вчера вернувшись из отпуска, сегодня уже травил байки, и утренняя деловая пятиминутка затягивалась на неопределённое время. Сейчас, приблизительно в это самое время, у Варева должны начаться неприятности, и Виктору хотелось наблюдать, как это будет. Но и здесь ему необходимо присутствовать, так как Помпей Ухваткину уже дал предварительное добро на сделку по квартире, и сразу же после совещания должен состояться уже очный разговор между покупателем и продавцом, т. е. между ним и Помпеем. Без особой надобности Помпей так скоро не вышел бы на работу, и, наверное, интерес по сделке высок.

— Познакомился с одним бизнесменом из Новосибирска, время в компании, знаете, летит быстрее, — монотонно гудел Помпей, — вот он мне за рюмкой чая прикольную историю поведал.

— У него дома автомобиль, со старшим сыном один на двоих, не помню точно, но какая-то иномарка, сын — студент, права уже имеет, иногда берёт машину у отца с друзьями покататься. Вот, взял он как-то ключи, приходит на стоянку, а стоянка тут же у дома во дворе, глядь, а номера заднего на машине и нет. Звонит отцу, тот прибегает ничего понять не может, действительно нет номера, вчера, когда он на ней ездил и на стоянку ставил, всё было в норме. Папашка в милицию с заявлением, а там его уже ждут, будто он попал в аварию и скрылся, подрезал другую иномарку, вот она в него и въехала, да так, что номер его машины на асфальте остался. За рулём была дамочка, вся в истерике естественно, что-то помнит, что-то нет. Забирают у него права и в суд и слушать его оправдания не хотят.

Зазвонил телефон на столе Ухваткина, прервав тем самым вещание Помпея. Алексей Иванович извинившись, снял трубку, коротко переговорил с кем-то и, положив её на место, обратился к своему заму:

— Жень, там представители от строителей пришли, хотят ознакомиться с техническими параметрами некоторых наших участков, ты займись, пожалуйста, ими.

Евгений Иванович кивнул и, уже вставая со своего места,

спросил у Помпеева:

— Жалко не дослушаю, чем там закончилось?

— Да ничем, подстава это, — торопливо ответил Помпеев, понимая, что одни благодарные уши покидают его общество, — приятелю в суде права вернули, нет доказательств, что это был он, но барышню признали потерпевшей и, по всей видимости, выплатят по страховке за ремонт автомобиля.

Зам вышел, а Помпеев сразу переключился на другое и, кивнув в сторону закрывшейся двери, заинтересовано спросил:

— Что-нибудь стоящее, Алексей?

— Да нет, мне кажется пустышка, кто хочет строить, и у кого есть деньги, те строят, — ответил нехотя Ухваткин.

— А я уже обрадовался, вдруг инвестор появился, — залепетал Помпеев.

Они, как заговорщики, наклоняясь друг к другу, стали обсуждать перспективы реализации своих участков, не обращая никакого внимания на Черникова, словно его и не было с ними в одном помещении.

Виктор не прислушивался к их словам и не заметил даже, что, возможно, здесь он уже третий лишний. Он под впечатлением рассказа Помпеева об автомобильном мошенничестве погрузился в воспоминания своего детства, с таким же курьёзным случаем.

Когда ему исполнилось четырнадцать лет, отец, по тем временам, приобрёл роскошный автомобиль, "Жигули" шестой модели, а он сразу же записался в школу юных автомобилистов, где подростков опытные инструктора обучали автомобильному делу. Они перемещались на стареньком москвиче по двору школы, заезжали под присмотром инструктора на эстакаду, в бокс. Если езда на машине осуществлялась под строгим контролем, то на мотоцикле они катались в своё удовольствие, когда сами же приносили для него бензин. Отец за городом на просёлочных дорогах иногда давал порулить сыну на семейном автомобиле и, в целом, был доволен его навыками вождения.

Во дворе он рассказывал своим товарищам о том несравненном удовольствии, которое получал при самостоятельном управлении автотранспортом.

Сразу же за их домами пустырь, на котором располагались гаражи, там был и их гараж и гаражи многих знакомых и жильцов близстоящих домов. Однажды Колька Стрепет принёс связку ключей, которую обронил пьяный мужик, возвращаясь из гаража домой. У этого мужика был красный мотоцикл "Иж" с коляской. На связке были не только ключи от гаража и квартиры, но и от мотоцикла.

— Пацаны, айда на рынок дубликаты сделаем, а вечерком Витёк покатает нас, — предложил Колька.

Они втроём сходили на рынок, там была будка, в которой затачивали ножницы, ножи, изготавливали по образцу запасные ключи для замков, чинили зонтики. Сделали вторые ключи от замка гаража и мотоцикла, всю связку ключей вернули хозяину, за что получили от его жены на мороженое.

Первое пробное ознакомление с гаражом и мотоциклом сделали в этот же вечер часов в одиннадцать, всё прошло тихо. Покататься не решились, так как у Витьки отец вечером был дома и, хотя были летние каникулы, не разрешал гулять до полуночи, мероприятие перенесли на следующий вечер, когда у Василия Ивановича будет ночная смена, а мама разрешит сыну задержаться подольше во дворе.

Так началась эпопея ночного катания на чужом мотоцикле, два-три раза в неделю им удавалось, не выезжая на центральные улицы, по неосвещённым закоулкам и переулкам выезжать за город и гонять там в дачных окрестностях. Днём заранее заготавливали бензин, покупали или брали взаймы у кого-то, а то и просто кто-то давал без денег пару литров, откликнувшись на их изобретательные просьбы.

Они вошли во вкус, Витька научил остальных двоих сносно управлять мотоциклом, и они уже мечтали как-нибудь покатать девчонок со двора, но останавливало лишь одно, что те могут проболтаться и нечаянно их сдать. Но у всего есть начало и конец. И вот однажды, рано утром, его разбудил отец с непонятными и неприятными претензиями: он накануне вечером заправил машину бензином, собирался после ночной смены ехать на рыбалку. Пришёл в гараж, а капот машины ещё тёплый и бензина почти ноль, в салоне автомобиля пахнет табаком и спиртным. Узнав у матери, что сын полночи гулял где-то, сделал вывод, что это его проделки.

Как Витька не отпирался, но под нажимом отца пришлось выложить своё алиби, а попросту сдать пацанов и мотоцикл. Неординарность ответа и проверка сопутствующих факторов заставило Василия Ивановича поверить сыну, что он не причастен к ночной езде на родительском авто, но взбучка последовала за мотоцикл, причём в купе с родителями других участников. Из-за своего малодушия он потерял друзей, страх наказания в тот момент пересилил его первоначальную решимость бороться с несправедливыми обвинениями и не дал возможности логически осмыслить своё алиби. Во дворе к нему стали относиться плохо, как к доносчику и предателю.

Автошколу он забросил, а став совершеннолетним, не

стремился получить права на вождение.

— Алё, гараж, — обратился громко к Черникову Помпеев, — где витаешь, зовём, зовём, ноль эмоций.

— Извините, задумался, — смущённо оправдывался Виктор.

— Так по квартире ты на полном серьёзе предложение делаешь? — спросил Помпеев Черникова.

— Ну, а как ещё, конечно, я всё уже продумал, — ответил Виктор.

— Цену-то не слишком занизил? — наезжал Помпей на него.

— Да нет, Владимир Петрович, в сложившихся обстоятельствах это самая подходящая цена, учитывая, какие затраты понесу я при переделке документов, хотите, попробуйте сами отмыть такую квартиру и тогда убедитесь, во сколько вам это обойдётся, — приводил свои аргументы Виктор.

— Почти треть цены от рыночной, накинь хоть до половины, — начал торги Помпеев.

— Не могу, Владимир Петрович, у меня просто нет таких средств, — твёрдо стоял на своём Черников.

— Давай в рассрочку, а Виктор Васильевич, не будь скупердяем, ведь квартира стоит того, — упрашивал его Помпеев.

— В рассрочку, а с чего я потом отдавать буду? — упорствовал Виктор.

— Упрямый ты какой, — продолжал нудить Помпеев, — ну, ладно, я согласен, просто у меня безвыходное положение.

— Жадность губит людей, — вмешался с улыбкой в их торг Ухваткин, — не хапал тогда столько, не было бы твоего положения.

— А как жить-то, кругом одни волки, — сокрушался бывший мэр, — тут вот кризис пророчат, всё нажитое прахом пойдёт.

— Кто пророчит? Опять досье? — иронизировал Ухваткин, — экономисты прогнозируют рост экономики.

— Прогноз экономистов — это такой же прогноз, как и экстрасенсов, гадание на кофейной гуще, а экономика — то верть-круть, то круть-верть, а результат один и тот же, не совпадающий с прогнозом, — парировал Помпеев.

— О-о, да вы у нас ещё и философ, Владимир Петрович, — засмеялся Алексей Иванович.

— Жизнь заставляет, ну, да ладно, вернёмся к телу, как говорил Остап Бендер, — и он повернулся снова в сторону Черникова, — что от меня требуется конкретно?

— Договор купли-продажи, паспорт на квартиру, если успели оформить, ну помощь в организациях, где отслеживают сделки, — пояснил Черников.

— Не понял, — вскипятился Помпеев, — это что за помощь? Как понимать это, если я ценой плачу?

— Не беспокойтесь, вам ничего делать не придётся, просто у нотариуса нужно проверить, где лежат договор и регистрационная книга, думаю, вам в этом не откажут, если попросить, тоже самое в БТИ, регистрационной палате и у фирмы-продавца, — успокаивал его Черников, — поясните, что клиент попался щепетильный, пусть отложат документы и приготовят для просмотра.

— А, ну это, конечно, можно, я отряжу человечка, он всё сделает, — уже миролюбиво соглашался бывший мэр, но тут же снова деловито спросил, — а деньги когда?

— Как документы оформим, — улыбаясь, ответил Черников.

Придя в свой кабинет, Виктор дал выход эмоциям, он высоко подпрыгнул и при этом взмахнул рукой, но мягко опустился, чтобы не было стука, так как стены между помещениями были очень тонкими.

— Да! Да! — восклицал он, но старался это делать приглушённо, — мне удалось это!

Немного успокоившись, он сел на стул и стал размышлять о своих дальнейших ходах.

"Деньги! В банке или у Варева, да, кстати, как там наш спрут поживает?"

Он откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и так неподвижно просидел несколько секунд, в результате концентрации перед ним открылась нужная картинка.

Склад Варева. Много незнакомых людей, из них только двое в форме, собака лабрадор, обнюхивающая уже соседний бокс, а в том, где находились наркотики, больше всего и толпится народ.

"Понятно, уже всё нашли, оформляют протоколы, а где же наш смотрящий?"

Он снова застыл, не двигаясь, и даже дышал неслышно, желая отыскать нужный ему маячок. И опять ему удалось осуществить желаемое.

Новая картинка, но уже с Варевым, ведущим энергичные переговоры с кем-то по телефону. Помещение Виктору незнакомо, цивильно, похоже на офис какой-то фирмы, возможно, это и есть штаб-квартира смотрящего, о которой мало кому известно.

Длинный стол для заседаний упирается в директорский, за которым в огромном кожаном кресле с подголовником восседает Варев. За его спиной — металлический шкаф, перед ним ноутбук и раскрытый ежедневник.

"Всё, как у всех" — иронически пронеслось в голове

Черникова.

Перед смотрящим трое. Двое молодых мужчин в пиджаках и галстуках и молодая девушка с распущенными волосами. Девушка что-то пишет в раскрытый блокнот шариковой ручкой.

"Секретарша или пресса", — отметил про себя Виктор.

Варев закончил говорить и, блеснув золотом оправы, начал что-то внушать двум мужчинам, затем слегка наклонился под стол, открыл какую-то дверцу.

Черников переместил обзор за спину смотрящему. Прямо под столом у левой ноги того стоял маленький сейф. Внутри сейфа всего одна перегородка, наверху которой лежало несколько долларовых пачек, перетянутых резинкой, под ней — чёрный пакет с брикетами денег, наверное, рублей.

Варев взял одну долларовую пачку и положил на стол перед собой, затем из чёрного пакета извлёк три брикета и присоединил их к первой пачке.

Чтобы быть более свободным в анализе ситуации, Виктор не старался услышать, о чём они там говорят.

"Тушат пожар деньгами", — ехидно комментировал он сам себе происходящее, ему стало легко и радостно, дышалось свободно и глубоко, словно с его груди сняли тяжёлый груз.

Варев закрыл сейф, у дверцы только ручка и кодовый замок. Центр фокуса направлен на средину дверцы, сужается и сквозь неё проникает внутрь. Темно, но через пару секунд мрак отступает, пачки стодолларовых купюр чётко вырисовываются на переднем плане.

"Мне всего-то нужно пять пачек и я с Помпеем в расчёте", — мыслит и считает Виктор.

Его взгляд меняется и уже концентрируется на поверхности стола перед собой, он мысленно представляет, что те пять пачек из сейфа сейчас лежат перед ним. Он видит их в такой же конфигурации, четыре снизу, пятая наверху.

Веки слабеют и опускаются, но картинка поверхности стола наблюдается сквозь них. Мысленная визуализация помогает выстраивать банкноты на столе. Концентрация усиливается, кажется, что браслет начинает пульсировать, возможно, это просто его пульс стал более заметным. Напряжение достигает критических размеров, появляется тупая боль в области лобных пазух и висков, будто бы кто-то вытягивает оттуда намотанную прямо на мозг длинную ленту. Но вот происходит небольшое короткое затемнение, кажется, что над поверхностью стола вьются множество чёрных и быстрых мошек. Их становится больше, они перемешаются по спирали, увеличивают скорость вращения, пропадают, превращаясь в сплошной поток, и вдруг на

этом месте появляется стопка денег, раздвигая и растворяя в никуда черноту.

Виктор облегчённо вздохнул и расслабленно опёрся на спинку стула. Веки закрыты, прекратилось видение сквозь них. Он сидел без движений, постукивало в висках, но уже затихало, можно было открыть глаза, но он боялся, вдруг там, на поверхности стола, ничего нет.

Так прошло несколько секунд, он сидел с закрытыми глазами, но нетерпение нарастало, и, когда её энергия превысила потенциал энергии страха, Виктор осмелился и посмотрел.

Перед ним на столе лежали пять пачек стодолларовых купюр, ровно пятьдесят тысяч.

"Господи, получилось, — восторгался он и с трепетом поглаживал шершавые боковины пачек, — что же теперь с ними делать? где прятать?"

Черников достал из нижнего ящика жёлтый полупрозрачный пакет, оставшийся у него от покупок канцтоваров, и переложил в него валюту. Но сквозь тонкий целлофан чётко просматривалось то, что лежало в пакете.

"Нет, так никуда не годится, как я пойду с ним по городу?"

Других пакетов не было, и его взор неожиданно остановился на корзине для бумаг, внутренняя поверхность которой была выстелена чёрным полиэтиленовым мешком для мусора. Виктор поднял корзину с пола и поставил на угол стола, она была пуста, и только на дне спрятался почерневший и слегка засохший огрызок яблока, брошенный им ещё вчера.

"Даже уборщица не заметила", — мысленно отметил он, вытаскивая огрызок из корзины.

Оставил его тут же на столе, а тёмный мешок вытащил и переложил в него брикеты долларов, завернул и засунул в жёлтый пакет.

"Теперь нормально, — оценил он увиденное, а сверху свёртка пристроил огрызок, — по дороге выброшу".

Виктор вернул корзину на её прежнее место к углу стола, разогнулся, и в этот самый момент завибрировал браслет.

"Кто там посмел меня беспокоить", — озабоченно мыслил он.

Это были Ухваткин с Помпеевым, они никак не могли расстаться и продолжали общение.

— Этот твой помощник, Витёк, сожрёт нас однажды и не подавится, — внушал Ухваткину Помпей, — уж ты мне поверь, я таких акул нутром чую. Где ты его откопал?

— Неважно, — отвечал ему Алексей, — и я его опасаюсь, но мне от него пока только польза, вот закончит свою миссию, буду думать, как с ним поступить дальше.

— Что это за миссия такая?

— Пусть вычислит, кто заказал меня.

— Так он что из органов? — удивился Помпеев, — то-то я смотрю, связи у него какие-то непростые.

— Да нет, он что-то вроде начинающего экстрасенса.

— Да, ну, то-то я чувствую, что при общении с ним у меня остаётся ощущение, что будто бы у меня кто-то в голове пошарил.

— То-то, то-то, — передразнил своего собеседника Ухваткин, — не выдумывай лишнего, он не телепат, а начинающий экстрасенс, фотографии читает, ну там предметы, помещения может обследовать.

— Ну и на хрена он тебе такой хороший? — не сдавался Помпей.

— Ты что ли мне заказчиков найдёшь? — раздражённо сорвался Алексей, — сам хвосты за собой подчистить не можешь, скажи ему спасибо за дедушкину квартиру.

— Ой, спасибо, нагрел, как лоха, век буду благодарен, — обозлился Помпей, — ещё неизвестно ничего, может всё обойдётся.

— Может само рассосётся, думала беременная курсистка, — теперь уже язвил и поучал Ухваткин, — не был бы таким жмотом, делился с людьми, и проблем не возникало, а то всё мне, мне и мне, и срок тоже теперь тебе.

"Грызутся, ну и пусть, — прекращая яснослышание, оценил ситуацию Черников, — что-то я совсем устал, пойду отпрошусь домой, скажу для решения финансовых проблем по квартире".

Он взял пакет, вышел из кабинета и, нетвёрдо ступая по коридору, словно по палубе корабля, направился в приёмную.

В конце рабочего дня Виктор встречал Машу на пороге их квартиры. Он был сама любезность, поцеловал её, приготовил ужин: сделал салат из огурцов и помидоров, а пиццу заказал на дом по телефону. Маша насторожилась:

— "Значит, что-то попросит взамен".

Они с Хрусталёвым собирались завтра осуществить трансцендентный опыт.

"Не может быть, чтобы он узнал об этом, все его жучки заблокированы, новых нет", — размышляла она, принимая душ.

За ужином Виктор был необычайно разговорчив, что, в принципе, было не чуждо и приятно Марии. Под самый конец, когда на десерт они поглощали спелый астраханский арбуз, она побудила его к дальнейшему:

— Ну, а теперь главное говори.

— Может ты кроме намерений и мысли прочла? — пошутил

он.

— Да нет тогда бы, зачем мне спрашивать, — парировала она.

— Машуль, я квартиру трёхкомнатную покупаю в доме-свечке рядом с твоим офисом, — сознался Виктор.

— Та-а-а-ак, — растянула она слово как могла дольше, — и теперь тебе, конечно, не хватает финансов.

— Угу, — улыбался он.

— Вить, ты знаешь, что сейчас я усиленно гашу кредит, который брала на нашу поездку в Швейцарию, — поясняла Маша и по привычке сама начала мыть посуду после ужина, не дожидаясь уже любезностей от супруга, — в залоге — мой офис.

— Ну, а эта квартира?

— Двухкомнатной квартирой на окраине не закрыть трёхкомнатную в центре, кстати, а о которой сумме идёт речь? — неожиданно переключилась она на частности.

— О пятидесяти тысячах зелёных, — восторженно произнёс Черников.

— Витя — это авантюра, за такие деньги в центре можно лишь купить адрес новостройки, окончание которой года через три, — сделала логический вывод Маша и, прекратив возиться с посудой, повернулась, чтобы увидеть выражение лица Виктора.

Но она нисколько не смутила его, он продолжал улыбаться, не старался вспылить или что-то выкинуть такое в своём стиле, когда кто-то подозревал его в недружеских связях со своей же головой.

— Маш, потому и покупаю, что квартира палёная, покойного дедушки бывшего мэра, — озвучил свои козыри Виктор.

— Тем более, там пахнет скандалом и, возможно, судом, отнимут в пользу государства, и плакали наши денежки, — не сдавалась Маша.

— Там всё нормально, переделают документы, как будто это я купил ту квартиру три года назад, — отдавал небольшими порциями информацию о сделке Виктор.

— Ой, не нравится мне всё это, ой, не нравится, — сокрушённо вырвалось у неё и она, отвернувшись, стала протирать мытые тарелки и ставить в шкаф над мойкой.

— Маш, ты хочешь за меня замуж? — спросил с улыбочкой Виктор и продолжил, — так не могу же я свою невесту после загса привести в её же квартиру.

— Это всё риторика, Вить, а не проза жизни, — сделав паузу, она продолжила, — больше тридцати тысяч банк всё равно не даст, это они продают дорого, а покупают дёшево, вот на такой марже их бизнес и процветает.

— Хорошо, договорюсь с Помпеевым о рассрочке, думаю, он

не будет сопротивляться, скажу, есть риск, — согласился на озвученную сумму Черников.

— Поговорю через день с руководством банка, но ничего не обещаю, — обречённо выдавила из себя Мария и с полотенцем в руках присела на стул за столом.

— Почему не завтра?

— Завтра у нас эксперимент намечен, могут получиться накладки, — задумчиво произнесла она.

— Вот, у тебя мероприятие, а ты обещала меня информировать, — с укоризной произнёс Черников.

— Я собиралась тебе рассказать, но ты своей новостью опередил меня, — слегка оправдывалась Мария.

— Ладно, проехали, — согласился на мировую Виктор, — расскажешь завтра про путешествие в иные миры, но послезавтра, надеюсь, про банк не забудешь?

— Не забуду.

Глава 17

Вечером накануне дня со временем "Ч" Хрусталёв собирался лечь пораньше, но одно дело запланировать, а другое исполнить. Желания спать не было, и он сначала побродил в интернете, затем уже в постели досмотрел фильм и, лишь когда наступила полночь, выключил телевизор, уткнувшись лицом в подушку с мыслями, что встать-то нужно чуть раньше, чем обычно, и, возможно, следует завести будильник.

Однако проснулся без посторонней помощи в начале седьмого, и хотя ещё хотелось спать, глаза закрывались сами, а голова с трудом отрывалась от мягкого, он сделал усилие и всё-таки занял сидячее положение. Времени ещё было достаточно для целого часа отдыха, но иногда наши физические потребности не совпадают с духовными, и тогда берёт верх та сила, у которой больше энергии в данный момент. Последнюю неделю внутри него постоянно горел огонь беспокойства, что разрушало его жизненный комфорт, заставляло что-то делать и куда-то стремиться. Ему виделось, что единственной панацеей от дискомфорта может стать браслет, т. е. не сам браслет, а то, что он может дать, — трансцендентные перемещения. И его прозрения подкреплялись действительными фактами, ведь когда он думал о перемещениях, беспокойство исчезало.

Он поднялся с постели и полусонный проследовал в туалет, чтобы ещё несколько минут подремать сидя, и лишь потом уже окончательно начать утренний процесс реанимации физического тела: душ, горячий чай, завтрак.

Без двадцати пяти восемь Андрей Викторович сидел в своей машине во дворе офиса, ожидая прибытия хозяйки на работу.

Мария Анатольевна появилась у подъезда буквально через десять минут. Они поприветствовали друг друга, взаимно поинтересовались самочувствием и вместе поднялись в штаб-квартиру. Там их ожидал приготовленный Инной кофе, утренний приём гадалка сегодня отменила, а на вторую половину дня спланировала тех клиентов, кто шёл повторно.

Мария волновалась и не скрывала этого. Она никак не могла поверить, что не будет больше мистического растворения тела в пространстве, картина которого раз за разом визуализировалась в её воспоминаниях и заставляла испытывать неприятное чувство страха.

Хрусталёв наоборот был спокоен и уверен в себе.

Они расположились в комнате для приёма клиентов. Он в кресле в углу, она рядом на стуле, всё как прошлый раз, за

исключением музыкального сопровождения, которому воспротивился Андрей Викторович.

— Оно не к чему теперь, концентрироваться могу в любой обстановке, — пояснил он.

Хрусталёв закрыл глаза и расслабился. Он попытался наладить телепатическую коммуникацию с Марией, поискал знакомый скан и, обнаружив его, мысленно спросил:

— "Готовы?".

— "Да".

— "Мне легко и свободно, следуйте за мной".

— "Я рядом. Не более пяти минут".

Он ослабил коммуникацию, перестал сопровождать скан и удерживать связь с ним. Все поменялось неожиданно, Андрей не почувствовал, но понял, что он уже там. Даже не так, его известили:

— "Мы рады вам, мы готовили дорогу, потому путь стремителен и лёгок".

— "Мария…?"

— "Да, я рядом, нет и десяти секунд".

— "Она также здесь, вы вместе".

— "Да, я здесь".

— "Не нужно следить за временем, время само напомнит о себе, все ответы на вопросы вы уже знаете. Осмотритесь здесь".

— "Как? Я ничего не вижу".

— "Что вы сиюминутно хотите увидеть?"

— "Наверное, корабль".

— "Так определитесь и смотрите…"

Тьма исчезла, словно кто-то включил электричество. Перед Хрусталёвым предстала внутренняя картина огромного сферического сооружения, где мягкий дневной свет спускался с высокого купола и обволакивал всё своим свечением. Объект казался не просто огромным, он был бескрайним, у него не было ни начала, ни конца.

Андрей сам себя ощущал светящимся шаром и созерцал вокруг таким же сферическим зрением. Он видел всё одновременно: пол, впитывающий свет, боковые панели с огромными экранами, на которых, как в магазинах бытовой техники, демонстрировалось что-то красивое и непонятное. Когда он что-то хотел рассмотреть вдалеке, оно тут же оказывалось рядом. Он мог мгновенно приближать и удалять предметы, он мог сам со скоростью мысли перемещаться во всех направлениях.

— "Почему корабль такой?"

— "Потому, что вы его так представляете".

— "Но на самом деле он другой?"

— "Какой?"

— "Не знаю, может…"

Тут его заинтересовал предмет, который показался знакомым. Он приблизил его. Но светильник прямоугольной формы, неожиданно превратился в куб, каждая грань которого была поделена светящимися линиями на девять квадратов. Он вращал его в пространстве, поочередно рассматривая все шесть сторон, хотя делать этого не следовало потому, что непостижимым образом видел, а, возможно, знал, как выглядит его тыльная сторона. Некоторые квадратики светились, другие были тёмными, а в третьих высвечивались пиктограммы, похожие на маленькие звёздочки или на фигурку человечка с расставленными руками и ногами.

— "Я видел это однажды!"

— "Конечно и не раз".

— "Что это?"

— "Это матрица души".

— ???

— "Это виртуальный прототип, характеризующий душевные качества человека. Каждая грань куба — это грань качества души с девятью свойствами, которые развивает человек в течение земной жизни. Когда зажгутся все кубики на всех гранях, ореол станет настолько сильным, что куб превратится в огненный шар. Это значит, что душа человека достигла совершенства и ей не требуется больше земных воплощений".

Тут Андрей словно прозрел и заметил то, чего не видел или на что не обращал внимания раньше: вокруг перемещаются множество огненных шаров, различаемых как по размеру, так и по яркости свечения. Сила яркости была неодинаковой, да и цвет свечения менялся от ослепительно белого до тёмно-оранжевого.

Ему было необычайно легко и радостно, он забыл обо всём: о Марии, вопросах, о времени. Он носился в пространстве с огромной скоростью, резко останавливался без инерции, менял направление. Самым невероятным было то, что он ни с кем и никогда не сталкивался, но зная, что он находится внутри огромной сферы, не мог вплотную приблизиться к её куполу, полу или боковым стенам. Необычайная сила всегда отодвигала и расширяла их настолько быстро, насколько быстро он приближался.

Ему захотелось проникнуть за экраны, но желание не исполнилось, и тогда он попросил:

— "А можно туда?"

— "Нет".

— "Почему?"

— "Браслет ваш помощник и ограничитель одновременно, он часть корабля, чтобы переместиться за борт, освободитесь от браслета и научитесь всё делать без его помощи".

— "А это реально?"

— "Нет ничего невозможного".

— "Но как?"

— "Очистите ваше сознание".

— ???

— "Время вышло, пора".

— "Так быстро, но я хочу ещё".

— ???

— "Когда мы встретимся?"

— "Когда квадратик "Терпения" на гране "Воля" превратится в маленькое солнце".

— "Так долго?"

— "Это зависит от вас".

— "Но…"

Всё погасло также неожиданно.

— Пять минут прошло, — оповестил уже знакомый и реальный голос.

Веки самопроизвольно поднялись, и представшая перед глазами комната показалась Хрусталёву совершенно иной, чем была всего лишь пять минут назад. Освещение потускнело, а предметы выглядели серыми и некрасивыми, в них не было лёгкости и изящества, а цвета их раскраски блёклы и неярки.

— Вы всё видели и слышали что и я? — тихим голосом спросил улыбающуюся Марию Хрусталёв.

— Даже больше, — ответила та.

— Вам не кажется, что это зрительные и слуховые галлюцинации? — всё также тихо и без эмоций продолжал выяснять он.

— Массовая паранойя…? — поправила его Мария.

— Что? — удивлённо переспросил Хрусталёв, будто не расслышав последних произнесённых гадалкой слов.

— Вы забыли добавить к слову галлюцинации групповые, — скорректировала она ответ, но уже более громко.

— А что это меняет? — сдавленно переспросил он.

— Двое одновременно не могут наблюдать одинаковые галлюцинации, — уверенно делилась она своими знаниями.

— Вы действительно так думаете? — с надеждой в голосе уточнял Хрусталёв.

— Я в этом уверена, а вот голосовых и звуковых сопровождений не было, все комментарии и диалоги возникали

лишь в нашем сознании, в нашей голове, — продолжала анализировать перемещения гадалка.

— Возможно, но я не придал этому значения, — согласился с ней Андрей Викторович и тут же стал выяснять детали, — а вы весь мой диалог отсканировали?

— Конечно, но у меня были и свои вопросы.

Она встала и понесла свой стул к столу, где тот обычно и находился.

— Почему же я не знаком с вашим общением? — бросил ей вслед Хрусталёв.

— Ну, вы же больше были заняты своими мыслями, — поясняла она, задвигая под стол стул.

— Понятно, а вы, значит, успели на всех направлениях? — по интонации произношения вопроса можно было судить, что он начинал уже раздражаться.

— Потому, что я выступала в роли хранительницы времени, — спокойно ответила ему Мария, закончив возню со стулом и повернувшись к нему лицом.

Освещение в комнате медленно, но приходило в норму. Хрусталёв сидел в кресле с открытыми глазами, его руки лежали на подлокотниках. Он смотрел на всё ещё улыбающуюся Марию, стоящую у стола в центре комнаты, и не мог понять, что её так веселило.

— Чему вы так заразительно улыбаетесь? — спросил он и собирался улыбнуться сам, но у него не получилось, лишь дёрнулась верхняя губа, на таком этапе улыбка и закончилась.

— Я рада увиденному, я рада тому, что всё прошло так легко и просто, без ужасных психологических эксцессов, как бывало в прошлых экспериментах, я рада, что вообще всё закончилось, — говорила она уже в движении.

Мария обошла стол вокруг и села на стул, на котором обычно сидят её клиенты, так ей было удобней вести диалог, теперь она сидела напротив Андрея Викторовича и видела его лицо, хотя и на значительном расстоянии.

— Я также рад, как и вы, но и огорчён, что за дверью новая дверь и ожидание сменилось новым ожиданием.

— А меня лишь огорчает Витя, но в меня вселили надежду, — она, поставив локти на стол и оперев голову о кисти собранные в замок, смотрела в его сторону, — а что вы ответите Рогалёву?

— Правду, естественно.

— Но как облечёте это в слова?

— Действительно, это проблема, я упустил из вида, что придётся использовать простые слова, а не мыслеобразы.

Он задумался и, скорее в силу привычки, стал собирать

пальцами правой руки кожу на лобной части головы от висков к средине и затем разглаживать её, словно делая массаж. После нескольких таких процедур он посмотрел на сидящую за столом Марию, ожидавшую его ответа, и произнёс:

— У материала есть название — "Металл желаний". Это свойства материи, которые ты пожелал и заказал во Вселенной. Можно получить на Земле, но основным орудием производства и секретом технологического процесса является сам человек, его чистое и широкое сознание, освещённое душевными качествами.

— Круто, это вы сейчас сами придумали? — пошутила Мария.

На душе у неё было легко и свободно, оттого хотелось веселиться, каламбурить, и слова молодёжного сленга срывались с губ сами, появляясь неведомо откуда.

— Лежало на полке в голове, — ответил он на шутку шуткой, её настроение начинало передаваться и ему.

— Он вас спросит и о ваших вопросах.

— Догадываюсь.

— Вы хотите совета?

— И да, и нет. Хочу потому, что это поможет сформулировать ответ, а не хочу потому, что это уже будет вдвойне не мой ответ.

— Ну, тогда просто выслушайте меня, это не будет по форме советом.

— Хорошо.

— Вы поняли, что не являетесь сталкером для Рогалёва?

— Как это? А кем же?

— Вы скорее для него антисталкер, ведь сталкером, по сути, вы приходитесь для них.

— Это почему же?

— В моём понимании сталкер — проводник по заброшенным территориям, катакомбам, скажем, по плохим местам. Там, где мы пять минут побывали не так уж плохо по сравнению с тем местом, где мы находимся постоянно.

— Я такое почувствовал ещё там, потому и не хотелось быстрого возвращения.

— Так, что же скажете Алексею Борисовичу об иллюзии мышления?

— Скажу, что слова убивают и ограничивают мысли, — впервые со времени начала диалога ему удалось улыбнуться непроизвольно.

— Я серьёзно? — переспросила она.

— И я серьёзно, но отвлечённо, а что касается иллюзии мышления то…, - и замолк, словно для того, чтобы пролистать в голове страницы книги ответов на вопросы, ища нужный абзац.

Пауза тянулась недолго, и он начал говорить, как будто

читать только ему видимые субтитры:

— Если твои помыслы чисты и находятся в гармонии с Вселенной, то мысли твои — это мысли вселенского разума, и тогда нет никакой разницы в том, генерируешь ли ты идеи сам, или кто-то подсказывает тебе. Ты одно целое со всем миром, и сознание твоё — это вся Вселенная. А если нет, — то ты строишь свою Вселенную, свой мир, а истинная Вселенная ответит тебе твоими же мыслями, вернувшимися обратно к тебе.

Он замолчал, ожидая реакции гадалки, её включения и её поддержки. Она прониклась пониманием и потому продолжила его мысль:

— Если сердце и разум заодно, значит, нет двойного стандарта. Ну а если нет сердца, не чувствуешь его и живёшь одним разумом, что тогда?

Теперь он знал, что его понимают на словах, что не нужно никакой телепатической коммуникации и что теперь он сможет довести до Рогалёва и этот ответ.

Он продолжил:

— Рано или поздно обособишься и начнёшь строить мир, угодный твоему разуму, советчиком которого выступит ненасытное тело твоё. Оно заменит тебе и сердце, и совесть и, в конце концов, подчинит разум.

Хрусталёв снова замолчал. Мария поняла, что он высказался и, возможно теперь, ждёт такого же от неё. И она неожиданно почувствовала, что ей без понуждения самой хочется рассказать о том диалоге с виртуальным голосом Вселенной.

Гадалка первой прервала пуазу и спросила:

— А хотите, я поделюсь с вами, что они поведали мне?

— Вы избавили меня от необходимости просить вас об этом, — сразу же откликнулся Андрей Викторович.

— Они напомнили мне мудрость Соломонову, так прямо и сказали: "Одна из мудростей Соломоновых гласит, что ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи".

— Что, прямо вот так? — удивился он.

— Да, почти дословно, — подтвердила она.

— Они дали мне совет развивать сердечные качества, — продолжала она, — успокоили меня, сказали, что со временем желания мои исполнятся, и Виктор изменится в лучшую сторону, но помогут ему в том не только я, а тот, с кем мы познакомимся позже.

— Они вам так сказали?

— Нет, они вложили свой ответ мне в голову.

— Так у вас был свой вопрос?

— Конечно, но он личного характера, и его я вам не озвучу.

— Тогда о чём же вы мне собирались поведать? — удивился Андрей Викторович.

Она поднялась со своего места, встал и Хрусталёв. Их разговор подходил к концу, и они об этом знали.

— Вы видели там тёмные шары?

— Нет.

— Они ловцы света, но свет обтекает и игнорирует их, проходя мимо. Это погасшие души. Я теперь знаю, как их зажечь.

— И как же?

— Им нужно дать частичку своего света, и, возможно, что-то в них возгорится.

— Вы хотите сказать их нужно просто любить?

— Да, я это и говорю.

И она пошла к выходу из комнаты, а он последовал за ней потому, что они оба знали, время приватного разговора вышло, и их ждут обычные дела.

Глава 18

Они приехали во двор на Сакко и Ванцетти вдвоём с дочерью. Ухваткин взял служебную "Волгу", отпустил водителя и сел за руль сам, ведь когда-то он неплохо водил машину, и ему это нравилось делать.

Алексей заехал вглубь двора и хотел оставить машину так, как делал всегда, но вспомнил, за что очень часто ругала его мать, сдал назад и припарковался перед въездом, благо там было место.

Они прошли пыльным летним двором под сводом старых деревьев в самый дальний угол. Двор был пуст: не было бабушек на скамейках, даже кошки не гуляли, лишь по центру у старой кирпичной стены стая голубей с примкнувшими к ней двумя-трёмя воробьями расправлялась со щедро разбросанными по асфальту хлебными крошками. Птицы слегка посторонились, но не поднялись и не улетели, когда рядом с ними близко оказались люди.

"Совсем непуганые, детей что ли нет во дворе?" — отметил про себя Ухваткин.

Алексей приложил электронный ключ к запору подъездной двери и, приоткрыв её, первой в подъезд впустил Катьку.

На площадке между первым и вторым этажами остановились и посмотрели, что же делать с почтой, так как почтовый ящик был забит до отказа бесплатными газетами. Открыв его и покопавшись в бумажном хламе, Ухваткин извлёк квитанции на коммунальные услуги, а газеты засунул обратно.

"Вот ещё проблема, нужно потом зайти в домоуправление", — подумал он.

— Пап, забери газеты, — попросила его Катя.

— Зачем? Завтра набросают новых, — возразил он.

Алексей посмотрел сверху вниз на дочь. Она, в светло-розовом летнем платьице с оборками на коротких рукавах и кружевной обстрочкой по подолу, выглядела куколкой. Но её взгляд из-под тёмных густых бровей даже на детском загорелом личике шёл в разрез со всем остальным, был проницательным и более походил на взгляд взрослого человека.

— Забери, пожалуйста, пусть знают, что и у этого ящика есть хозяин, — вторично обратилась к нему дочь.

Алексей без слов снова вытащил газеты из ящика и, взяв их в левую руку, поначалу прислонил к боковому поясу, но потом видно опомнился, что дешёвая типографская краска может испачкать светлые брюки, отстранил от себя и пошёл первым

вверх по лестнице, держа руку с газетами навесу и в стороне.

Повозившись с непривычки в замке, Ухваткин чрезмерно потянул на себя металлическую дверь, та легко подалась и едва не врезалась с размаху в соседскую, перекрыв собой выход жильцам из другой квартиры, ему пришлось проявить расторопность, чтобы поймать и затормозить её. Вторая старая деревянная дверь открывалась внутрь, и он, так же энергично толкнув её, затем придержал, чтобы не стукнуть ей уже о стену.

Квартира матери дохнула на них застойным спёртым воздухом. Повсюду лежал уже видимый слой пыли, так что, ступая по полу, обувь оставляла след.

Ухваткин в прихожей положил аккуратно, чтобы не поднять пыль, газеты на тумбочку с телефоном, прошёл в большую проходную комнату к окну. Отодвинув плотную штору, а затем и тюль, Алексей спешно открыл балконную дверь и, глотнув свежего уличного воздуха, сказал, обращаясь к дочери:

— Нужно поговорить с Татьяной Ивановной, пусть хоть раз в месяц убирается и проветривает, иначе когда-нибудь мы потонем в пыли.

— Да, пап, — произнесла дочка, стоя в проёме входной арки, — здесь уже совсем не хочется жить.

— Ну, что ты, Кать, если сделать ремонт, убраться, то ещё и ничего будет, — возразил ей отец.

— А что ты на самом деле собираешься сделать с этой квартирой? — спросила она.

— Пока ничего, ещё не вышел наследственный срок, а потом, возможно, продадим или сдадим внаём нуждающимся, — ответил он и стал раздвигать шире шторы, чтобы в комнате стало ещё и светлей.

Закончив с окном, Алексей переместился к тумбе, которая стояла у входа в другую комнату за сервантом. Тумба — это не просто тумба, а ножная швейная машинка. Мать его была такой же женщиной, как и все в её поколении, потому считала, что в доме обязательно должна быть швейная машинка. Сама она кроить и шить не умела, но что-то подшить, например, брюки сыну или шторы, — это у неё получалось неплохо, хотя и готовое постельное бельё так же не покупала.

Ухваткин открыл дверцу ключом, торчащим в замке, и, просунув руку под швейный агрегат, извлёк оттуда бумажную папку с завязками. Распустив бантик из верёвочек, он раскрыл её. Сверху на разношёрстной стопке бумаг лежала тонкая прозрачная коробочка с CD-диском внутри.

— Всё на месте, — произнёс он, рассматривая содержимое папки.

— А что это? — заинтересованно спросила его Катя.

— Да так, документы со старой работы, вот храню и не знаю зачем, пригодятся или нет, — отвечая ей, он завязал снова тесёмки, чтобы вернуть папку туда, где она и лежала до этого.

Закрыв дверцу на ключ, он разогнулся и посмотрел дочери в лицо.

Катя, переступив боязливо порог комнаты, попросила его:

— Пап, пошли отсюда, мне неприятно здесь, будто кто-то подсматривает за нами.

— Ты знаешь, Кать, действительно, и у меня тоже такое ощущение, наверное, бабушка за нами смотрит, — полушутя, полусерьёзно сознавался в своих чувствах отец.

— Это не бабушка, бабушка не была злой, — отвергла его догадки Катя.

Она всё же решилась и вошла в комнату, осматривая широко раскрытыми глазами сервант с запылёнными стёклами и диван у стены, словно не была здесь никогда, и всё убранство ей незнакомо.

— Тогда домовой, — пошутил Алексей.

Он подошёл к дивану и, завернув запылившееся покрывало, сел, похлопав рукой по старой обивке. Пыли почти не было, и он рукой показал дочери на место рядом с собой, приглашая её таким образом присесть.

— Домовые без людей не живут, — усаживаясь, продолжала развивать начатую тему мистики дочка.

— И откуда ты всё знаешь? — обняв её, с радостью в голосе спросил он.

— А что им без хозяина делать-то, они не приведения, — осмелев и приняв его игровой тон, включилась в полемику Катька.

Немного помолчав, она предложила:

— Пап, а давай сделаем здесь ремонт и станем жить.

— Ну, ты даёшь, Кать, — удивился Алексей, — только что пугалась неизвестно чего, а теперь сюда переселиться хочешь.

— Ну и что, — возразила она, — здесь всё-таки жила моя любимая бабушка, пап, а разве тебе не хочется жить в доме, где прошло твоё детство?

— Честно скажу: нет, не хочется, даже не знаю почему, просто не хочется и всё.

Он встал с дивана и подошёл к открытой балконной двери.

— Вид отсюда неплохой, — произнёс он, охватывая взглядом двор, частично скрывающийся под кронами разросшихся деревьев.

— Вот видишь ещё один плюсик, чтобы поселиться здесь, —

подскочила к нему Катя.

— У меня сейчас ни денег, чтобы сделать ремонт, ни времени нет, — вполне серьёзно и аргументировано отклонял идею дочери Алексей, — вот, когда разберусь с делами, там уж видно будет.

— Для своих дел ты и нанял Виктора Васильевича? — не дожидаясь ответа на свой вопрос, она продолжила, — пап, не ищи того, кто подстроил, я знаю.

Ухваткин собирался уже выйти на балкон, хотя там было пыльно и грязно, но последние слова дочери ему показались странными, и он остановился, повернулся к ней лицом и переспросил, глядя ей прямо в глаза:

— Что знаешь?

Катя выдержала его взгляд и ответила:

— Кто подстроил взрыв.

Алексей был в смятении и размышлял:

"Действительно знает? Откуда? Нет, это невозможно, опять образность".

Однако поколебавшись немного, он всё же решился продолжить разговор о взрыве, но более отвлечённо:

— Его нужно наказать.

— Его накажут, я его простила и за тебя и за бабушку. Ты, прости его, пап, и у тебя появится стержень внутри.

Она взяла его за руку и потянула к дивану, чтобы снова усадить и, возможно, сесть рядом.

— Кать, а как я буду жить с этим? — не сопротивляясь физически, Алексей возражал ей вербально.

Он плюхнулся на диван, а она встала перед ним и продолжала уговаривать:

— Мы будем жить втроём: ты, я и мама. Мы поможем тебе.

— Мама? — удивлённо воскликнул он, притянул за руки дочь и усадил к себе на колени.

— Да, мама, — дыша ему прямо в лицо и приглаживая руками его волосы, говорила она.

— Она не будет со мной жить, — отвернувшись от неё в сторону лицом, с досадой произнёс Ухваткин.

Теперь он догадался, что значила образность в словах дочери, девчонки просто хотелось помирить родителей и быть с ними вместе.

— А ты попроси её, — ласково ворковала она и перебирала его волосы своими пальцами.

— Я не могу, просил раньше, но она меня бросила.

— Она не бросила, она ушла от твоего бизнеса, а пришла к другому, помоги ей, и она поможет тебе. А дядю Славу прости, он всё равно не любит маму.

— А его-то за что прощать?

Задавая вопрос, он повернулся снова к ней, словно чувствуя, что неспроста она говорит про дядю Славу. Он уже привык и научился понимать её, дочь почти ничего не говорила лишнего, в её словах всегда был смысл, в её словах был разум.

И в этот раз он не ошибся, она выдала то, что он никак не ожидал услышать.

— Он подстроил взрыв.

— Так это дядя Слава? — растерявшись, он ссадил её с колен на диван и продолжал искать в её глазах хоть маленький намёк на шутку.

— Ну да, ты же хвастался маме, что твой бизнес достанется мне, а он услышал это, — произнесла она совсем тихо и опустила глаза.

— Понятно! — вырвалось у него.

Он поднялся с дивана и прошёл в сторону балкона, но сделав всего пару шагов, повернулся и продолжил рассуждения, размахивая и жестикулируя:

— А когда у него возникли проблемы, решил меня убрать, и через маму стать опекуном наследства.

Катя сидела на диване и молчала. Она наблюдала, как мечется отец, как меняется мимика его лица, выражая то растерянность, то ярость и злобу. Сжав кулаки и покраснев лицом, он подошёл к ней и наклонился. На его лбу выступили капельки пота, на правом виске часто-часто пульсировала жилка, зрачки расширились, а прожилки на белых глазных яблоках наполнились кровью. Он жарко дышал, он просто источал гнев. Но, затем увидев и распознав, кто перед ним, успокоился, разжал кулаки и как можно мягче спросил:

— А откуда узнала ты?

— Мама догадалась и ругалась с ним, теперь она боится и не знает, что делать. Если ты позовёшь её и не станешь, как раньше лелеять свой бизнес, она придёт, — затараторила дочь.

— Это она тебе сказала? — держась за правый бок и усаживаясь рядом с Катькой, уточнял он.

— Нет, я просто знаю, — испугано наблюдая его гримасы, ответила Катя.

Они оба не могли понять, что происходит. Алексей корчился от боли в правом боку, а дочка не знала, что происходит с отцом.

"Чёрт, а ведь она права, и я ей верю", — размышлял он, стараясь не шевелиться, чтобы приступы боли в боку не повторялись.

— Пап, тебе плохо? — наконец, догадалась Катя, что с отцом происходит что-то неладное, — может вызвать скорую?

— Не надо, лучше принеси аптечку, у бабушки на кухне где-то была, ты должна знать, и воды заодно.

"Ну, вот и всё, миссия окончена. Я знаю ответы на все вопросы. Жаль, но вы мне ещё пока нужны, Алексей Иванович, необходимо вас опередить, чтобы расстаться друзьями".

Так рассуждал Черников, когда наблюдая при помощи браслета за отцом и дочерью, обнаружил место тайника для диска, узнал мотив и заказчика, организовавшего покушение на Ухваткина.

Виктор находился дома, отпросившись у шефа накануне, якобы для хлопот по оформлению документов, связанных с квартирой Помпеева. На самом деле он просто занимался слежкой и выуживанием интересующей для себя информации. С документами он предполагал заняться ночью, чтобы, не дай бог бумажки кто-то не потревожил в момент переделки, потому как он не знал, что тогда может с ними произойти.

"Позвоню прямо сейчас, пусть будет экспромт, но момент уж больно подходящий", — принял решение по Ухваткину Виктор и потянулся за телефоном, лежащим рядом с ним на диване. По иронии судьбы или по стечению обстоятельств, отстроенных Вселенной, он так же, как и Алексей Иванович, в данный миг сидел на диване, с единственной разницей, что его мебель была новей и красивей.

Алексей забросил сразу пару таблеток но-шпы в рот и запил их водой. Наполовину опустошённый бокал вернул дочери, стоящей перед ним в ожидании, и затаился, надеясь, что боль в печени пройдёт.

"Аппендицит в паху, а справа, кроме печени, ничего и нет", — ставил он сам себе диагноз.

Дочь отнесла на кухню бокал и, вернувшись, стала собирать разбросанные по дивану лекарства в различных упаковках, складывая их в белую пластмассовую коробку с крестом на верхней крышке, всю жизнь прослужившую Вере Васильевне, её бабушке, медицинской аптечкой.

Многие таблетки в надорванных упаковках, скорее всего, были уже просрочены; но в момент приступа Алексею было не до этого. Он только сейчас подумал об этом, наблюдая за тем, как дочка закрывает аптечку. Но, видимо, уже сказывался эффект "Плацебо": боль из острой фазы перешла в ноющую и, казалось, начинала затихать.

"Значит, не просрочены", — успокаивал он себя, когда Катя пронесла аптечку мимо.

Зазвонил телефон, и он аккуратно, не торопясь, извлёк его из футляра на правом боку и нажал на кнопку соединения, не посмотрев даже на высветившийся номер абонента.

— Слушаю, Ухваткин, — ответил Алексей.

В телефоне с ним поздоровались, и он узнал звонившего.

— Добрый день, Вить, что хотел?

— Порадовать или огорчить, — повторял он за Черниковым слова, — уже звучит интригующе?

— Ну и кто?

— А мотив? — не удивляясь, продолжал расспрос Ухваткин.

Если бы он был внимательней, то заметил, что человек, который сообщил для него очень ценную информацию, совсем не удивился его вялой реакции на новость. Так мог оценивать происходящее только тот, кто знал о нём почти всё.

— Вот оно как, а откуда информация? — инертно вёл разговор Алексей.

— Понятно, хорошо спасибо за работу, подробности тогда завтра при встрече.

"Что ж, всё сходится и Черников переводит стрелки на этого козла "дядю Славу", — анализировал он только что закончившееся общение с помощником.

— Тебе уже лучше? — справилась о его здоровье дочь, которая всё это время стояла рядом.

— Спасибо тебе, уже отпустило, — улыбаясь и пряча телефон в футляр, отвечал отец.

— А кто это звонил? — не унималась она с вопросами.

— Да так, по работе, — как можно безразличней произнёс Алексей.

Она подошла ближе и села рядом. Испытующе глядя ему в лицо, продолжала настойчиво добиваться от него чего-то своего, известного только ей:

— Ну, и что ты будешь делать?

— В каком смысле? — сделал он уточнения, хотя уже догадывался, о чём идёт речь.

— С дядей Славой? — не смущаясь и не сбиваясь от своей линии, продолжала Катя.

— Ты хочешь оставить как есть? — вопросом на вопрос ответил Алексей.

— Да! — она почти выкрикнула и даже немного подпрыгнула, что наконец-то, выдало в ней ребёнка.

— Вот если мама вернётся, я его прощу, — назидательно и с улыбочкой высказал своё пожелание отец.

— Нет, пап, так не пойдёт, ты прости его сейчас и маме ничего не говори про него, это будет нашим секретом, —

забеспокоилась Катя, а выражение её лица приобрело оттенок недетской озабоченности.

— Ой, не знаю, Кать, всё как-то странно и необычно, ведь так, как хочешь ты, в этом мире не поступают.

Ухваткин приподнялся и сел более прямо, ощупывая и придерживая правый бок. При движении болей не ощущалось, и он опустил руку.

— Ты прости и забудь про него. Он сам себе найдёт наказание, а маму позови, пусть не сразу, но она придёт. Я знаю.

Катя говорила горячо и быстро, она даже немного покраснела лицом, что и придало её словам значимый вес.

— Что же делать? Придётся поверить тебе, устами ребёнка глаголет истина.

Проникнутый её уверенностью в правоте и под её напором Ухваткин принял решение поступать не по своим правилам.

"Посмотрим, что из этого выйдет, а свернуть шею "дяде Славе" всегда успею", — рассудил он про себя и поднялся с дивана.

— Закрываем всё и поехали домой? — спросил он уже бодро дочь.

— Не домой, а к маме, — упрямо ответила та.

— Ну, к маме, так к маме, что, действительно, тянуть-то, — в который уже раз согласился он с дочкой.

Глава 19

Выслушав вечером рассказ Марии о трансцендентном перемещении, но не тела, а всего лишь сознания, Черников призадумался.

"Оказывается, возможно, и так, и нет фактически никакого риска".

Однако размышляя далее, он всё больше и больше накручивал себя, чувство неудовлетворённости собой росло и заставляло его предпринять какие-то действия и, по возможности, немедленно.

От его спокойствия и благодушия, приобретённого в течение дня, не осталось и следа. Теперь его терзали приступы ревности и ущерблённое самолюбие.

"Какой-то недотёпа, деревянный военный, сам не может и рубля без Машки заработать, перемещается куда хочет, точно маг какой-то".

"Нет, нужно их содружество прекратить, тогда без неё он ноль".

Пока Маша была в ванной, он расхаживал по комнате, как разъярённый лев в клетке, не обращая внимания на работающий телевизор, и лишь иногда приостанавливался и прислушивался: льётся ли из крана вода. Ему не хотелось, чтобы Маша увидела его таким возбуждённым потому, что он ещё не готов честно объяснить причину своего нервного срыва.

Кран закрыли, и шум прекратился, прошло несколько томительных секунд, прежде чем стукнула щеколда, и щёлкнула магнитами дверь. Ему показалось, что лицо вспыхнуло, как бывает часто, когда бросают хворост в костёр, и пламя, быстро охватывая его, обдаёт жаром окружающих. Он прислонил правую руку тыльной стороной к щеке, разность температур присутствовала: то ли щека действительно пылала, то ли конечности были холодными, не разобрать.

Черников поспешил сесть на диван и продемонстрировать вид человека, увлечённого телевизионным сериалом.

Мария в махровом бежевом халате с распущенными волосами и расчёской в руке, не останавливаясь, проследовала в спальню.

Виктор понемногу успокаивался, и его мысли приходили в порядок. Он стал проигрывать предстоящий диалог, так как решение поговорить с Марией серьёзно на тему их приватных отношений с Хрусталёвым было окончательным.

"Иначе век воли не видать", — процитировал он, уместную в таких случаях народную фразу.

Собравшись с духом и набросав приблизительную схему монолога, он крадучись сначала заглянул, а затем и проскользнул в открытую дверь.

Маша уже готовилась ко сну, сидела на пуфике перед зеркалом и расчёсывала свои длинные волосы. Она спиной ощутила, когда он бесшумно вошёл в спальню: по спине пробежали мурашки, и показалось, что свет лампы напрягся и засветил ярче, стараясь преодолеть надвигающуюся тьму.

Мария знала, что неприятного разговора не избежать, Виктор копил отрицательную энергию весь вечер. Она стекалась в их жилище отовсюду, просачивалась сквозь закрытые двери и распахнутые окна, балкон, концентрировалась и сгущалась, и как ей не собираться, если приглашают и зовут. Это ещё не зло, но близкое к нему, это её вместилище, это её накопитель.

Но Маша ожидала чего-то подобного, и потому вслед за холодными мурашками пробежала тёплая волна и согрела спину.

"Ну, вот и всё, а ты боялась".

— Маша, ты должна выслушать меня, я хочу с тобой поговорить серьёзно, — начал свою заготовленную речь Виктор, остановившись посредине комнаты у торца двуспальной кровати и положив руки на её спинку.

— Я слушаю очень внимательно, — ответила она ему, однако продолжила расчёсываться и лишь слегка поменяла ракурс, чтобы теперь хоть в пол-оборота, но видеть говорящего с ней мужа.

Такие её действия немножко смутили Виктора, и он, пропустив пафосную преамбулу, сразу же выложил суть разговора:

— Такие люди, как твой Хрусталёв, опасны, и ты должна прекратить все отношения с ним.

— Интересный поворот, и чем же они опасны? — перебила она его, повернувшись к нему в полный фас, но не прекратив работать руками и расчёской.

— Прошу не перебивай меня! — почти выкрикнул он, но опомнился и продолжил в прежнем тоне, — Они несут по миру заразу, разбрасывают вокруг себя липкое и противное семя сомнения в возможность индивидуума самостоятельно выживать, в стремление людей улучшить свой быт. Так появляются бомжи, сектанты и прочий народ с не расширенным сознанием, а наоборот, усечённым. Люди и так слабы на голову, а тут им ещё поток непонятно чего.

— Ты считаешь меня слабой на голову? — она, наконец-то, прекратила заниматься с волосами и опустила руки на колени.

— Я тебя такой не считаю. Я говорю о той серой массе людишек, которые день и ночь шмыгают по городу со своими

простыми мыслишками "выжить", и не надо их сбивать с пути, не надо делать им прививку против выживания. Оттого, что их сознание поменяется, мир вокруг не станет иным, он останется прежним: жестоким и злым. Людям хочется кушать, одеваться прилично и жить в нормальных условиях, а утверждение, что всё всем хватит, ложно. Коммунизм уже строили, никому ничего не хватило, только вождям ничего не было нужно, так как только у них-то всё и было.

— А душа? — мягко спросила она и, положив на столик расчёску, взяла резинку для волос.

— Что значит душа? — переспросил Виктор уже сам себя и пояснил, — Если что-то у тебя болит, иди к врачу. Если у тебя депрессия, займись фитнесом, учёные говорят: помогает. Душу греет материальная и финансовая независимость.

— Всё? — удивилась Маша и, собрав на самой макушке хвост, зафиксировала волосы резинкой и начала скручивать в пучок.

Голова её преобразилась и приняла другой, непривычный для Виктора вид: маленькие ушки открылись, шея стала тоньше и нежней, а зашпиленный на макушке пучок придавал всей композиции вытянутость и удлинённость. Любуясь супругой, он всё же возразил ей:

— А что этого мало?

— Почти ничего, нагородил неизвестно что, коммунизм прилепил. Всё гораздо проще — уязвлённое самолюбие. Никто, никому не собирается ничего вбивать, как ты выразился "в головы".

Она встала с пуфика и задвинула его под столик трюмо, чтобы он не мешался, тем самым давая понять, что она закончила все свои процедуры и готова лечь спать.

— Зачем тогда там Рогалёв? Который тут же начнёт строчить статьи в интернете, не поверю, что это простое любопытство, — не сдавался Виктор.

— Знаешь в чём твоя проблема? — спрашивала она, проходя мимо супруга к двустворчатому шкафу-купе в углу спальни.

— В чём? — откликнулся он на её вопрос, поворачиваясь всем туловищем за ней.

— Ты меряешь людей по себе, а они оказываются лучше тебя, — произнося это, Маша сняла махровый халат и, сдвинув створку шкафа, повесила его на свободные плечики; и она, оголив плечи и колени, осталась лишь в одной ночной сорочке из шёлка серого цвета.

Виктор не заметил, как из стороны нападающей он превратился в сторону защищающуюся, но это его уже почему-то не злило, а лишь раздосадовало. Он с нескрываемой обидой в

голосе воскликнул:

— Ну, спасибо, любимая, за любовь!

Мария, энергично перемещаясь по спальне и проходя мимо него к кровати с намерением лечь, также энергично бросила на ходу:

— Пожалуйста, ну ты же знаешь, что любовь слепа, и я тебя люблю такого, какой есть.

Он опять повернулся вслед за ней, оставаясь на своём прежнем месте, и продолжал возражать:

— Что-то незаметно.

— Если бы не любила, то и не боролась за тебя столько лет.

Она откинула и свернула нейлоновое покрывало, достала из-под подушки розовую махровую простынь и испытующе, посмотрела на Виктора, словно спрашивая: "Мы сегодня будем спать или нет?"

Он понял всё правильно и ответил:

— Ты ложись, а у меня ещё есть дела.

Она кивнула головой, легла в постель и укрылась на половину туловища простынкой.

— И детей бы не мечтала от тебя иметь, — высказалась совсем уж тихо, как бы продолжая вести разговор сама с собой.

Он собирался выйти, уже повернулся, но последняя фраза показалась ему достойной внимания и тогда он переспросил:

— Что ты там про детей-то обронила?

— Есть подозрения, что ты станешь папой, — громко и немного нервозно подразнила она его, — Ну, как ты рад?

Лицо его снова запылало огнём, и он, сглатывая слюну, чтобы смочить пересохшее горло, сдавленно ответил первое, что пришло на ум, надеясь, что она просто его провоцирует:

— Нам рано ещё заводить детей.

— Это тебе рано, а мне почти поздно, я не собираюсь тянуть до сорока, — резко возразила Мария.

— Маша, ты серьёзно?

— Ты же хотел поговорить серьёзно, и потом, такими вещами не шутят.

— И когда узнала об этом?

— Сегодня.

— Ты в этом уверена?

— Я? Абсолютно, осталось немного подождать и услышать вердикт врача, — она выключила торшер и накрылась полностью простынёй.

— Ладно, ты отдыхай, а мне нужно всё это переварить.

Виктор вышел из спальной комнаты, лишь прикрыв за собой

дверь, чтобы она не щёлкнула замком, когда будет возвращаться. Он был обескуражен, а в голове крутилась одна и та же мысль, но в разных вариациях: "Ничего себе, поговорил серьёзно!"

Всей своей логикой он понимал, что такое могло случиться в любой день и час, как и у многих семейных пар, которые спят вместе, пусть даже планируют семью, предохраняются, но иногда происходит сбой, и они удивлённые стоят перед дилеммой: как быть?

"Парадокс: кто очень хочет иметь детей, — не имеет или с большим трудом добивается этого, а кто не хочет, — получите. Не веришь в сверхъестественное? Всё равно призадумаешься, будто кто-то караулит твои мысли и делает всё наоборот".

"Хорошо, хватит об этом, здесь рассудит только время: или я смирюсь, или Маша одумается, или само всё рассосётся. А с Хрусталёвым разберусь позже, что-нибудь придумаем с подставой, чтобы ему стало стыдно, он же у нас совестливый, вот сам и уйдёт".

Он прошёл на кухню, освободил стол от утвари: убрал розетки с вареньем и солонку с перечницей, достал из файла договор купли-продажи квартиры экземпляр Помпеева и начал заниматься корректировкой документа. Закончил, не затратив и десяти минут. Осмотрев свои труды: всё нормально, ни сучка, ни задоринки. Подумал поставить свою уже подпись под своими инициалами, но решил делать это одновременно на всех трёх.

"Так будет правильно".

Перемещения двух других экземпляров заняли больше времени, чем он ожидал, так как возникли непредвиденные трудности, но справился. Закончив с корректировкой текста и в этих документах, он расписался обыкновенной шариковой ручкой во всех нужных местах.

"Что у нас осталось? В книге нотариуса и электронной базе ещё днём всё поменял. Осталось переместить всё обратно и очистить реестр продавца, возможно и не нужно этого делать, тогда будет логика: откуда ползли слухи о Помпее. Кстати, хорошая идея, но нужно посоветоваться с главными героями, оставлю на завтра".

Он переместил два экземпляра туда, откуда и взял их, а свой спрятал в файл. Удовлетворённый он выключил свет на кухне и прошёл в комнату, где всё это время работал телевизор. Плюхнувшись на диван, он пробежал по всем каналам, его ничего не привлекло, тогда он выключил его и посмотрел на браслет.

"Почему не попробовать?"

И он откинулся на спинку дивана, закрыл глаза и расслабился, поначалу не предпринимая никаких попыток на

трансцендентное перемещение, да он в принципе и не помнил уже, как это делать, хотя виртуально и представлял.

И огромное желание, помноженное на усилия, всё же дало результат. Трансформация сознания, т. е. осознание себя в ином пространстве, осуществилась.

Сначала он перестал ощущать своё тело, затем куда-то исчез свет люстры, который пробивался сквозь закрытые веки, потом наступила тьма, следом за ней появилось ощущение движения. Он летел во тьме, нет, не падал вниз, как обычно бывает у многих во сне, а летел; и потому слабые просветы появлялись впереди, приближались сбоку и уходили за его спину, перемещаясь назад.

Неожиданно ощущение полёта закончилось, он достиг чего-то, но не знал чего. Исчезла лёгкость и невесомость, появилась тяжесть, мрак стал гуще.

Тьма давила на него, множество тёмных шаров метались над ним, словно ноги прохожих топтали его, как грязь. И вот сквозь них он наблюдает слабый просвет, огромный сферический купол, он стремится пробиться к нему, но непонятная сила удерживает его, тянет в обратную сторону, вниз. И чем больше он прикладывает усилий, тем сильнее противодействие. Он уже выбился из сил, ему тяжело и страшно, мрак плющит его, старается раздавить и поглотить, объединиться с ним в однородную субстанцию.

И вдруг, свет, бледный, не яркий, но свет. Во тьме он кажется лишь светлым пятном на чёрном небе. Но он делает своё дело, а тьма его уважает и сторонится: чёрные шары расступились и дали больше света, и он увидел огненный шар, который двигался к нему и говорил с ним без слов: "Пойдём со мной". И он пошёл за ним, а с боков его ударяли и мешали двигаться, но он шёл за светом. И тут свет погас, а его стало лихорадить, и тогда он открыл глаза.

"Виктор, ты сдурел, ты опять за своё?", — испуганная Мария перестала его трясти за плечо, увидев, что он очнулся.

Он опустил взгляд на её вторую руку, на запястье браслет с серебристым блеском, но пальцы сжимали и второй браслет, который переливался иссиня-чёрным цветом, цветом вороненой стали.

Запястье его правой руки было свободно, значит это его браслет.

"Как он оказался у неё в руке, — оживилась первая мысль в его голове, — наверное, сняла? А зачем? Что же это было?"

— Ну, как отошёл? — взволнованно спрашивала Маша.

Она села с ним рядом на диван и безотрывно вглядывалась в его лицо.

— Я видел огненный шар, похожий на…, - и он запнулся, стараясь подыскать подходящее слово для сравнения, — шаровую молнию, хотя и её я никогда не видел, но представлял именно такой.

— Это, наверное, была я, — обрадовано произнесла Мария.

— Ты? — удивлённо спросил он и, повернувшись к ней, стал пристально рассматривать её.

Радостная улыбка моментально испарилась с её лица. Волнение пробежало по всему телу Марии, ей казалось, что сейчас последует новый вопрос: "Кто ты?"

Однако Виктор натянуто и криво улыбнулся и спросил иначе:

— Ты ничего не путаешь, Маша? Я говорю про огненный шар, там ещё были чёрные шары. Они пытались меня раздавить.

— Славу богу, что всё обошлось, — выдохнула она, — я тебе расскажу завтра утром про этот шар, а ты мне пообещай, что никогда в одиночестве не будешь повторять таких экспериментов.

— Обещаю, — покорно согласился он, — ты видела то, что видел и я?

— Конечно, — ответила она, — иначе как же я узнала бы, что ты в беде?

— Так эти ведения не галлюцинации? — удивился своему же выводу Виктор.

— Разумеется.

Она встала с дивана и потянула его за руку, чтобы и он поднялся вслед за ней:

— Витя, ты устал, идём в спальню, а утром, отдохнувшие, поговорим обо всём.

— Хорошо, — спокойно согласился он, но оставался на месте, — а браслет?

— А что браслет? — переспросила она и посмотрела на то, что было в её руке.

Браслет выглядел непривычно. Он не был серебристым, но и не был уже чёрным. Цветом он походил на древесную золу, структурой на застывающий свинец, в некоторых местах зольные наплывы прорывались, и тогда прогалины отдавались блеском расплавленного металла. Он, как живой, пережатый пальцами и потерявший форму круга, менялся цветовой гаммой как ползущий уж и, извиваясь, старался вытечь из крепкого сцепления на свободу, чтобы стать прежним браслетом.

— Браслет так же подождёт до утра, очистится и будет прежним, — уверенно охарактеризовала она процессы, происходящие с браслетом, — мы положим его рядом на тумбочке.

— А ты меня не бросишь? — вставая, Виктор перешёл на

отвлечённую тему.

— Я? Тебя? Никогда. Что за странные мысли посещают твою голову? — ведя его за собой, Маша удивилась, но теперь уже не так, как вначале их разговора, теперь она была уверена: он адекватен, но растерян и подавлен увиденным, а это уже поправимо.

— Ну, я, правда, боюсь, что буду плохим отцом, — впервые его речь непроизвольно для него совпадала с его мыслями, наверное, потому, что его разум ослабил контроль.

— Кто ощущает в себе боязнь стать плохим отцом, никогда таким не станет, значит, у него есть совесть, а она не позволит издеваться над собой.

Она, как ребёнка, завела его в спальню и начала готовить ко сну: снимала дневную одежду и переодевала в спальную.

— Ты говоришь странные вещи.

Виктор уже самостоятельно застёгивал пуговицы летней пижамы, хотя раньше не спал в ней и облачался в неё только тогда, когда болел. Пижама для него ассоциировалась с больницей.

— В чём их странность? — переспросила Мария, подавая ему пижамные брюки.

— Ты так раньше мне никогда не говорила, словно кто-то другой, незнакомый мне человек, сейчас разговаривает со мной.

Он одел их и покорно лёг на свою половину кровати.

— Вообще-то я согласна с тобой, я и сама не знаю, мои это мысли или очередные соломоновы мудрости.

Она обошла кровать, выключила свет и устроилась на своей половине.

— А причём здесь Соломон? — спросил он, повернувшись в темноте к ней.

— Да не причём, видимо, все мудрые постигают одну и ту же истину: жить в согласии с собой.

Она нашла его голову и пригладила волосы.

— Это банально.

— Согласна. Тогда мы ещё с тобой не мудры.

Виктор молчал. Он рукой обнял Машу в районе живота и, прижавшись лбом к её плечу, словно сын к матери, засыпал с одной лишь мыслью: "Завтра! Всё будет завтра!"

Глава 20

Это невозможно вынести и сравнимо лишь с зубной болью. Зуб ноет, ноет, и нет от него покоя ни днём, ни ночью, лишь только пройдёт действие анальгетика, всё начинается сначала. В этом случае ночью отдыхать дают, но днём — извините. Проблема капитального ремонта квартиры своими звуками напрягает весь подъезд, а про соседей снизу и сверху и говорить не приходится.

Вот уже неделю Хрусталёв старается как можно позже возвращаться домой, а в выходные пойти в гости или выехать на природу. Сверху, в квартире покойной Веры Васильевны, начался ремонт и, судя по размаху и вывезённому мусору, закончится не скоро, хорошо бы к Новому году.

Самая информированная в данном вопросе Зоя Петровна с третьего этажа пояснила:

— Сын Лёшка решился в материной квартире ремонт сделать и планирует пожить немного в ней. К нему жена вернулась с дочкой, а дочка хочет здесь жить.

"Час от часу не легче, — прокомментировал новость для себя Андрей, — теперь у Механизатора здесь жильё будет, он нас совсем замучает своей машиной!"

Но он ошибся, Ухваткин ставил теперь свою служебную "Волгу" очень аккуратно и всегда на внешней стороне двора.

Вот и сегодня в субботний день перфоратор над головой заработал ровно в девять, там приступили к последней стадии очистки: снимали полы и подготавливали их к выравниванию.

— Ты никуда меня не хочешь заслать, — спросил он супругу за завтраком.

— Сходи за тестом в кулинарию, пирожков наделаю, Наташка с Лёшкой должны вечером заглянуть, — озадачила его Елена, — а завтра сами к Татьяне съездим.

— Я завтра не могу, обещал своей начальнице с переездом помочь, — уведомил жену Андрей.

— Что же ты раньше молчал, — упрекнула его Елена, — а я наговорила, что вдвоём подъедим.

— Я ещё на прошлой неделе тебе рассказывал, что начальство купило трёхкомнатную квартиру в новом доме на набережной и собирается в сентябре переезжать, так как старую продает, чтобы долги загасить.

— Но ты не говорил, что в этом будешь участвовать.

— Да я и сам не знал, в четверг Мария меня попросила, а тут у нас ремонт этот покоя не даёт, ну я и согласился. Я тебя отвезу,

а как сам освобожусь, так и подъеду.

Кулинария начинала работать с девяти часов, а готовое тесто продавали с десяти, а то и с одиннадцати. Хрусталёв вышел из дома пораньше, без пятнадцати десять, хотя ходьбы до кулинарки всего пять минут, но не хотелось выносить этот стук и грохот сверху.

Заведение существовало ещё с совдеповских времён, всё поменялось вокруг и не раз, а кулинария, как была кулинарией, так и осталась, казалось время капитализма для неё не пришло. В этом помещении не делали ни евроремонта и ассортимент не меняли. Рядом открывались и закрывались конкуренты: кафе, пиццерии, бистро, но кулинарка стояла. Секрет оказался прост: вот уже второй десяток лет ведётся тяжба за само пятиэтажное здание, между кем и кем простым гражданам неизвестно, да уже и не интересно, но по слухам суды уже переместились в Москву.

Андрей вошёл в затемненное помещение и поначалу пригляделся. За старыми витринами-холодильниками никого не было, в первом зале сидел мужчина лет тридцати, пил кофе, закусывая кексом, во втором, более светлом, так как там больше широких окон, завтракали двое студентов. Подойдя к витрине с весами, где отпускалась продукция, он оглянулся, у входа сидел бомж в пятнистой робе в ожидании, что ему что-то перепадёт от посетителей. Продавца не было минуты две. Женщина лет пятидесяти в белом высоком кокошнике и синем нейлоновом халате появилась неожиданно из проёма и, взглянув на Хрусталёва с пакетом в руках, безошибочно определила, что тому нужно:

— Вы за тестом?

— Да.

— Приходите через сорок минут, у кулинаров срочный заказ, немного задержались, — проговорив это, она повернулась и снова скрылась в проёме.

Возвращаться домой не хотелось, и Андрей решил побродить по проспекту просто так, поглазеть. День выдался солнечный и жаркий, хотя было ещё утро и начало осени, но уже припекало. Перейдя на теневую сторону, он оказался прямо у летнего кафе. Там продавали развесное мороженое, раскладывая в металлические чашки с высокими ножками, и кеговое пиво на разлив. Столы под раскрашенным тентом были разделены: на двух третей стояли таблички "стол для мороженого", на остальных пустые тарелочки под орешки и чипсы.

"Пиво или мороженое?" — остановившись, размышлял Хрусталёв.

Поколебавшись немного и, вспомнив, что сегодня ему не

садиться за руль, выбрал первое. Пока раздумывал, что брать к пиву, затем стоял в очереди, нахлынувшая толпа туристов, наверное, с теплохода, оккупировала все столики, нарушая внутренний распорядок заведения.

Отойдя от витрины с полным высоким стаканом пива и рыбной закуской в пакетике, Андрей не обнаружил ни одного свободного места. Лишь в углу был столик с одиноким лысоватым мужчиной, который сидел к нему спиной и читал толстую цветную газету, перед ним стоял наполовину пустой стакан пива.

— Не помешаю, — спросил Хрусталёв, подойдя к столику.

— Присаживайтесь, — сверкнув из-за газеты оправой очков, пригласил мужчина.

Андрей поблагодарил и стал устраиваться. Освободив руки, он начал передвигать пластмассовые стулья, чтобы сесть напротив, а не рядом, отметив про себя: "Кажется, это смотрящий по фамилии Варев".

— По-моему, мы с вами пересекались как-то, — опередил его с расспросом смотрящий.

— Да, было дело, — ответил Андрей, ёрзая по пластмассе, ища комфортное сидячее положение.

— Если мне не изменяет память, в прошлом году по осени вы искали свой угнанный автомобиль? — отложив газету на стол и взявшись за стакан пива, выяснял Варев.

— Совершенно верно, память вам не изменяет, — поддержав воспоминания собеседника утвердительным ответом, Андрей пригубил напиток, пробуя его на вкус.

Прохладный, терпкий и мягкий вкус пришёлся по душе, и Хрусталёв тогда сделал уже пару больших глотков, отбавление янтарной жидкости из стакана сразу стало заметнее.

— Ну, как, машину-то нашли? — отпив из своего стакана и ставя его на место, с небольшой иронией в произношении поинтересовался смотрящий.

Он намеривался продолжить чтение газеты и снова взял её в руки.

Андрей бросил взгляд на шапку издания: "Криминальное чтиво", однако". Продолжая держать стакан в руке, Хрусталёв с гордостью пояснил:

— Представляете, воспользовался вашим советом и нашёл.

Ответ для Варева оказался неожиданным и заинтриговал его, он отложил газету во второй раз и, глядя собеседнику в лицо поверх очков, переспросил:

— Это, каким же?

Андрей догадался, что визави, действительно, проявляет

любопытство к его персоне, и потому продолжил оживлять диалог в интригующем стиле:

— Прибегнуть к помощи гадалки.

Но он ошибся, возбудить интерес не удалось. Более того, Варев, по всей видимости, такой совет не считал мудрым, даже наоборот, скорее насмешкой, потому разочарованно выдавил из себя:

— Надо же, помогло.

И снова принялся за газету.

Конечно, в жизни часто случается, что люди дают друг другу советы на ходу, мимоходом, говоря то, что пришло само даже не на ум, а на язык; а потом уже при очередной скоротечной встрече искренне удивляются, когда их благодарят неизвестно за что.

Хрусталёв в силу своего возраста знал о таких жизненных коллизиях, правильно понял смотрящего и потому для продолжения разговора сменил тему:

— Что пишут о преступном мире?

Вопрос Варева не смутил нисколько, и он, не отрываясь от газеты, ответил:

— Пишут, что ряды преступного мира уплотняются градоначальниками.

— Как это? — непонимающе воскликнул Хрусталёв.

— Корреспондент ведёт подсчёт, сколько мэров городов осуждено, сколько под следствием, и скольким ещё предстоит сесть.

— Ну и?

— Мы не отстаём, скоро и нашего бывшего ожидает такая же участь.

— Да вы что? Помпеева что ли? Что же он такое натворил? Воровал, наверное? — удивился новости Андрей.

— Воровать-то все они воруют, и наш не был исключением, не поделился, жадным оказался, — авторитетно прокомментировал смотрящий.

— А вы помните прошлогоднюю нашу беседу?

— А какое это имеет значение? — непонимающе переспросил Варев и отложил газету.

— Помните, вы тогда затеяли игру слов с приставкой "анти", меня поразило соотношение понятий сторож — антисторож — вор, оно никак не уходило из головы и раз за разом заставляло возвращаться в мыслях к такой теме.

— Припоминаю, и вы, конечно, что-то надумали? — сквозь прищур ответил смотрящий.

— Я не согласен с вами, что антисторож тот же вор. Антисторож — это не характеристика человеческого типа, это

отражение внутреннего мира, внутреннего состояния того человека, который является сторожем в жизни, но никогда не хотел им быть и не хочет в настоящий момент. То же самое про антивора и про другие анти.

— Интересный поворот, поясните.

Варев совершенно позабыл про газету, даже сложил её, чтобы не мешалась, разговор увлекал его всё больше и больше. Вместе с тем он не забывал про пиво, хотя каждый раз прикладываясь, делал лишь небольшие глотки, интуитивно растягивая удовольствие; ему не хотелось скорого окончания ни напитка, ни диалога, в котором он теперь в большей степени выступал как слушатель.

— Вселенная позволяет создавать человеку антимир, когда видит, что индивидуум завернул в тупик, что его дальнейшее развитие и действия неприемлемы для мира Вселенной. Антимир — это антитела, которые убивают всё. Человек в созданном им антимире создаёт условия для своей гибели. Он начинает бороться сам с собой с разрешения Вселенной.

Ведь иногда он с таким упорством не хочет жить, что вселенский разум отступает от него и предоставляет ему такую возможность.

Говоря так, Хрусталёв смотрел не на собеседника, а на стакан, покручивая его вокруг своей оси и наблюдая, как при этом появляются в янтарной жидкости мелкие пузырьки воздуха.

Варев тем временем опустошил свой стакан до дна и решился сходить за новой порцией. Он встал и спросил своего собеседника:

— А вы ещё пива не хотите?

Андрей оторвал от стола стакан и продемонстрировал его содержимое Вареву:

— Я этого ещё не допил.

— А я, пожалуй, схожу, — произнёс смотрящий и направился к пивной стойке.

Вернулся он быстро, очереди почти не было, так как все столы были заняты, кто-то ел мороженое, кто-то пил пиво, потому новые посетители, видя обстановку, просто не останавливались и проходили дальше.

— А как ваши дела? — поинтересовался у Варева Хрусталёв, когда тот уселся на своё прежнее место.

— Да, так себе, нечем похвастаться, да и объективной оценки сам дать не могу, — ушёл от прямого ответа Варев.

— Вы так и работаете смотрящим? — настойчиво продолжал расспрос Андрей.

При слове "смотрящий" Глеб Викторович дёрнулся, оторвался

от спинки и потянулся за стаканом, видно было, что слово ему неприятно, но в то же время заканчивать беседу он не собирался и потому выверено, без раздражения пояснил:

— Во-первых, это не работа; во-вторых, на той должности я скорее был антисмотрящим, до меня это только сейчас и дошло; в-третьих, в настоящий момент работаю в коллекторной фирме, слышали о таких?

— Конечно, мы с вами почти коллеги, — многозначительно ответил Хрусталёв.

— Моя фирма единственная в своём роде: у неё нет ментовской крыши, а её сотрудники — не бывшие милиционеры, — произнёс с гордостью Варев.

Они оба приложились к стаканам и, потягивая пиво, осматривались по сторонам. Группа туристов, закончив с мороженым, с грохотом и шумом покидала кафе, судя по их сплочённости и возрасту, — это какой-то бизнес-семинар на теплоходе.

Хрусталёв допил пиво до конца и посмотрел на время, пора было уже отправляться в кулинарию. "Сейчас Ленка начнёт названивать и спрашивать: "Куда пропал?" — подумал он.

Варев понял, что ситуация меняется, собеседник скоро покинет его, заторопился уже со своими вопросами:

— Скажите, как человек уже опытный, к кому лучше обращаться: к гадалке или к экстрасенсу?

— Это вам решать, и потом всё зависит оттого, на какой результат вы рассчитываете, — нисколько не удивляясь смене темы, ответил Андрей.

Он поднялся со стула, отодвинул его, освободив выход в проход между столами.

— Как это? — переспросил Варев и посмотрел в лицо Хрусталёву.

— Ну, гадалка погадает и оставит вам информацию для размышления, а экстрасенс, наверное, укажет то, что посчитает нужным.

Отвечая на вопросы, Андрею пришлось задержаться у стола. Он стоял и смотрел на Варева сверху вниз, не решаясь ни уйти, ни заново сесть.

— Вы что общались и с экстрасенсами? — не отпускал его своими расспросами смотрящий.

— Нет, потому могу и ошибиться.

— Значит, если я в чём-то сомневаюсь, — иду к гадалке, а если у меня нет сомнений и, нет, извините, мозгов, к экстрасенсу?

— Не так грубо, но где-то рядом.

— Спасибо за совет, — поблагодарив его, Варев снова приложился к пиву.

Хрусталёв шагнул в проход, надеясь, что разговор окончен, и бросил как бы напоследок:

— Да не за что, это я вернул вам долг.

— Скажите, а вы экстрасенс? — без насмешки на полном серьёзе снова задал вопрос смотрящий.

Андрей остановился, словно услышанное парализовало его, ведь так ещё его никто не называл. Ответ пришёл сам собой:

— Нет, скорее просто телепат.

— Я так и думал, мы с вами в некотором роде коллеги, — облегчённо вздохнул Варев.

Хрусталёв оглянулся и пристально посмотрел на него. Ему теперь стало понятно, почему браслет в прошлой встрече не мог просканировать мысли смотрящего.

Варев улыбнулся ему и попросил:

— Так вы мне телефончик дайте.

Просьба для Андрея оказалась неожиданной, и он, не скрывая удивления, спросил:

— Свой? Зачем?

— Нет, гадалки. У меня есть знакомый медиум, а вот знакомой гадалки нет.

Хрусталёв задумался: он, конечно, помогал Марии в привлечении клиентов, информировал знакомых и просто нуждающихся в таком общении, но в этом случае у него возникли сомнения, что реклама пойдёт на пользу.

"Хоть и смотрящий, но на бандюгана не похож и ведёт себя не вызывающе. Крыша у Марии — служба безопасности банка, да и времена сейчас не те".

Поразмыслив немного, он всё же решился удовлетворить просьбу Варева, но при этом выяснить кое-какие детали:

— Дам, только с каким вопросом вы к ней хотите обратиться?

Глеб Викторович догадался, что его собеседник колеблется и, стараясь держать разговорную нить в руках, тут же переспросил:

— А, что, это имеет какое-то значение?

— В принципе нет, просто я мог бы проконсультировать: примут вас или нет, — отвечая так, Хрусталёв ещё надеялся, что Варев после выяснения всех обстоятельств гадания, возможно, и сам откажется от своей просьбы.

Но смотрящий не сдавался и продолжал сыпать вопросами:

— Как это понимать?

— Ну, там запись через секретаря, могут и прокатить, — промычал Андрей, пряча глаза от проницательного взгляда смотрящего.

— Даже так! — воскликнул удивлённо Варев, — у нас теперь гадалки с секретарями, выходит мой экстрасенс отсталый, так сказать, пережиток.

— Я не в этом смысле, — начал смущённо оправдываться Хрусталёв, — если вы там порчу закажете или ещё какой-то вред кому-то, то эта гадалка не возьмётся за такое.

— А понял, — кивнул головой Глеб Викторович и пояснил, — нет, у меня наоборот, узнать, кто меня подставил и что от него ждать в дальнейшем.

— Возможно, вам и помогут, — успокоился Хрусталёв и уже решительно произнёс, — пишите.

— Да я запомню, — улыбаясь, Варев продолжал смотреть на Андрея.

— Пожалуйста.

И Хрусталёв продиктовал номер телефона Марии.

Что поделать, информационные технологии раздвигают границы бизнеса, но, к сожалению, сознание людей от этого не становится шире. Век что ли такой, двойных стандартов и новых технологий. Одним словом, как в рекламе: два в одном, но всё же не одно целое.

СЕНТЯБРЬ 2009

г. САРАТОВ